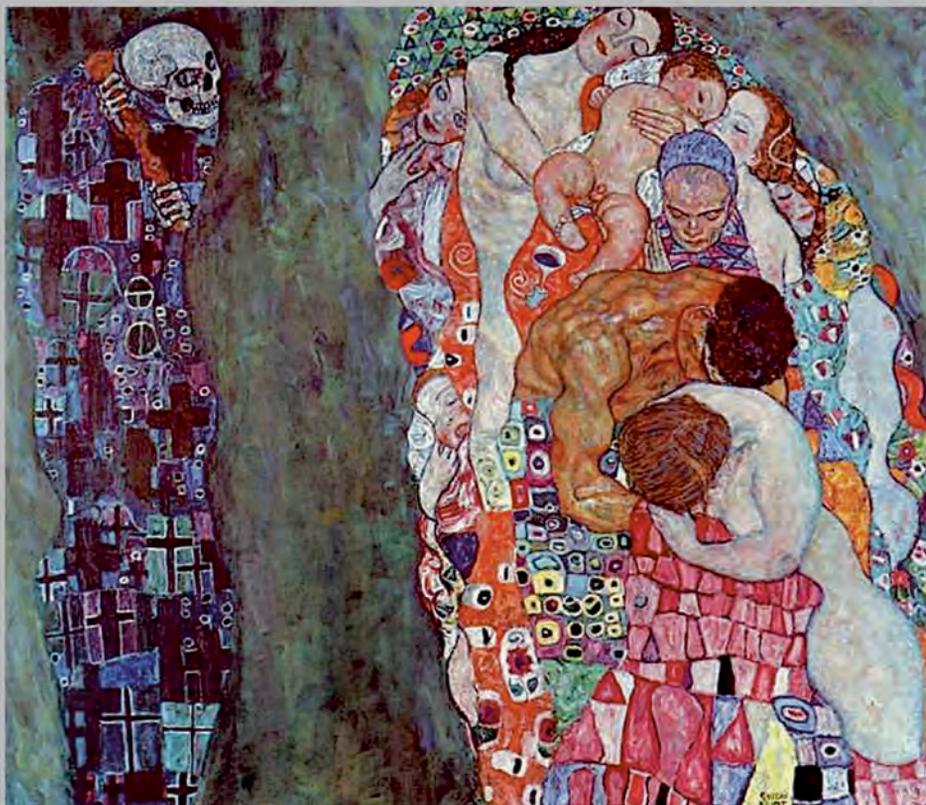

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

Русский антимир

Политика на грани апокалипсиса

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

Русский антимир

*Политика
на грани апокалипсиса*

Franc-Tireur
USA

The Russian Anti-World:
Politics on the Verge of Apocalypse.
Political essays
by Mikhail Epstein

Copyright © 2023 by Mikhail Epstein

The front cover reproduces Gustav Klimt's painting
"Death and Life" (1908–1916)

All rights reserved

ISBN 978-1-365-62846-7

Printed in the United States of America

Аннотация

Эта книга посвящена глубочайшему историческому слову в судьбе России, катастрофическим событиям ее конфронтации с Украиной и Западом. Это не просто война, но цивилизационный раскол, который рассматривается в целостной культурно-исторической перспективе. Прослеживаются пути трансформации «русского мира» в антимир, угрожающий апокалипсисом всему человечеству. Систематически исследуются многообразные черты этого антимира: антивремя, антипространство, антибытие, антисоциум, антимораль, антихристианство, антиязык. Рассматривается природа шизофренического фашизма («шизофашизма») и те парадоксы и инверсии, которые превращают победу в поражение. Политические события служат предметом философского, культурологического и лингвистического анализа, который опирается на обширный материал СМИ, русской литературы и интеллектуальной истории.

Михаил Наумович Эпштейн (Mikhail Epstein) — филолог, философ, культуролог, эссеист, автор сорока книг и множества статей и эссе, посвященных современной философии и религии, русской и западной литературе, развитию гуманитарных наук. Профессор университета Эмори (США), основатель и руководитель Центра гуманитарных инноваций в Даремском университете (Великобритания, 2012-2015). Лауреат премии Андрея Белого (1991), лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин — Веймар, 1999), премии Liberty (Нью-Йорк, 2000) и др. Его работы переведены на 26 языков.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
РУССКИЙ АНТИМИР.....	9
НЕГАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.....	9
ПСЕВДОМОРФОЗА И АНТИМОРФОЗА. МИРОВОЕ ПОДПОЛЬЕ	11
АНТИСОЦИУМ. СОБОРНость И СОВОРНОСТЬ.....	13
ПУСТОТА. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРОКЛЯТИЕ.....	15
АНТИВРЕМЯ. ОТ РЕТРО- К АРХЕО-	20
АНТИЖИЗНЬ. НЕКРОКРАТИЯ	22
АНТИМОРАЛЬ. БОБОК И ПАНФОБИЯ	26
АНТИБЫТИЕ. ОНТОЦИД	30
ИНВЕРСИИ	32
АНТИЛИЧНОСТЬ. НЕЛИНЕЙНАЯ ЛОГИКА МАССОВОГО ПСИХОЗА.....	35
АНТИЦЕННОСТЬ. КУЛЬТУРНЫЙ ДЕФОЛТ	39
РУСИСТИКА И НИЧТОВЕДЕНИЕ.....	41
ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ФАШИЗМ.....	43
Что такое шизофашизм?	43
НАРОДНОЕ ДВОЕДУШИЕ	44
ЛОЖЬ БЕЗ ОБМАНА	48
КОЧЕВЬЕ И ОСЕДЛОСТЬ	50
КЛАССИКА-КАССАНДРА	55
Пушкинский миф о тайной свободе	55
САМЫЙ СТРАШНЫЙ ПЕРСОНАЖ «МЕРТВЫХ ДУШ».....	59
Вечный Чичиков — херсонский помещик	62
Коваленко против Беликова. Почему разошлись пути двух народов	63
Где обрывается Россия?	66
Камнеломки в Крыму.....	70
ПУТЯМИ НЕБЫТИЯ.....	72
Историческая неприкаянность	72
КАК РЕВОЛЮЦИЯ ОБРАЩАЕТ ВСПЯТЬ ХОД ИСТОРИИ. «АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА» ..	74
Гоп-политика и другие гоппи. Как гопота овладевает государством	80
Пустоводство, или Как делать ничего	86
Какофилия. О выгодах и провалах зловластия	91
Новичок во всех смыслах.....	96
Самоубийство человечества	99
Утащит ли «Мертвая рука» живых в царство мертвых?	101

ДВЕРИ АДА	103
НОВАЯ АПОКАЛИПТИКА	103
ВРЕМЯ АНТИХРИСТА.....	106
САТАНА ПРАВИТ МИРОМ. К ТЕОЛОГИИ ТЕРРОРА	111
СВЯТОБЕСИЕ	118
ГДЕ ЦЕНТР АДА? ЕВРАЗИЙСКИЕ РЕПЕТИЦИИ КОНЦА МИРА	121
ПРЕДЧУВСТВИЕ РАСПАДА	127
О РОССИЯХ.....	128
ПОБЕДА КАК ПОРАЖЕНИЕ (АВГУСТ 2008).....	133
ОБНАДЕЖИВАЮЩИЙ УРОД. ПРОГНОСТИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ	137
БОЛЬШЕ РАЗНЫХ РОССИЙ? О КОНЦЕ ИМПЕРИИ. БЕСЕДА С ВАДИМОМ ШТЕПОЙ	146
ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ, МИФОЛОГИЯ ПОЧВЫ	152
ВОЙНА И ФИЛОСОФИЯ. БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ГЕНИСОМ.....	152
РУССКАЯ ХТОНЬ И ФАШИЗМ. БЕСЕДА С СЕРГЕЕМ МЕДВЕДЕВЫМ.....	161
ВЛАСТЬ И ЯЗЫК	169
ПОЧЕМУ МЫ В УКРАИНЕ?	169
СЛОВА И ДЕЛА. ПУТИН И ХАРМС	173
СТАЛИН И ЯЗЫКОЗНАНИЕ. МЕЖДУ МАРКСОМ И ПРИГОВЫМ.....	175
ЛОЖЬ, БРАНЬ, БРЕД... О ВЛАСТНЫХ ФУНКЦИЯХ РЕЧИ (1937 и 2022).....	181
НОЧЬ ЯЗЫКА. ВЕРБАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ 2022 Г.....	187
ЯЗЫК СИЛЬНЕЕ ГОСУДАРСТВА. КОГДА ЗАВЕРШИТСЯ ПРАВЛЕНИЕ ПУТИНА?	195
МЫСЛИ ПО ХОДУ СОБЫТИЙ	197
УЛЬТИМАТУМ ЗАПАДУ. ОРДА САМА ПО СЕБЕ (197) — ЗАКРЫТИЕ МЕМОРИАЛА. КОНЕЦ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (199) — СОН. СВЕДЕНИЯ ОТТУДА (199) — ИСТОРИЧЕСКОЕ НЕ-СОБЫТИЕ, ИЛИ ПРАЗДНИК НОЛЯ (200) — УМЕР АЛЕКСАНДР ЯНОВ. ДВУЛИКИЙ ЯНУС (201) — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА. ПРАЗДНИК ОСВЯЩЕНИЯ ГРАНИЦ (205) — ЗА ТРИ ЧАСА ДО ВОЙНЫ. Я ПРОТИВ (209) — ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ. РОССИЯ ИЗГОЙСКАЯ (210) — ЗАКРЫТИЕ «ЭХА МОСКВЫ». ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЛИБЕРАЛИЗМОМ?(211) — ГОДОВЩИНА СМЕРТИ СТАЛИНА (213) — НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ПОСТА. В ЧЕМ ГРЕХ? (213) — СИМВОЛИКА ВОЙНЫ. ЗЛОВЕЩАЯ БУКВА Z (214) — УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС. СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА (215) — ПУТЕМ ГЕРМАНИИ. ТОМАС МАНН О НАШЕМ ВРЕМЕНИ (216) — ПОСЛЕ КРУПНЫХ ПОРАЖЕНИЙ. НАСИЛЬНИК-ИМПОТЕНТ (217) — ВЕЛИКАЯ СУББОТА. ЖИЗНЬ РАЗДЕЛИЛАСЬ НА ТУ И ЭТУ (218) — ПАСХА. ПАСХАЛЬНОСТЬ УКРАИНЫ (219) — ЗА СИНИЙ И ЖЕЛТЫЙ МОГУТ НАКАЗАТЬ. ПРОУКРАИНСКОЕ НЕБО (220) — ПЕСНЯ ШНАМАН'А. ВСЕМУ МИРУ НАЗЛО (220) — СМЕРТЬ МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА. ВЕЛИКИЙ И БЕЗЛИЦЫЙ (221) — В РОССИИ ОБЪЯВЛЕНА МОБИЛИЗАЦИЯ. ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНЫМ ДЕЗЕРТИРАМ (222) — БОМБАРДИРОВКА ИНФРАСТРУКТУРЫ. ПОДЛЕЙШАЯ ВОЙНА (224) — ВОЗВРАЩЕНИЕ ХЕРСОНА. ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО В ПОЛИТИКЕ (224).	
СЛОВАРЬ АНТИМИРА	226
БИБЛИОГРАФИЯ И ВИДЕОГРАФИЯ	232
SUMMARY AND TABLE OF CONTENTS	240

Предисловие

Зачем среди ночной поры встречаются антимирь?

А. Вознесенский

Рожденное в окрестностях этих «звёзд» антивещество может выбрасываться в окружающее их пространство.

А. В. Клименко, В. А. Клименко.

Миры и антимирь.

Уже год идет русско-украинская война, политически бессмысленная и самоубийственная, а потому метафизически загадочная, обращенная к каким-то еще не раскрытым тайнам духа и общества. Этому и посвящена книга: культурологическому истолкованию исторической катастрофы. В наше время политика перестает быть только политикой, поскольку задевает философско-религиозный нерв существования страны и мира, начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем?

«Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов, 3:25). Пережив 2022 г., все человечество может сказать так о себе словами Иова. Силы саморазрушения цивилизации, возраставшие одновременно с силами созидания, достигли верхней точки — и нашли для себя точку воспламенения: Россию. И теперь мы следим, как постепенно разгорается этот фитиль, подбираясь к ядерному арсеналу всей планеты.

Если пристальнее рассмотреть черты «русского мира», каким он видится его идеологам и реализуется в ходе «специальной военной операции», то он весь состоит из «анти», из антитез миру как таковому, в том числе мирному состоянию бытия. Рассматриваются многообразные черты этого антимира: антивремя, антипространство, антижизнь, антимораль, антихристианство, антиязык, природа шизофренического фашизма и те парадоксы и инверсии, которые превращают победу в поражение. Книга прослеживает культурные и религиозные предпосылки формирования антисоциума, который сложился в России и грозит национальным и всемирным апокалипсисом.

Книга задумана и написана в самый темный и страшный год в истории России. Никакие свершения русской культуры, никакая любовь к ней не могут смыть той каиновой печати, которая отныне на ней поставлена. В

этой книге современные политические события связаны с метафизическими темами, с архетипами русской культуры — и из них закономерно вытекают. Необходимо понять, как из того «добра и света», в котором нас воспитывала «самая гуманная в мире» литература, могло произойти *преступление по имени Россия* — величайшая катастрофа и угроза существованию человечества. Эти процессы — исторического и психологического сползания России в 2022 г. — рассматриваются в разделах «Шизофренический фашизм», «Классика-Кассандра», «Путями небытия», «Двери ада», «Предчувствие распада» и «Власть и язык». В частности, нас интересует, как русская классика оказалась Кассандрой XXI в. — и пророчицей, и жертвой катастрофы.

Книга включает три беседы на философско-политические темы и «Мысли по ходу событий» — краткие размышления и комментарии на политические события года. Далее следует «Словарь антимира» — определения тех понятий и терминов, которые характеризуют новую историческую ситуацию. Некоторые главы раньше публиковались в виде отдельных статей и эссе — они, как и другие социально-политически работы и выступления последних лет, включены в «Библиографию и видеографию» в конце книги.

Восемь лет назад в этом же издательстве вышла моя книга «От совка к бобку. Политика на грани гротеска». Ее отправной точкой стал 2014 г., когда после захвата Крыма Россия стала скатываться к катастрофе, полный масштаб которой обнаружился в 2022 г. Эти две книги образуют политико-метафизическую диалогию, но их тональность разная, что выражено в подзаголовках: «политика на грани *гротеска*» — и «политика на грани *апокалипсиса*».

Я благодарен моему другу, писателю Сергею Юрьену, автору «Вольного стрелка» и издателю Franc-Tireur USA, за тщательно подготовленную публикацию этой диалогии. Спасибо А. Генису, С. Медведеву, В. Штепе, интервью с которыми вошли в эту книгу, и тем многочисленным собеседникам, общение с которыми, очное и заочное, помогало мне формулировать свои мысли. Я благодарен моей жене Марианне Таймановой за ее неоценимую редакторскую помощь в подготовке книги.

Русский антимир

Русский антимир

Негативная идентичность

«Русский мир» — главная идея современной России, и его расширение — главная цель государства. В сравнении с предыдущими господствующими идеями, такими, как «православное царство», «третий Рим», «православие, самодержавие народность», «коммунизм», «классовая борьба», «пролетарский интернационал», «всемирная революция», «реальный социализм» — «русский мир» кажется идеей бедной, лишенной содержательного наполнения. Россия теперь вообще не отождествляется ни с каким общим понятием — только с самой собой, с «русским» как таковым («масло масляное»). Остается непонятным, во имя чего, кроме самой себя, она должна расширяться. Владислав Сурков, выдвинувший «русский мир» в центр российской политики, действительно, не определил его ничем иным, кроме самого «желания расширяться»: «Что есть Русский Мир? Эта идея, я её когда-то ввёл в структуру государственной политики... Была такая задача: как сказать об Империи, о нашем желании расширяться, но при этом не оскорбить слух мирового сообщества». ¹ Используя заглавие романа В. Суркова «Околоноля» (2009, под псевдонимом Натан Дубовицкий), можно сказать, что русский мир именно так и определяется им: как вращающийся и расширяющийся ноль. ²

И действительно, если мы посмотрим на практику расширения русского мира, то не обнаружим в ней никакой содержательной — религиозно-мировоззренческой или социально-экономической — мотивации. Те страны, за счет которых этот «мир» пытается расширяться: сначала Грузия, а теперь и в особенности Украина, не представляют из себя ничего принципиально чуждого России: вера — православная, уклад — капиталистический. Чтобы определить причину этого противостояния, следует

¹ «Сурков рассказал о своём понимании русского мира». Russia Today. 12 июня 2021. <https://russian.rt.com/russia/news/872342-surkov-russkii-mir>

² Стоит также вспомнить, что путь Путина и его корпорации во власть начался с дачного кооператива «Озеро»: О-zero (двойной ноль) — учрежденного в 1996 будущим президентом и его друзьями, которые впоследствии заняли руководящие должности в стране. По словам С. Е. Леца, «Ноль — это ничто, но два ноля уже кое-что значат». В данном случае два ноля означают готовность одного ноля превратить весь мир в другой ноль. Отсюда и обнуление президентских сроков самого Путина, и его постоянные угрозы развязать ядерную войну. История любит такие шутки.

Русский антимир

исходить не из каких-то позитивных свойств «русского мира», а именно из того, что он отрицает. И тогда окажется, что этот мир по существу — *антимир*: он определяется сугубо негативными признаками, которые стали самодовлеющими после краха предыдущих идеологий. Особенность России в XXI в. — это формирование чисто негативной идентичности, «от противного».

Каждая последующая фаза истории придает новый смысл всем предыдущим. Нынешняя война России с Украиной, с Европой, с Западом яснее, чем когда-либо, обнаруживает те отрицательные признаки социально-национальной идентичности, которые раньше скрывались в тумане меняющихся стратегий. То Московия провозглашала себя оплотом православной духовности; то российская империя стремилась объединить все славянские народы и возглавить европейский мир; то Советский Союз пытался поставить все человечество под знамя самого передового учения и смести капитализм с лица земли. Теперь схема упростилась. Россия — не против нехристей и буржуев, не против католицизма и капитализма, она вообще — *против*, как антивещество по своей физической природе противоположно веществу. Ядра антивещества, синтезированные учёными, состоят из антипротонов и антинейтронов, а при взаимодействии вещества и антивещества происходит их взаимная аннигиляция. Вот так и Россия на протяжении столетий вырабатывала в себе *историческое антивещество*, которое теперь приходит в столкновение с окружающим миром и грозит его уничтожить в цепной реакции взрыва. В результате всех тысячелетних метаморфоз возникло пространство для «идеального шторма», пустая воронка размером с самую большую страну мира, которая пытается втянуть в себя все, что ее окружает, и определяется не сама из себя, а лишь тем, чему она противостоит. Антивремя, антибудущее, антиистория, антиправо, антисоциум, антисвобода, антибытие...

За 2022 год российский социум мгновенно кристаллизовался в антисоциум, хотя этот процесс шел тысячу лет. Это социальное антивещество обладает своим физическим эквивалентом — ядерным оружием. Обычно говорят, что та или иная страна обзаводится ядерным оружием, — но можно считать и так, что *ядерное оружие обзаводится своей страной*, которая созревает до такого состояния «анти», чтобы использовать его для уничтожения всего мира, включая себя.

Русский антимир

Псевдоморфоза и антиморфоза. Мировое подполье

То, что Россия всегда позиционировала себя как антитеза к остальному миру и якобы была окружена врагами: «еретиками», «иноверцами», «нехрестиями», «жидомасонами», «капиталистами», «антикоммунистами», «антисоветчиками», «русофобами», — это свидетельство ее собственной перевернутости.

Есть две важнейшие особенности русской культуры, которые, казалось бы, противоречат друг другу: зависимость от Запада и противопоставление себя Западу. Недаром Освальд Шпенглер назвал это псевдоморфозом: одна культура, не развившись из себя, принимает форму другой. «Народу, предназначением которого было еще на продолжении поколений жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история... заведены поздние искусства и науки, просвещение, социальная этика, материализм мировой столицы...» — писал Шпенглер о российском псевдоморфозе эпохи Петра.³ Но не всякая культура, ставшая «псевдо», становится «анти», т. е. стремится к разрушению своей первичной матрицы. Для этого псевдоморфоза должна произойти в стране с достаточно большой территорией и населением, чтобы обрести способность противостоять той цивилизации, в форму которой она отлилась. В сущности, с эпохи Петра Россия для того и вбирала технику, промышленность, образовательную систему Запада, чтобы обратить их против самого Запада. Россия оказалась не только псевдоморфозой, но и *антиморфозой*, и чем больше она заимствует, тем сильнее враждует с источником своих заимствований. «Все, что возникло вокруг, с самой той поры воспринималось подлинной русскостью как отравка и ложь. Настоящая апокалиптическая ненависть направляется против Европы» (О. Шпенглер). Это культура ревности и соперничества, которая находит свое призвание в том, чтобы оспаривать первенство других культур, вытеснять их на основе именно тех достижений, которые были от них усвоены.

В этом огромное отличие России от Китая, который противостоит Западу как особая цивилизация, возникшая раньше западной и выработавшая свои пути постижения и преобразования жизни. При всем обилии западных заимствований Китай развивается на собственной цивилизационной основе. Конечно, Россия существенно способствовала усилению

³ «Закат Европы», т. 2, 1923.

Русский антимир

антизападных черт в Китае, обратив его на путь коммунистической революции и марксизма-маоизма. Но в исторической судьбе Китая есть гораздо более могучие и долгодействующие механизмы. Между тем у России нет другой опоры, другой точки устремления, а вместе с тем и отталкивания, чем Запад.

Россия постоянно бунтует против мирового порядка, хотя не может создать порядка даже в самой себе. Подпольный человек у Достоевского наделен острым сознанием своей «самости», но при этом лишен большого творческого дарования и поэтому расходует себя на крупные и мелкие пакости другим, причиняющие наибольшие мучения ему самому. Россия — «подпольное» государство, и недаром она одной из первых создала политическое подполье («Земля и воля», «Народная воля»), а затем, уже в XX в., возвела революционное подполье к вершинам власти. В поведении России на мировой арене угадываются черты уже вполне уверенного в себе подпольного человека, новым воплощением которого в XXI в. стало первое лицо государства.

Эта страна бросает всем вызов, дразнит, унижает, но при этом неспособна создать своей цивилизации, к которой по доброй воле потянулись бы другие народы. Трагедия России в том, что она недостаточно самостоятельна и созидательна, чтобы построить свою особую цивилизацию, которая могла бы соперничать с великими цивилизациями Запада и Востока. И вместе с тем она слишком обширна и горделива, чтобы стать частью других цивилизаций, смириться с подсобной ролью. Конечно, у страны нет обязанности создать свою цивилизацию. Ни Австралия, ни Индонезия, ни Пакистан, ни Бразилия не ставят перед собой такой цели. Но именно это постоянно пытается делать Россия — то в качестве Третьего Рима, последнего оплота истинной веры; то в качестве СССР, прокладывающего миру путь к светлому будущему; то в качестве центра Евразии и знамени евразийства, противостоящего «атлантизму»... Все эти попытки терпят крах и тем не менее возобновляются. Страна мучает себя и других — и в этом ее экзистенция, ее способ напомнить всем (и самой себе), что она жива. Без этого страдания она давно превратилась бы в мертвую пустыню, — только страдание, которое она причиняет другим и себе, оживляет ее, как и ее творцов, от Гоголя, Достоевского и Толстого до Платонова и Солженицына. Русская экзистенция — быть вопреки себе и другим, быть первой в (само)отрицании и (само)разрушении. Опасная и мучительная страна, делающая все для того, чтобы ее население разделилось на две неравные части: пропойц, воров, негодяев — и мучеников и святых.

Антисоциум. Соборность и сорорность

В Россия возникла и укрепилась система антисоциума, который строится на основах, прямо противоположных тем, что обеспечивают развитие цивилизации. Это круговая порука во лжи, воровстве, насилии, преступании всех законов. Это не просто отрицательная селекция, это отрицательность в самих устоях общества.

Патриотические декларации властей давно уже воспринимаются как своего рода прикрытие коррупции. Чем больше втихую крадешь у родины, тем больше клянешься ей в верности на виду у всех. Но связь между патриотизмом и коррупцией намного глубже, и она, как ни парадоксально, истинная, не лицемерная. Есть такая байка: «Папа, ты же вор», — говорит генералу его дочь. Тот отвечает: «Дочка, я родину люблю — мне можно». Патриотизм — это не маска коррупции, а ее подлинное лицо. Кто не ворует, тот не свой. Воровство в России — признак лояльности, готовность ради верности товарищам нарушить любой закон. В другом обществе можно было бы честно зарабатывать и не трястись от страха, что завтра посадят в тюрьму. Но тогда это послушание закону, а Родина превыше закона. Это такая еще не вполне осознанная вера — *родноторие*. Об этом говорит М. Ходорковский: «люди прекрасно понимают, что если ты не берешь взятки, то ты потенциально нелоялен и тебя постараются выкинуть. ...Преступная группировка говорит: если ты не берешь деньги, то ты не с нами, поэтому либо бери, либо пошел вон».⁴

Понятия «мафиозности» или «коррупции» описывают преступные аномалии нормального общества, тогда как в *антиобществе* сами эти явления выступают как норма, негласный закон, основа «понятий», т. е. правильных, социально одобренных взаимодействий.⁵ У такой, казалось бы, перевернутой морали есть свои глубинные мистические основания.

⁴ <https://www.currenttime.tv/a/28904979.html>

⁵ Одним из первых об этом особом укладе российского общества как антисоциума писал искусствовед и социолог Леонид Невлер в статье «Социология мафиозности»: «Каждый работник, какое бы положение он ни занимал, не только имеет право, но и обязан нарушить закон, совершить подлог, получить свою часть ворованного, потому что иначе он будет признан в коллективе чужим. <...> Взаимное попустительство в нарушении закона, приобщение к общей тайне или, если хотите, общему преступлению (поскольку все организовано так, что каждого можно привлечь к суду вследствие расхождения закона и практики) — гораздо более крепкая основа социальной консолидации, чем все, что знают демократические структуры...» «Знание — сила», 1993, № 12. <https://naperovskom.livejournal.com/76763.html>

Русский антимир

Они сложились задолго до «социализма» и «коллективизма» — на почве особого общественного устроения, которое философ и публицист А. С. Хомяков (1804–1860), один из основоположников славянофильства, именовал «соборностью». Хомяков критиковал католичество, где идея духовного единства воплощена в организации церкви под началом Ватикана и в системе догматов и правовых установлений. Одновременно Хомяков критикует и другую западную ветвь христианства, протестантизм, где личность свободна в своем прямом предстоянии Богу. В отличие от католичества и протестантизма, православная соборность действует не как обязательный для всех закон и не как личная вера в Бога, а как таинственная спайка всех членов церкви в общем для них духе: «*сущность её состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех её членов...*»⁶ Мистическое единство членов православного сообщества опирается на некий опыт духовной сопринадлежности: каждый воспринимает всех — и все каждого — как клетки единого организма, спаянного чисто интуитивным взаимопониманием и соучастием своих частиц.

Соворность — это и есть соборность антиобщества. Если в соборности правит не порядок, не канон, не Священное Писание, не церковные институты, а некая неуловимая общность, сплоченность тайны, — то в антиобществе правит дух круговой поруки, *сообщность в беззаконии*. *Соборность* деградирует в *соворность* именно потому, что ей не поставлены преграды ни в виде законов, соблюдаемых обществом, ни в виде индивидуальной свободы его членов. Даже в самые благополучные и законопослушные периоды российской истории идеал соборности сочетался с практикой соворности, оставаясь основой негласного общественного согласия. Это признавали и верховные правители. В 1855 г., за несколько месяцев до смерти, Николай I, разгневанный кражей инвалидных сумм, сказал, что знает лишь одного человека, который не крадет, и это он сам.

Антисоциум — сложная ритуальная система, в которой есть место не только страху и террору, но и смеху и сарказму. Законы учреждаются, чтобы все понемногу могли их нарушать, глумиться над ними, — но при этом и трепетать перед властью, стоящей над законом, неподотчетной и непостижимой. Видимо, общественная бедность и неравномерность распределения богатства обуславливают эффективность такого двоения в антисоциуме. Официальные законы создаются максимально жесткими —

⁶ Хомяков А. С. Церковь одна (Опыт катехизического изложения учения о Церкви). <http://www.odinblago.ru/filosofiya/homakov/tom2/2/>

Русский антимир

именно для того, чтобы их нельзя было полностью исполнять, чтобы каждый уповал только на милость, а не на закон. Антисоциум — общество совиновых людей, которые обкрадывают друг друга и самих себя и договариваются хранить это в тайне. Здесь не может быть уверенных в себе, правых, чистых, — все мечены, на всех можно собрать компромат. При этом важно соблюдать меру: потеряешь страх, сорвешься на крупном «хапе» — загремишь в тюрьму. А захочешь быть честным и гордым, прямо смотреть закону в глаза, — пойдешь по миру с сумой. Приходится вертеться между тюрьмой и сумой, не зарекаясь от обеих.

Теперь понятно, что дело не в марксизме, не в социализме и коммунизме, хотя вроде бы с них и начался обвал России в антимир. То, что однопартийное государство всецело подчиняет себе жизнь общества, экспроприрует частную собственность, устанавливает правящую идеологию и цензуру и карает малейшие отступления от нее, — все это вторичные признаки более глубокого феномена: «общества навыворот», структурной реверсии социума, который формируется не соблюдением законов, а согласованным отступлением от них. Большевицкая революция дала новый, сильнейший импульс «антисоциуму», который в результате обрел официальное, идейное основание. Беззаконие под названием «революционной законности» вошло в плоть и кровь этого общества. «Но если он [век] скажет: «Солги», — солги. Но если он скажет: «Убей», — убей» (Э. Багрицкий). Когда советская система потерпела крах, антисоциум выжил и его структура, основанная на системном беззаконии, осталась прежней. Антисоциум может вполне обойтись без коммунизма, без марксизма, — но не может существовать без антизаконности, участие в которых доказывает верность кругу товарищей, «революционной партии» или «организованной преступной группе». Общество может успешно бороться с нарушениями закона, но для антиобщества они и составляют закон.

Вот почему, как ни страшны «коррупция» или «мафиозность», — это лишь эвфемизмы, прикрывающие гораздо более глубокую тайну антиобщества — тайну *соборности-соворности*.

Пустота. Территориальное проклятие

Время от времени студенты задают мне вопрос: «Почему Россия такая несчастная? И почему она приносит несчастье другим странам?» Представления студентов о несчастной стране формируются изучением

Русский антимир

классики: Гоголь, Достоевский, Чехов... Замятин, Булгаков, Платонов, Зощенко, Солженицын, Шаламов...

«Почему...?» Этот вопрос меня тоже преследовал всю сознательную жизнь. Помню, летом 2006 года, во время диалектологической экспедиции в верховья Волги, я стоял на берегу озера Селигер. Изумительный водный овал, окаймленный темным лесом, облака вверху и внизу, мир, тишина, покой... Казалось, вокруг должны быть рассыпаны зажиточные города, веселые пристани, сказочные терема, в которых живут богатые, свободные люди. Среди такой умиротворенной природы не может не возникнуть мирная, жизнерадостная, производительная цивилизация... Но в нескольких шагах от берега стояла в развалинах церковь, где на месте купола рвано зияло небо, а пол был устлан толстым слоем коровьего помета... В окружающих деревеньках осталось доживать лишь несколько старух (чей диалект мы и собирали) и вконец спившихся бобылей. Школы давно закрылись, и единственное живое место в округе — это поселок таджикских рабочих, уже успевших соорудить для себя мечеть.

Центр селигерских краев Осташков по меркам провинциальной России вполне приличный городок, но какой же унылый, нескладный, без малейшей искорки радости и вдохновения — и это на берегу такой сказочной озерной жемчужины! Вокзал, центральная улица, пристань, — все сделано так топорно, что чувствуешь настроение строителей: только бы поскорее отделаться. Поразительная несоразмерность между чуткой, аристократически строгой, духонаполненной природой — и убогой «культурной» средой. Как будто природа просит, чтобы ее оставили в покое, не трогали, не марали, чтобы безлюбые пришельцы поскорее ушли из этих мест.

«Почему?» Порой винят суровый климат, долгие зимы, не благоприятные для развития цивилизации. Но сравнение с еще более северной и все-таки процветающей Финляндией да и всей Скандинавией опровергает такое объяснение. Там ведь нет ни среднерусских равнин, ни степей, ни чернозема — а они построили чудесную цивилизацию, мирную, изобретательную, добрую к человеку — и по благосостоянию во многом опережают остальную, климатически более мягкую Европу!

Помимо географического фактора выдвигается еще морально-религиозный. Россия — многострадальная земля, такова ее небесная участь, христианское назначение. «Удрученный ношей крестной, /Всю тебя, земля родная, /В рабском виде Царь небесный /Исходил, благословляя» (Ф. Тютчев). Однако страна, убившая миллионы своих и чужих граждан и настроившая ГУЛАГи на огромных пространствах Европы и Азии, вряд ли может служить образцом христианской добродетели. И продолжающая

Русский антимир

убивать... До сих пор незаживающие раны кровоточат в разных частях мира: и в Северной Корее, и в Афганистане, и в Закавказье, а главная жертва сегодня — конечно, Украина.

Что же ответить студентам — так, чтобы не вышло слишком лирично или мистично? Мне кажется, причина несчастий России — величина ее пространства и соответствующее чувство собственного величия. Основоположник славянофильства А. С. Хомяков заклинал дорогую ему Россию не гордиться своим простором и не поддаваться на льстивые самозаклинания:

«Гордись!» — тебе льстецы сказали:
«Земля с увенчанным челом,
«Земля несокрушимой стали,
«Полмира взявшая мечом! <...>
«Красны степей твоих уборы,
«И горы в небо уперлись,
«И как моря твои озеры...»
Не верь, не слушай, не гордись!
(«России», 1839)

Пространство пожирает и опустошает страну изнутри. «Мы живем, под собою не чуя страны», — сто лет спустя писал О. Мандельштам. Живущему в этой стране трудно почувствовать ее своей и нести за нее ответственность. Она не прилегает к коже, а вздувается, как огромный волдырь. Что бы ни сделал человек, эта страна все сведет на нет. Он насадит сад — а откуда-то нагрянут чужие и все заберут или разорят. Это страна всехняя и ничейная, в ней нет разгородок для личной свободы и ответственности, для сплоченного сообщества людей — сотруженников и сомышленников. Это страна ни для кого не своя, в том числе и для тех, кто правит ею. Они всё отбирают у регионов, а регионы в ответ не хотят работать на столичных начальников, зарывающих свои сокровища где подальше, в чужих землях. И поэтому все повисает в неопределенности: необеспеченность прав и невыполнимость обязательств, невозможность договоров, предполагающих взаимответственность.

Говорят о «ресурсном проклятии» России, но есть еще более страшное — *территориальное проклятие*. Нельзя ни отдать эту территорию, ни освоить ее — только стыть и пустеть вместе с ней, впуская все глубже в каждый дом, в каждое сердце чувство безысходности.

Александр Солженицын упрямо твердил, что Россия нуждается в системе земств, местного самоуправления, и в этом он был великий

Русский антимир

реалист. Но он же полагал, что новая федеративная держава должна вобрать в себя все славянские республики и Казахстан, т. е. верил в благотворность общего государственного пространства и призывал к его расширению уже после распада СССР. «В 1991 упущена была — если она ещё была? — единственная здоровая перспектива: реальное, взаимокрепкое соединение трёх славянских республик с Казахстаном — в одно федеративное государство («конфедерация» — это дым)...», — писал Солженицын в своей публицистической книге «Россия в обвале» (1998).⁷

Казалось бы, как не понять, что местное *самоуправление* и такое огромное пространство, *управляемое* из одного государственного центра, — несовместимы? Сильные земства на необъятной земле, — эта утопия несбыточна для России. История показала, что введенные в 1864 г., на волне александровских реформ, земства, как форма самоуправления, все больше становились легальной оппозицией центральному правительству — и были отменены в 1918 г., едва большевики взяли власть.

Александр Кушнер писал в 1969 г.: «Большая удача — родиться /В такой беспримерной стране. /Воистину есть чем гордиться, /Вперяясь в просторы в окне...»

Поэт, публикующий это в СССР, прекрасно понимает риторическую условность своих восклицаний. Обширность пространства — самый обманчивый и во всех смыслах пустой предмет для гордости. Как можно гордиться ничем, т. е. пустотой территории, которая обратно пропорциональна тому, что она содержит в себе? Да и сам народ, под угрозой социального и физического вырождения, несет на себе иго этой «необъятной родины своей», где никак не может почувствовать себя хозяином. Иго пострашнее ордынского — да и доставшееся по наследству от той же Орды.

«Приволье», «раздолье», «разгулье» — неповторимые «задушевные» русские слова, практически непереводимые в других языках. Однако не сквозит ли в них та же пустота, которая предстает порой как манящая, освобождающая? «Что-то слышится родное /в долгих песнях ямщика: /то разгулье удалое, то/ сердечная тоска...» (А. Пушкин, «Зимняя дорога»). «Почему слышится и раздается в ушах твоих тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? <...>Что пророчит сей необъятный простор? <...>Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?» (Н. Гоголь, «Мертвые души»). У Гоголя тоска через несколько строк переходит в богатырство, как у Пушкина — разгулье в

⁷ <http://www.rodon.org/sai/rvo.htm>

Русский антимир

тоску. Так они и переливаются из пустого в порожнее, из раздолья в запустенье — на всем протяжении русской истории.

Оцепенение безграничного простора так передано у В. Ключевского: «Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли».⁸ Сама бескрайность этого мира рождает тянущую пустоту в сердце и вместе с ней — страшную силу размаха. И когда они сочетаются: удаль и тоска — пустота, ищущая расширения, и пустота, не находящая заполнения, — получаются те богатырские дела, от которых тоска не только не унимается, но шире расходится в сердце. «Объятый тоскою могучей, /Я рыщу на белом коне...» (А. Блок). Чем привольнее бег, тем сильнее тоска в сердце всадника; отсюда и «наш путь — в тоске безбрежной — В твоей тоске, о, Русь!» («На поле Куликовом»). Каждый подвиг этой размашистой удали состоит обычно в том, чтобы раздвинуть «стесняющие» пределы — не наполнить их, а пополнить саму пустоту, от которой никому, и самим богатырям в первую очередь, не спастись.

Вот почему так несчастлива эта земля она растерзана своими просторами и одержима духом пустоты, который не выносит никакого жизнеустройства на определенном месте. Как сказал бы Гегель, абстрактная идея беспредельности уничтожает всякую жизненную конкретность. Пьянство, воровство, коррупция, лень, ложь, насилие — это лишь многообразные формы запустения и отвлечения от конкретного труда жизни: нет твердого понятия о собственности, о реальности, о правде, о свободе, об индивидуальности, о гражданском долге, о человеческом достоинстве. Все это расплывается в абстракции великого пространства, которое никто не может чувствовать своим, ибо оно, как горизонт, отступает от каждого реального места, предает его, сметает в ничто. Великое и неопределимое «там» (там, в столице, там в Кремле, там, на небесах) торжествует над «здесь» и требует новых и новых жертв. Этот призрак великого пространства люди называют «Родиной» и кормят своей плотью и кровью, своими детьми, своим имуществом, честью и свободой.

Поэтому не так уж удивительно, что в XXI в. Россия оказалась единственной страной, не имеющей твердых, международно признанных границ. Присоединив к себе ряд украинских территорий (начиная с Крыма в

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории (часть 1, лекция 4), Сочинения в 8 тт. М.: Политиздат, 1956. Т.1. С. 70.

Русский антимир

2014 г.), она не столько выросла в размерах, сколько утратила свою пространственную идентичность. Если Севастополь и Донецк входят в состав России на тех же конституционных правах, что Москва и Петербург, значит, вся территория России, включая обе ее столицы, оказываются в таком же юридически неопределенном, подвешенном состоянии. Россия *рассеяла* себя, «размазала по глобусу». Такова судьба анти-пространства, которое по мере растяжения превращается в противоположность себе, утрачивает саму страну как форму своего конкретного бытия.⁹

Антивремя. От ретро- к архео-

Понятие «*ретромании*» приобрело известность после выхода книги британского музыкального критика и журналиста Саймона Рейнольдса «Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого» (2011).¹⁰ Со смесью иронии, горечи и ностальгии Рейнолдс пишет о том, что будущее поп-культуры — это ее прошлое: воссоединение музыкальных групп, переиздания классических альбомов, римейки, мэшапы... При этом ресурсы прошлого не безграничны, и что случится, когда они исчерпаются? Не ожидает ли нас полный крах, ведь создавать новое мы уже разучились?

Ретромания, которая стала утверждаться в России в XXI в., имеет две характерные черты. Во-первых, масштаб. Это не поп-музыка и не поп-культура, а весь жизненный уклад страны, система ее ценностных ориентаций и поведение на мировой арене. Это ретро-идеология властей, ретро-психология масс, стремление повернуть вспять вектор истории, укрепление ретро-советской и ретро-имперской ментальности и традиций.

Во-вторых, выход за рамки ретро-. Ретромания, описанная Рейнольдсом, обращена в глубину прошлого лишь на несколько десятков лет, воссоздавая стили 1960—1980-х. Подобное ретро имело место и в России в 1990-е гг., воплощаясь в таких проектах, как «Старые песни о главном», возрождавших позднесоветскую эстраду, или в ностальгических фильмах, таких как «Над темной водой» (Д. Месхиев). Позже, с конца 2000-х стал входить в моду ранее осмеянный брежневский политический стиль «застой» с его установкой на «стабильность», или «стабилизец», как

⁹ Тема пустоты и территориального проклятия продолжается в главе «Пустоводство, или Как делать ничего?» (раздел «Путями небытия»).

¹⁰ Simon Reynolds. *Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past*. L. Faber and Faber Ltd, 2011.

Русский антимир

ерничали тогда. Но дальше — все более крутой обрыв в прошлое. Рамки «ретро» уже стали узки для того обвала в архаику, который происходит в России в XXI веке. Как и в XX, Россия идет впереди планеты всей, совершая безудержный прыжок, — однако уже не в коммунистическое будущее, а в феодальное прошлое. Стремительно захлопывается окно в Европу и возрождаются идеалы допетровской Московии. Снова в чести Иван Грозный и опричнина. Эту уже не *ретро*-, а *архео*-, АРХЕОКРАТИЯ, контрастно-симметричная советской футурократии. Вернулся государственный гимн советских времен — музыка А. Александрова на слова С. Михалкова. Победа над нацистской Германией в 1945 г. объявлена главной «скрепообразующей» вехой российской истории. Центр национального самосознания сдвигается все глубже в старину. В 2005 г. был учрежден праздник «народного единства» в честь разгрома польского гарнизона в Москве в 1612 г. — «День освобождения от польско-литовских захватчиков». В 2008 г. главным лицом Отечества, победителем широкомасштабного телевизионного конкурса «Имя Россия» признан «святой благоверный» князь Александр Невский, который, как известно, распространил ордынскую власть на Новгород, где выкалывал глаза тем, кто противился игу. 13-й век. Получается, что за последующие восемь веков ни один великий ученый, писатель, композитор, мыслитель, полководец не просиял на отечественном небосклоне ярче, чем этот князь, бывший челобитную татаромноглам.

Еще в 2009 г. новый, тогда «либеральный» президент Д. Медведев выступил со статьей-манифестом «Россия, вперед!» Но после президентской «рокировки» и возвращения В. Путина на третий срок в 2012 г., стал очевиден другой вектор времени. Девизом нового исторического периода, особенно после захвата Крыма в 2014 г., стало: «Россия, назад!» И вообще, «Время, назад!» В стране происходит реконструкция всей истории, со смешением разных ее периодов. Реконструируются: самодержавие, православие, народность, целование царя и патриарха, стычки «казаков и студентов» и т. д. В российской державной ностальгии сливаются Куликовская битва и взятие Казани, изгнание польских захватчиков, победа над шведами под Полтавой, разгром наполеоновской армии, победа в Отечественной войне... 2010-е гг. — это сплошное «опять», «можем повторить», нацеленное на все, что угодно: на Ивана Грозного и Сталина, на Александра II и Брежнева, на обоих царей Николаев... Огромная ролевая игра масштабом в целую страну!

Знаменательно, что Фрейд связывал Танатос, инстинкт смерти, с регрессом к предыдущим состоянием живого, стремлением повторять события и переживания, сопряженные с болью и неудовольствием, чтобы избавиться от напряжения жизни, обрести покой в смерти. В этом смысле повторение —

Русский антимир

мать упокоения. Фрейд так пишет об этом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), где впервые Танатос представлен как самостоятельный инстинкт в противовес Эросу: «Новый и удивительный факт, который мы хотим теперь описать, состоит в том, что «навязчивое повторение» воспроизводит также и такие переживания из прошлого, которые не содержат никакой возможности удовольствия, которые не могли повлечь за собой удовлетворения даже вытесненных прежде влечений».¹¹ Не вдаваясь в психоаналитические детали, следует предположить, что лозунг «можем повторить», под знаком которого прошло все предвоенное десятилетие в России (2012–2022), — это нагляднейшее выражение общественного инстинкта смерти. И вообще этот период, одержимый возвратом к прошлому, «реконструкцией» разных битв, царств и походов, отмечен не только постепенным торможением и остановкой исторического времени, но и нарастающей ностальгией по небытию.

Антижизнь. Некрократия

Так происходит еще один, радикальнейший поворот к новой политической метафизике: от *ретро-* к *некро-*, к НЕКРОКРАТИИ. Причем она сразу претендует на законодательный статус, т. е. мыслится именно как система власти. Приведем гротескный, но вместе с тем характерный пример. Выступая в Петербурге на конференции «Вера и дела: социальная ответственность бизнеса» (2016), директор Института экономических стратегий (ИНЭС) РАН Александр Агеев заявил о необходимости законодательного обеспечения *прав умерших* на участие в общественной жизни страны. Это еще не технически затруднительное физическое воскрешение предков, к которому призывал Николай Федоров в своей философии общего дела, но, так сказать, *электоральное*, политически мотивированное *воскрешение*. Размышляя о Великой Отечественной войне как о точке консолидации общества, Агеев предложил предоставить избирательное право 27 миллионам советских граждан, погибшим на войне:

...Погибшие смогли бы влиять на текущие дела в стране, к развитию и спасению которой они имели непосредственное отношение. Например, за

¹¹ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия (1920).
<https://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-bpp-3.php>

Русский антимир

них могли бы голосовать их семьи, объяснил ученый. Он также заявил, что право голоса, возможно, должны получить сразу несколько предыдущих поколений, а не только те, кто погиб в войне. Причина та же: они должны иметь возможность влиять на текущие события, которые становятся продолжением их собственной жизни.¹²

Это говорит не дряхлый ветеран и не телевизионный пропагандист, а Александр Иванович Агеев — генеральный директор Института экономических стратегий Российской академии наук, директор Международного научно-исследовательского института проблем управления, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами НИЯУ МИФИ, доктор экономических наук, профессор МГИМО...

Сколь ни эксцентрическими кажутся эти призывы предоставить умершим избирательные права, они приоткрывают мистическую основу амбиций нынешней власти. Понимают ли российские некрофилы и некроманы, что, привлекая в свои ряды мертвецов, они сами, по сути, пополняют их ряды? П. Чаадаев, первый самобытный русский мыслитель, свои «Философические письма» подписал «Некрополис» (имелась в виду Москва — «город мертвых»). И вот чаадаевский сарказм, совершив полный круг в истории страны, оборачивается государственным проектом *Некрократии*. А мертвые души, на скупке которых рассчитывал преуспеть гоголевский Чичиков, заложив их в Опекунский совет и получив в кредит по двести рублей за каждую, теперь превращаются в инструмент извлечения политического капитала: на дополнительные голоса десятков миллионов умерших можно легко провести в депутаты всех, кого пожелает власть.

Конечно, остается вопрос, за кого и за что усопшие будут голосовать? Погибшие на Великой Отечественной — за Сталина, на гражданской — за коммунизм и монархию, на Первой мировой — за царя... Как бы не разразилась новая гражданская война между мертвецами, несущая им повторную гибель! Прямо по Ф. Тютчеву: «В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, /Воскресшими для новых похорон».

С 2014 г., с начала вторжения в Украину, «русский мир» стал ускоренно обзаводиться новыми обрядами. Смерть символически встречает новое поколение уже у колыбели. Даже младенцев наряжают в военную форму, т. е. готовят им участь пушечного мяса, как будто они прямо рождаются на тот свет. Детские коляски производятся в виде танков. Ко Дню Победы проводятся парады детских войск. Юнармейцы, участники всероссийского

¹² <https://www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html>

Русский антимир

детско-юношеского движения, получают привилегии при поступлении в вузы. Когда родители одевают своих детей в армейскую униформу, они по сути совершают ритуальное жертвоприношение. Но властям это уже кажется недостаточно патриотичным. Еще в 2019 г. в Совете Федерации глава комитета по обороне, бывший командующий ВКС и ВВС России Виктор Бондарев воззвал к министру образования: «Ребенок боится автомата. Ребенок не знает, что такое граната, как ее кидать. Разве это нормальное явление?»¹³ Ребенок, кидающий гранату, — теперь это новая норма!

Так в России готовилась очередная революция, не политическая, а апокалиптическая, — в одной отдельно взятой стране, где мертвые берут власть над живыми. Собственно, этого можно было ожидать: целый век символом политической власти оставался труп в столице страны. Напрашивается почти знакомая, по-ленински чеканная формула нынешней эпохи: «Суверенная клептократия плюс танатализация всей страны».

Танатализация (от *thanatos* — греческий бог, олицетворяющий смерть) — усиление инстинкта смерти в обществе, его преобладание над инстинктом любви (эросом). Порою кажется, что политические термины, такие как «тоталитаризм», «либерализм», «демократия», «империализм», взятые из лексикона других эпох, уже прокручиваются вхолостую применительно к современному (анти)миру. Для описания нынешней ситуации более подходят термины из области психологии, мифологии, метафизики или даже просто физики. Речь может идти об энтропии, о хаосе, о законах термодинамики, об общей теории систем, о царстве Танатоса. Танатализация — то, о чем писали Гоголь в «Мертвых душах», Чаадаев в «Философических письмах» (которые подписывал «Некрополь», имея в виду Москву), Чехов в «Палате № 6», Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре», Шаламов в «Колымских рассказах», Юрий Мамлеев в «Шатунах». Общее у всех этих произведений — представление о стране как о царстве смерти, где немногие оставшиеся в живых отчаянно пытаются спасти себя и ближних.

Еще в начале XX в. Д. С. Мережковский говорил о *трех смертях*, которые необходимо преодолеть России, чтобы выжить. Это сила мертвого, механического, деспотического государства; косность омертвевшей церковной иерархии, ставшей частью государства и утратившей связь с жизнью духа; и власть тьмы, народного невежества, покорности, забитости, рабства. Некрократия уже давно исторически правила в России, но у Мережковского все-таки прорывалась надежда на революцию духа.

¹³ <https://www.zaks.ru/new/archive/view/186600>

Русский антимир

Кончилось все это революцией 1917 года, нетленным трупом в самом центре страны, ГУЛагом на ее необъятных просторах и попыткой превратить весь мир в концлагерь социализма.

Танатофилия советской эпохи, с ее культовым символом, мавзолеем, получает дальнейшее развитие в постсоветскую эпоху.

Танатализация общества проявляется в его милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запретов, росте цензуры, в страхе перед всем новым и самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать. Процветает культ войны — победобесие. Милитаризируются политика, экономика и даже религия. Церковь мобилизуется на прославление армии и воинской доблести. Поп-культура раскручивает образы битв и жертв, встраивая их даже в потребительские товары. Одержимость смертью проникает в эротику и создает новый жанр: pornography превращается в *warnography*. Обнаженные девушки позируют в обнимку с солдатами. Нагота оказывается прельстительней в сочетании со знаками войны.¹⁴ Фрейд противопоставлял инстинкты Эроса и Танатоса, однако некрократия ухищряется подчинить себе даже «принцип удовольствия». Идеолог евразийства и войны с Западом А. Дугин усматривает особенность «русского пола» именно в некрофилии: лишенный связи с либидо, он не различает живого и мертвого.¹⁵

Цель войны, именуемой «специальная военная операция», много раз менялась: от защиты жителей Донбасса до демилитаризации и денацификации, а потом и «десатанизации» Украины, но со временем становится все яснее, что цель войны — сама война, милитаризация самой России. Только в этом экстремальном состоянии, возведенном в норму, она и может сохранять себя как государство; Орда перестанет быть собой без завоевательных походов. А это и есть одержимость смертью, *смертобесие*. Выставка ритуальных услуг «Некрополь» в Москве (ноябрь 2022) продемонстрировала поистине всенародную любовь к смерти, особенно среди молодежи. Юноши и девушки толпились на выставке, примеряли саваны, ложились в гробы или расхаживали в них, как бы водрузив их на себя, — кентавры *жизнесмерти*, «гроболюди». Проводился конкурс на скорейшее косметическое оформление трупов под рекламным слоганом «Похороним двоих, третьего бесплатно!» Без всякого юмора — «дисконт на смерть». Как с гордостью писала «Московская правда», «главная похоронная выставка России пользуется заслуженным авторитетом не только в нашей стране, но

¹⁴ <https://pobedobesie.info/foto/>

¹⁵ Подробнее см. главу «Где центр ада? Евразийские репетиции конца света» (в разделе «Двери ада»).

Русский антимир

и во всем мире». ¹⁶ И в самом деле, в 2022 г. Россия ставит мировые рекорды по производству трупов. Одновременно с выставкой «Некрополь» по всей стране проходила реальная мобилизация-могилизация молодежи, так что культ смерти являет себя в России как поистине массовый обряд, как высшая форма патриотизма.

Недаром и на встрече с лжематерями и лжевдовами погибших (25 ноября 2022) Путин подчеркнул, что, поскольку жизнь всегда заканчивается смертью, то у молодого человека есть три пути: умереть от алкоголизма, погибнуть в ДТП или умереть в бою. И тогда, по словам президента, «его цель достигнута». Очевидно, более позитивные альтернативы: долгая, насыщенная, плодотворная жизнь — для русского юношества не предусматриваются. Это как будто выписка из моей книги позднесоветского времени «Великая Сось» (1988), где представлены нравы полуночного государства, граждане которого поклоняются совам как своим тотемическим предкам. Там в местах обучения молодежи висит доходчивый лозунг: «Будь солдатом — все равно умрешь!»

Популярный когда-то лозунг испанской гражданской войны и кубинской революции «Patria o muerte!», «Родина или смерть!» приобретает в современной России другую логическую связку: не «или», а «значит», «это» — импликация вместо дизъюнкции: «Родина — это смерть». Или просто «Родина-смерть» — песня знаменитой рок-группы «Гражданская оборона». ¹⁷

Антимораль. Бобок и панфобия

В известном рассказе Достоевского «Бобок» (1873) загулявший в подпитии герой бродит по кладбищу и слышит разговоры мертвецов. Сознание покидает их не сразу, а постепенно, в течение нескольких недель или месяцев, отведенных им для осмысления своей жизни и для раскаяния. Но для них это счастливый миг полного раскрепощения от всех уз морали.

Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться... Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся! — Обнажимся, обнажимся! — закричали во все голоса.

¹⁶ <https://mospravda.ru/2022/11/02/601895/>

¹⁷ Тема некрократии, смертобесия развивается далее в разделах «Путями небытия» и «Двери ада», особенно в их заключительных главах: «Утащит ли „Мертвая рука“ живых в царство мертвых?» и «Где центр ада?»

Русский антимир

Над кладбищем поднимается густой смрад — не только телесный, потому что процесс гниения перешел уже на сами души. И вот посреди «праздника мертвецов» и раздается странное, невнятное по смыслу слово «бобок»: «Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!» Какой такой бобок?» Точный смысл этого слова остается непонятным на протяжении всего рассказа, хотя он так и называется — «Бобок». Это даже не слово, а «словцо», какое-то бормотание, междометие — звук умирающей, но еще теплящейся души. «Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно, бессмысленное, про какой-то бобок: «Бобок, бобок»...»

Вот это слово «бобок» и может послужить еще одним точным обозначением наступившей эпохи и восполнить пробел в социально-политической терминологии. Вся та публицистика, геополитика, законотворчество, которые обрушиваются на страну, вызывая приступы энтузиазма, — это, по сути, тот же «бобок». Лопающийся пузырь последнего вздоха отходящего исторического организма.

«Бобок» — стиль 2010-2020-х, как декаданс — конца XIX века или авангард — 1910–1920-х гг. Это слово-клич, звук последнего бесстыдства, воинственной антиморали, когда уже все дозволено, потому что смерть все спишет. О фонетике и семантике этого загадочного слова можно написать целый трактат. У повторных сочетаний «б» с открытыми гласными «а» и «о» — значение угрозы, насилия, смерти, пустоты. Здесь отзывается злой Бабай, которым в славянском фольклоре пугают непослушных детей, и глагол «бабахать» (грохотать, стрелять, ударять, убивать). У Мандельштама звучит столь же неопределимый, но выразительный глагол: «Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, /Он один лишь бабачит и тычет» («Мы живем, под собою не чуя страны...»). У И. Бродского есть загадочное стихотворение «Похороны Бобо», истолкованное самим автором: «Бобо — это абсолютное ничто».¹⁸

Достоевский гордился тем, что ввел в русский язык глагол «стушеваться», т. е. стать менее заметным. Но «бобок» — сегодня более важное для России слово: это знак громкого исчезновения, раскатистый предсмертный выдох. То, что производится сегодня в знак солидарности с войной, вообще со «злойбой года», — и есть тот самый бобок. Бобок-пропаганда, бобок-публицистика, бобок-литература, бобок-метафизика... У бобка много

¹⁸ Венцлова Т. О последних трех месяцах Бродского в Советском Союзе // НЛО. 2011. № 112. С. 262.

Русский антимир

профессиональных обличей и манер. Политик-бобок хочет отобрать у соседнего народа принадлежащую ему землю как «оккупированную». Профессор-бобок выражается еще прямее, чеканит формулу: «Убивать, убивать и убивать. Больше разговоров никаких не должно быть. Как профессор я так считаю».¹⁹ Бобок-пропагандист обещает завалить весь мир радиоактивным пеплом и превратить весь мир в выжженную пустыню.

«Бобок» также означает состояние всепоглощающей ненависти, миро-злобие, «панфобию» (panphobia; греч. *pan*, всё + *phobos*, страх, ужас). Не следует путать панфобию с мизантропией («человеконенавистничеством»). Мизантроп нелюдим, избегает общества, не слишком высокого мнения о людях, в том числе о самом себе; это недоброе, но пассивное, страдальческое отношение к миру, осознание его пороков и слабостей. Панфобия — это эмоционально агрессивное отношение к миру, злорадство по поводу его бед и несчастий, стремление унижить, наказать. Подпольный человек Достоевского, желающий всему свету провалиться, лишь бы ему чай пить, — один из первых представителей этого типа.

Панфобия выражается в пропаганде войны и насилия как средств геополитической экспансии. «...Страна со всех сторон окружена неприятелем» — это еще в 2014 г., после захвата Крыма, заявил премьер-министр (и экс-президент) Д. Медведев. Непревзойденный в истории рекорд: всего за несколько месяцев самой большой на свете стране удалось окружить себя врагом — такова проекция тотальной ненависти ко всему миру. В уставе Евразийского союза молодежи, руководимого А. Дугиным, провозглашается его цель — господство над всем человечеством: «...Мы тоталитарная партия интеллектуального типа, ориентированная на эсхатологический захват планетарной власти. Хитрый и жестокий захват... Поскольку мы господа земли, мы дети и внуки господ земли. Нам поклонялись народы и страны, наша длань простиралась в полмира, а подошвы топтали горы и долины всех континентов земного шара. Мы все вернем назад».²⁰ Панфобия более опасна, чем фашизм или коммунизм, и относится к традиционным идеологическим формам тоталитаризма XX в. примерно как ядерное оружие к обычному, поскольку выражает *тотальную* ненависть: не к иным классам, нациям или расам, а к миру как таковому. Это жажда абсолютной гегемонии над миром и стремление диктовать ему свою волю — или уничтожить его целиком. Советский коммунизм с его идеей классовой борьбы и ненависти к «врагам

¹⁹ Александр Дугин. <https://www.youtube.com/watch?v=DgHiqVy79Zs>

²⁰ <https://inforesist.org/koryavyj-put-ideologa-novorosii/>

Русский антимир

народа» был только прологом к той панфобии, которая стала возрастать в XXI в. на почве ресентимента и реваншизма.

Путь, пройденный Россией за 30 лет после крушения СССР, можно очертить так: *от совка — к бобку*. Разница огромна. Совок был существом наглым и хамоватым, но и лопухим, лоховатым. Его уши еще были полны отголосками добрых увещаний и посулов равенства, братства и великого будущего. Некие исторические, философские, моральные абстракции отдавались в его подсознании и придавали ему толику добродушия и расслабленности даже в острой борьбе за жизненные интересы. Он не был готов так безоговорочно «отжимать» у чужих и «сливать» своих. Он был более спокойным и уравновешенным и вплоть до 2014 года считал, что у жизни еще может быть второе начало.

Бобок лишен этих иллюзий и исторической перспективы. У него осталось только одно право, о котором в «Бесах» Петр Верховенский говорит Ставрогину: «В сущности, наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестие всего легче русского человека за собою увлечь можно». Ставрогин отвечает: «Право на бесчестие — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется». И бобок этим правом пользуется самозабвенно. Страшное свидетельство — убийства и изнасилования, пытки и мародерство, издевательства над детьми и женщинами, массовые безымянные захоронения в Буче, Изюме, Мариуполе и на других украинских территориях, захваченных российскими оккупантами. После позорнейших поражений на поле боя Россия наносит карательные ракетные удары по миллионам мирных жителей, оставляя их без тепла, воды и электричества, — по школам, больницам, роддомам, детсадам, музеям... Совок в простоте душевной полагал, что вселенная должна по-матерински его любить и опекать, восхищаться даже его хамством как выражением ребячливой резвости и непосредственности. Бобок — разочарованный совок, который вдруг осознал свое сиротство. Вселенная никогда не даст ему той любви, на которую он имеет право. Бобок — агрессивно-депрессивный совок, который ничего хорошего не ждет от мира. А потому готов первым нанести сокрушительный удар — и, разлагаясь в могиле, грозит «бобокалипсисом»...²¹

²¹ Подробнее об этом — в разделе «Двери ада».

Антибытие. Онтоцид

Одна из самых известных русских сказок называется «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Вот так и вся Россия, как ее сказочный герой, находится в поиске небытия. Современному политико-философскому языку не хватает понятия *онтоцид* (от др.-греч. *on,ontos* — бытие + *cide*, убийство) — тотальное уничтожение всего сущего, война с бытием как таковым. Геноцид, зооцид, экоцид — лишь частичные проявления онтоцида. Вражда к бытию как таковому лежит в основе ряда религиозных и политических движений, таких как гностицизм, отчасти старообрядчество, евразийство, фашизм, рашизм... Мир лежит во зле или захвачен Сатаной — а значит, подлежит уничтожению.

В своей кремлевской речи, объявляющей аннексию четырех украинских регионов, Путин обвинил весь Запад в сатанизме: «подавление свободы приобретает черты «религии наоборот» — откровенного сатанизма».²² После этого российский Совет безопасности и вся пропаганда провозгласили основной задачей спецоперации уже не только денацификацию и демилитаризацию, но и *десатанизацию* Украины. А это означает борьбу не с идеологией или армией, но с самим существованием Украины. *Онтоцид* на практике — тактика выжженной земли. Иногда она проводится отступающей армией, чтобы не дать возможности агрессору использовать захваченные ресурсы. Но и такая тактика запрещена международными нормами ведения войны. А в нынешней войне тактика выжженной земли применяется *нападающей* армией, которая опустошает территорию как таковую, превращает в руины целые города, уничтожает гражданскую инфраструктуру, отнимает тепло, свет, воду у мирного населения, разрушает основы существования.²³ Такой онтоцид противоречит не только международному праву, но и прагматике войны. Даже нацистская Германия старалась не разрушать больше того, что было необходимо для военной победы, чтобы впоследствии оккупировать эти земли с пользой для их дальнейшего развития под властью уже самой Германии.

²² 30 сентября 2022. <https://tass.ru/politika/15921545>

²³ За 2022 г. Россия полностью уничтожила сотни городов и сел в Украине, включая Мариуполь, Волноваху, Изюм, Рубежное, Северодонецк. Были разрушены или повреждены более 150 тысяч домов. Около восьми миллионов беженцев покинуло Украину и еще около 8 миллионов стали внутренне перемещенными лицами. В среднем гражданские объекты обстреливались в 60 раз чаще, чем военные. Погибли 6 миллионов домашних животных и по меньшей мере 50 тысяч дельфинов в Черном море. Миллионы гектаров леса сожжены обстрелами, 200 тысяч гектаров загрязнены неразорвавшимися минами и снарядами. Все это позволяет говорить не только о геноциде, зооциде и экоциде, но об онтоциде в целом.

Русский антимир

Ненависть или подозрительность в отношении бытия как такового — распространенное российское умонастроение. Небытие ревнует всякую вещь к бытию. Допустим, на свете возникает нечто — некая форма бытия, росток, былинка. Европейец увидит это нечто — и захочет взглянуть на него с разных сторон. Углубиться в его причину. Вырастить из него нечто большее, построить что-то на его основе... А в России на это нечто, как новый факт бытия, взглянут с подозрением. А что ему нужно? Какое у него право тут быть? Ничего не было — и вдруг здрасте-пожалуйста. Да кому ты нужен? Начнет тут воду мутить. Права качать. Как бы чего не вышло. Лучше без него. Как ничего не было, так пусть и не будет. — И начнут это нечто вминать в землю, затаптывать, чтобы поскорее от него ничего не осталось. Небытие — это и точка отсчета, и точка прибытия.

«...Есть ли кто лютее нашего народа?» — вопрошает И. Бунин в «Деревне», написанной в 1910, еще до самых лютых событий XX в. — Историю считаешь — волосы дыбом станут: брат на брата, сват на свата, сын на отца, вероломство да убийство, убийство да вероломство... Былины — тоже одно удовольствие: „распорол ему груди белые“, „выпускал черева на землю“... Максим Горький, один из самых неустанных скитальцев по родной земле, приходит к такому же выводу:

Я думаю, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни. В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное... Коллективные забавы муками человека. (...) Раздев пленного офицера донага, сдирали с плеч его куски кожи, в форме погон, а на место звездочек вбивали гвозди; сдирали кожу по линиям портупей и лампасов — эта операция называлась «одеть по форме». Она, несомненно, требовала немало времени и большого искусства. (...) Но — где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература 19-го века? В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его.²⁴

²⁴ Как ни парадоксально, Горький предполагает, что «на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях». Кто-то пытался подражать мученикам, но большинство вдохновлялось примером мучителей. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин,

Русский антимир

Такая жестокость — это своего рода народное любопытство к бытию, хотя и отрицательное: пытливость от слова «пытка». Что же это за бытие такое? — нужно с ним разобраться. Надломить, скрутить, смять, загнуть. Крайние способы деформации — чтобы оно закричало, забилось от боли, выдало себя. Вот тогда, на пути к смерти, оно становится интересным. Горький отмечает, что жестокость в России носит еще и познавательный, исследовательский интерес: «как бы изучает цепкость, стойкость жизни». Живое острее всего воспринимается в процессе своего истребления. Когда оно цельно, оно опасно, на что-то претендует, может занять наше место. А если его ломать, травить, душить, оно обнаруживает всю силу своей встревоженной, издыхающей жизни. Здесь любят бытие в его ранах, воплях, корчах, судорогах. Тогда нам является его *подлинность, подноготная* (вспомним пыточное происхождение этих слов). Как признавался А. Н. Толстой, его роман «Петр Первый» возник из изучения пыточных записей московского приказа тайных дел. «Эти розыскные акты записывались дьяками, которые старались записать в наиболее сжатой и красочной форме наиболее точно рассказ пытаемого. Не преследуя никаких «литературных» задач, премудрые дьяки творили высокую словесность. В их записях — алмазы литературной русской речи».²⁵ Пытка — вот познавательное отношение к бытию, основа народной эпистемологии и этимологии. Любопытство... О-пыт... Ис-пытание... По-пытка... Пока бытие живое, оно пробует от нас ускользнуть; когда же мы его пытаем, оно раскрывается в своей глубине. И полной откровенности достигает в агонии, на пороге смерти.

Инверсии

Наблюдая события современной российской истории, все время обнаруживаешь в них одну структуру — перестановку, инверсию.

Уже в первый месяц войны, после Бучи, выяснилось, что военные ведут себя как преступники: убивают мирных жителей, насилюют, грабят, мародерствуют. А через несколько месяцев оказалось, что преступников — убийц, насильников, грабителей — рекрутируют из мест заключения в ЧВК Вагнера и в регулярную армию, выдают им оружие, ставят в строй наравне с контрактниками и мобилизованными. Трансформация военных в

1922. <https://www.mytus.net/index.php/rekomendovana-literatura/item/87-about-the-russian-peasantry>

²⁵ <https://bookmix.ru/groups/viewtopic.phtml?id=1242>

Русский антимир

преступников и преступников в военных — это и есть инверсия, логике которой следует новейшая российская история.

Точно так же обстоит дело и с территориями. 30 сентября 2022 г. к России были присоединены четыре украинских региона: Донецкая, Луганская, Херсонская и Запорожская области. Они стали считаться частью России — но, как вскоре выяснилось, и Россия вошла в зависимость от этих регионов. Когда они были переведены на военное положение, то и прилегающие к ним восемь российских регионов были переведены на полувоенное положение («средний уровень реагирования»); Южный и Центральный федеральные округа (включая Москву) приведены в состояние «повышенной готовности»; а остальная страна — «базовой готовности». И все настойчивее слухи, что это прелюдия к переходу всей страны на военное положение.

Инверсия происходит не только в пространстве, но и во времени. Пытаясь перевернуть мировой порядок и установить свою глобальную геополитическую гегемонию в будущем, Россия стремительно погружается в прошлое, проходя в обратном направлении этапы своей истории. Отворачиваясь от Запада, захлопывая окно, прорубленное Петром в Европу, она возвращается в эпоху автаркии, изоляции, во времена Московии. А дальше уже мерцает перспектива стать улусом «Орды», великой восточной империи или даже двух империй: китайской и/или исламской.

Можно указать еще на целый ряд таких инверсий, когда стремление превзойти всех и стать «сверх» приводило к прямо противоположным результатам. Так, в 2014 г. Россия, победив на Олимпийских играх в Сочи, стала номером 1, спортивной сверхдержавой. Но как только допинговые подтасовки и подвиги «моченосцев» были разоблачены, страна стала изгоем: не только скатилась в низ турнирных таблиц, но и была, по сути, исключена из мирового спорта.

Прямо на наших глазах происходит и другая инверсия: страна, провозгласившая себя в середине 2000-х «энергетической сверхдержавой» и превратившая свои сырьевые ресурсы в инструмент политического давления на другие страны, быстро теряет свои позиции на мировом рынке углеводородов. Каждый рывок в направлении «сверх» оборачивается срывом в «недо».

Случайны ли эти инверсии? Если некая сущность, скажем, «русский мир» резко раздвигает, а тем самым и размывает свои границы (специфику) и пытается вобрать другую сущность, то она и сама вбирается ею, присоединяется к ней. Стирается грань между своим и чужим, законом и преступлением, пределом и беспределом... И тогда нет ничего удивительного в том, что закоренелые преступники включаются в ряды самой дисциплинированной организации, армии; оккупированные территории диктуют свои законы

Русский антимир

стране-оккупанту; а прыжок к мировой гегемонии оборачивается падением на самый низ исторической лестницы.

В этот ряд инверсий следует добавить «борьбу с украинским нацизмом», которую провозглашает Россия, при том, что её собственный политический режим все больше тяготеет к фашизму.²⁶ И вообще новейшие российские идеологемы — перевертыши. Когда Путин в «валдайской речи» (27 октября 2022 г.) проповедует «бережное отношение к идентичности каждого общества и народа», «возможность любого народа... выбирать свой собственный путь, собственную социально-политическую систему» и обвиняет Запад в том, что там «любая альтернативная точка зрения объявляется подрывной пропагандой и угрозой демократии»,²⁷ — то он просто зеркально проецирует свою политику (репрессивную) на Запад, а политику Запада (демократическую) на себя.

В основе многих инверсий лежит уравнение «любить = убить». В 2014 г., в разгар «русской весны», один из ее главных идеологов, Сергей Кургинян, кричал, обращаясь с московской трибуны к украинцам: «Мы вас любим! мы вас любим! мы вас любим!» Это наводит на мысли о канибализме. Канибал ведь тоже любит людей неистойой, всепоглощающей любовью. До хруста костей. Возможно, это и есть психоаналитическая основа инверсии, которая коренится в младенческой психологии: любить — значит проглотить. Все, что младенцу нравится или привлекает внимание, он тянет в рот, и родительская задача — его уберечь и привить чувство реальности. Если такой инфантилизм задерживается надолго, он перерастает в канибализм. Это постоянно мелькает в соцпросах россиян об украинцах: «они же наши братья, мы их любим». И даже с интонацией обиды: почему, дескать, они не понимают своего счастья, не хотят к нам в желудок? Запад долго пытался «по-родительски» вразумить Россию, привить ей чувство реальности, чувство границ, и лишь недавно понял, что имеет дело уже не с младенцем, а с канибалом.

Что касается «братства двух народов», то и здесь сработала инверсия. Первое и самое страшное убийство — «братское»: Каин убивает Авеля. Поэтому война России против Украины несет несмываемую печать каинова греха.²⁸

²⁶ См. ниже раздел «Шизофренический фашизм» и мою статью: Mikhail Epstein. Schizophrenic fascism: on Russia's war in Ukraine. *Studies in East European Thought*. Springer, July 2022. <https://doi.org/10.1007/s11212-022-09487-w>

²⁷ <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/>

²⁸ См. главу «Святобесие» в разделе «Двери ада».

Русский антимир

Но есть и еще более глубокий план инверсии: не только братоубийство, но и самоубийство. Среди последствий российских ракетных ударов по Украине поражает своим символизмом разрушенная кафедра русской филологии Киевского университета (10 октября 2022). Россия сама наносит удары по русскому языку и литературе, по истории и культуре, по образу России во всем мире, — по всему доброму и творческому, что было в ее прошлом и что она уничтожает теперь в припадке самоистребления. Уничтожает свою духовную родину, Киевскую Русь, родину своего языка и веры... Это не просто ошибка или преступление — это именно самоубийство, пожалуй, самое грандиозное самоубийство в истории человечества. Если убийцам еще доступно покаяние и за них можно молиться, то самоубийца лишается церковного погребения и поминовения. А что ожидает страну-самоубийцу, трудно даже представить...

Россию уже называют «государством-изгоем» и ставят в один ряд с Северной Кореей, Ираном, Венесуэлой... Но все эти государства, в сравнении с нынешней РФ, — паиньки. Они не бомбят соседние страны, не сносят с лица земли города и деревни, не убивают женщин и детей и не совершают преступлений против человечества на чужой территории... Так что РФ заслужила учреждения нового международного статуса, куда только она и попадет, гордясь своей уникальностью. *Анти-держава* (anti-state).

Антиличность. Нелинейная логика массового психоза

Нарастающая угроза большой войны стала очевидна еще 1 марта 2018 г., когда в послании к Федеральному Собранию Путин представил новейшие виды российского вооружения, «не имеющие аналогов в мире» (ракетный комплекс «Сармат», подводные беспилотники, крылатая ракета с ядерной энергоустановкой и т. д.) Собравшиеся в Манеже стоя, овацией приветствовали эту демонстрацию силы. Слушатели путинского некрофилического послания были охвачены «звнящей радостью» (по счастливому выражению молотовского внука Вячеслава Никонова, кстати, руководителя фонда «Русский мир», с 2007 г. занятого продвижением русского языка, культуры, а вместе с тем и идеологии за рубежом). У каждого участника была своя разумная причина для рукоплесканий (семья, бизнес, карьера, дружба, страх...). Каждый вполне вменяем, но социальное действие, в котором они участвовали, — безумие, чистый психоз, сродни психозам коммунистической России и нацистской Германии. Там ведь тоже были не сумасшедшие,

Русский антимир

но они втягивались в водоворот социальных психозов, которые уже не зависели от их индивидуальной воли и разума.

Многие политические комментаторы и аналитики восприняли широкий путинский жест устрашения как очередное шоу и блеф. Дескать, за этими мультиками о сверхоружии никакая реальная угроза не стоит. Индивид — существо рациональное, блюдущее свою выгоду. Если людям хорошо живется, зачем им умирать? А ведь, несомненно, что Путину и его сообщникам прекрасно живется в их дворцах и виллах, с капиталами, накраденными на сотни лет вперед. Ради детей, внуков... Нет, они не хотят и не будут воевать, только пугают.

Но взрыв военного энтузиазма — это психическая реальность, которая сама по себе может создавать физическую. Логика XX в. и тем более XXI в. далека от просветительского оптимизма и рациональных расчетов. Массовый психоз — это вовсе не арифметическое собрание волей отдельных людей. Разве Зиновьевы, Бухарины, Тухачевские, Ягоды, Ежовы хотели умирать, разве они не любили своих детей? Или те писатели, которые в 1930-е гг. требовали расстрела врагов народа, а потом сами попадали в те же жернова? Никто не хотел умирать... Но есть логика атмосферических процессов истории, и она далеко не линейная, что выразилось в пословице «посеешь ветер — пожнешь бурю».

Есть психodelики, а есть *социodelики* — социально-пропагандистские инъекции, выступающие в роли психотропных средств, стимулирующие иллюзорные, измененные состояния сознания. Запах крови — сильнейший наркотик, и он требует увеличения дозы. Сначала Чечня, потом Осетия с Абхазией, потом Крым и Донбасс, потом Сирия, теперь уже вся Украина... В народе начинается ломка. Возникает запрос на свежую кровь. Если долго и настойчиво разжигать эту жажду, она стремительно возрастает. Уже хочется «онашить» всю Украину, Прибалтику, восточную Европу... А если на повышающийся запрос не следует предложения, народ начинает брюзжать, стервенеть и искать более кроваваго вождя.

Те капли воды, из которых образуются цунами, по химическому составу ничем не отличаются от капель в спокойном море. Но какая-то сила — подземного толчка, тектонического сдвига — превращает их в смертельные волны, способные разрушать прибрежные города. Что эта за сила? И почему в России она действует с пугающей регулярностью? Заметим, что почти все цунами (80%) образуются на просторе самого большого, Тихого океана. Если бы можно было разделить его на части перегородками, наверно, ударная волна не достигала бы такой разящей силы. И почему-то исторические цунами за последнее столетие образуются на территории самой большой страны в мире, захлестывая планету.

Неужели ее правители или жители — каждый порознь — обуяны жаждой смерти? Химический анализ капель-индивидов ничего не дает — и, кстати,

Русский антимир

попадая в другую среду (диаспора), эти индивиды мало чем отличаются от других: деятельны, гуманны, трудолюбивы, достигают высот во многих областях. Но законы, управляющие сплошными средами, иные, чем те, что управляют отдельными частицами... Нужна социальная физика, способная объяснить, как из обычных капель образуются смертоносные волны, одна из которых — российская революция, большевизм, ленинизм; вторая — сталинизм, развязавший на пару с гитлеризмом Вторую мировую; а третья, которая сейчас поднимается, — путинизм, постсоветский милитаризм, готовый развязать Третью. «Социальная физика» — стандартный термин в XVII–XVIII вв. для обозначения того, что с середины XIX в. стали называть социологией. Но стоило бы его возродить применительно к тем моделям (например, нелинейным процессам), которые являются общими для природы и общества.

Можно слышать такое возражение: сегодня у народа нет той идеологии или мифологии, которая вдохновляла на войны и революции. Но, как выясняется, в XXI в. сложно разработанные идеологии/мифологии, со своими философскими теориями, вроде марксизма, уже не нужны. Вероятно, они соответствовали сравнительно низкому уровню информационного развития общества: идею нужно было долго вколачивать, чтобы она постепенно охватывала массы и становилась материальной силой. А сейчас все распространяется мгновенно, и нужен только простейший импульс: мы против них = лучшие против худших. Как ни странно, усложнение информационных систем, имитирующих и как бы заменяющих мозг, упрощает стадного человека до голой биологической сути.

Однако военный психоз может перейти в следующую фазу, где уже стирается даже оппозиция «свои — чужие». Согласно соцопросам, подавляющее большинство населения, до 70%, поддерживает войну России с Украиной. Но когда украинские войска отбили Херсон, вынудив русскую армию к отступлению, в России тоже раздались взрывы энтузиазма.²⁹ Значит ли это, что общественное мнение обратилось против власти? Нет, уже через день население радовалось массовым ракетным ударам по Украине. Суть в том, что «за» или «против» — это слишком рациональный, бинарный подход к состоянию российского общества. Оно изголодалось по сильным чувствам, подавленным эпохой капитализма и мелкого предпринимательства, и поэтому готово переживать с упоением любую катастрофу, бедствие, ужас. Все оппозиции и конфронтации расплавлены в

²⁹ «Сколько счастья было в России, когда украинские войска вошли в Херсон, даже среди охранников: смех, шутки, веселье». Александр Невзоров, в цикле «Невзоровские среды». 16.11. 2022. https://www.youtube.com/watch?v=w_r8x7hUHNy (на 8-й мин.)

Русский антимир

экстазе насилия. Отсюда такой взрыв апокалиптического восторга при мысли о всеобщей гибели у актера, режиссера, православного священника Ивана Охлобыстина. Пусть даже Россия погибнет — она утянет за собой весь мир, поэтому триумф обеспечен: либо как военная победа, либо как конец всего:

Даже если случится невозможное, и мы проиграем, это значит, что вместе с нами проиграет весь мир. Ничего не будет! Будет великий Ноль. И мы все готовы к этому Апокалипсису! Весь народ согласен... В едином порыве! Все, с кем я говорил, все за победу! Поэты, художники... Мы убьем всех! Нам не нужен такой мир, в котором нет нашей победы... И мне радостно! Это такой восторг!.. такой аллах-акбар у всего народа!⁵⁰

Этот эсхатологический экстаз — обратная сторона той апатии, «выученной беспомощности», которая охватывает российское общество. Депрессивность и маниакальность — две стороны одного психоза. Если бы российского президента завтра линчевали или казнили на электрическом стуле, население было бы в таком же восторге, как если бы то же самое сделали с американским президентом. Если бы американский десант высадился в Кремле и перестрелял всех его обитателей, было бы такое же ликование, как если бы Москва взорвала над Вашингтоном ядерную бомбу. Российское население — это идеологически аморфная масса, зато эмоционально весьма заряженная.

Но дело не только в психологическом настрое населения, а в самом характере современной войны. *Милитаризм переходит в апокалиптизм*, поскольку благодаря оружию массового уничтожения стирается принципиальная разница между своими и чужими. Ядерная катастрофа на Запорожской атомной электростанции может привести к смертоносным последствиям и для Украины, и для России, и для Европы. Соответственно и общественные переживания переходят из милитаристского в апокалиптическое измерение, где сливаются ужас и восторг и опять-таки торжествует своего рода глобализм, но уже негативного свойства: не всемирное разделение труда, открытость и процветание, а всемирная гибель, «конец всего».

⁵⁰ 21.4.2022. Выражением «аллах-акбар» Охлобыстин демонстрирует полное слияние антизападных установок в российском и исламском фундаментализме. <https://www.tv8.md/ru/2022/21/04/rossiiskii-akter-esli-mi-proigraem-proigraet-ves-mir-mi-vse-gotovi-k-etomu-apokalipsisu/198612>

Антиценность. Культурный дефолт

У любой системы знаков: у денег, у языка, литературы, у культуры в целом, есть свойство, которое можно назвать «обеспеченностью». Это подобно золотому обеспечению валюты. На банкноте может стоять любая цифра, хоть триллион, но при этом ценность банкноты равна нулю, если она фальшивая.

За последние десять лет, после захвата Крыма и начала агрессии против международного миропорядка, ощутимо полегчала русская культура. Все произведенное в России, оттуда исходящее, помеченное ее знаком, — резко удешевилось. Не только современная культура, а вся, на всем своем историческом протяжении, от древнего язычества, от призвания варягов, от крещения Руси... Почему? Ведь в прошлом ничего не изменилось.

Порода дерева познается по растущим на нем плодам. «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?.. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их». (Матфей, 7:15-20). Достоевский, Чехов, Чайковский, Менделеев — великие имена. Но какова цена этих свершений, если они принесли столь горькие плоды в том народе, на почве которого возросли? Речь идет не о художественных и научных достижениях, а скорее, о цивилизации в целом. Если она приносит такие плоды, как захватническая и грабительская «спецоперация», разрушение «братской» страны, то встает и вопрос о качестве дерева, на котором они созрели. Это не «отмена культуры», а определение породы по урожаю.

Прошлое не дано раз и навсегда. Если тот самый народ, от имени которого творили Пушкин и Толстой, поддерживает воровскую клику, которая его обирает и ведет на гибель, попутно грозя гибелью всему человечеству, то ценность этого народа на весах истории и морали резко понижается. Его вклад в духовную жизнь человечества меняется соразмерно с тем, как потомки, пользуясь наследием предков, приумножают его или проматывают. И вот оказывается, что Россия, населенная в основном «рашистами» и «зедистами», не слишком заслуживает интереса и уважения в глазах мирового сообщества. Да, здесь были великие люди, но теперь понятно, что они говорили не от народа, и никакой глубинной мудрости, опыта, исторической субстанции за ними нет.

Геродот описывает исторический эпизод: на греческий политический форум сошлись представители всех государств, больших и малых. Красноречивее всех говорил посол одного из самых мелких полисов. И когда он закончил свою вдохновенную речь и был удивлен тем, что к его

Русский антимир

словам не отнеслись с должным вниманием, ему объяснили: «Друг, твоим речам недостает государства».

Вот так и всему, что исходит из России, ее литературе, искусству, науке, сейчас недостает государства, народа, который обеспечивал бы своей мудростью, опытом, поступками то, к чему призывали его великие. Страна претерпевает духовный дефолт. На банкнотах значатся огромные суммы — «судьба человечества», «братство и справедливость», «небесные идеалы», — а обеспечить их нечем. Иссяк золотой запас.

Вспомним Германию, взглянем на знаменитые полотна Ансельма Кифера, у которого преобладает черная и пепельная тональность (даже в подсолнухах), а многие картины сделаны целиком из свинца. Нет более актуального художника для современной России, чем этот немец, который до сих обожжен историей своей страны (он родился в 1945 г.). На одном из его полотен — «Пути к мировой мудрости. Битва Германна» (1976) — портреты Канта, Фихте, Гете, Шиллера, Клейста, Вагнера на фоне битвы Германна, который героизировался в нацистской Германии. И они, эти великие, тоже прямо или косвенно причастны к трагедии «сверхнарода», разрешившего себе «кровь по совести».

Пришло время суда над всеми российскими традициями, в том числе и над классикой. После краха коммунизма много говорили о «люстрации» (от латинского «lux», свет), но она так и не состоялась. Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Блока, Маяковского, в их «скифских», кичливых, воинственных мотивах. Т. Манн в «Докторе Фаустусе» (1946) раскрыл глубокие метафизические истоки того демонического вдохновения, охватившего нацистскую Германию. Вот и Россия с 2014 г. падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое метафизическое дно. Политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже философско-религиозный нерв существования страны, начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? Речь не о том, чтобы отменять классику, но чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали через всю культурную почву страны. Не осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского за их империалистические инстинкты, а сломать инерцию послушания классикам как « великим учителям жизни». Нужна дистанция по отношению к культуре: отменять не ее, а свое ученическое, послушное, подобострастное отношение к ней.

Россия нуждается в потрясении даже таких «незыблемых основ», которые выражаются понятиями «народ», «земля», «родина», «сила», «единство». Казалось бы, что в них плохого? Но подставим сюда Германию — и поймем, почему для современных немцев невозможно так мыслить о

Русский антимир

себе в стране, вот уже семьдесят лет выздоравливающей от нацизма, и почему слово «патриотизм» почти вычеркнуто из немецкого. А наше тоталитарное прошлое гораздо глубже, попытки же очищения от него были поверхностными и затрагивали лишь узкий слой общества. Двенадцати лет тоталитарного неистовства хватило Германии, чтобы опаматоваться, а Россия после семидесяти с лишним лет коммунизма уже второй раз попадает в тот же капкан, из которого тридцать назад выбралась вроде бы невредимой, почти бескровно.

Можно представить и такой разрыв России со своим прошлым, что оно будет восприниматься как великая мертвая культура, как Атлантида, ушедшая на дно «золотых и серебряных» веков, — XIX-го и XX-го. Эту Россию будут изучать и ценить, как античное наследие, которое почти ничего общего не имеет с тем населением «Северной Евразии», которое проживает в тех же местах, где когда-то жили Пушкин, Л. Толстой, Чехов, Чайковский, Менделеев.

Русистика и ничтоведение

Возникает вопрос: кому нужна сейчас философии или поэзия на языке нации, сошедшей с ума, одержимой инстинктом насилия и разрушения? Может ли рождаться культура из адских глубин? Или остается только взмолиться: «Из бездны взываю к тебе, Господи»?

Опыт пребывания в бездне особенно поучителен для окружающего мира: он в нее только заглядывает, а мы из нее выглядываем. Задача у всех, думающих и пишущих по-русски и о России, приобрела новую глубину. Раньше мы ходили кругами вокруг тряского, зыбучего состояния общества — что в годы застоя, что в постсоветские. Что-то вызывало тревогу, что-то надежду. Люди были послушно-забитые, но с высокими идеалами. Или они были циники, зато много работали и строили капитализм, т. е. по-своему служили прогрессу. Там было много оттенков серого, то светлее, то темнее, и мысль философа или кисть художника как-то увядали, вглядываясь в эти блеклые тона.

А сейчас разверзлась такая пропасть, и таким повяло из нее мраком, что мысль устремляется в глубину этого «анти-», небытия в его чистейшем воплощении. Теперь все русисты поневоле еще и *ничтоведы*, специалисты по ничто. Мы знаем, что находимся не где-то между Западом и Востоком, на скучноватой равнине, которая медленно тянется между ценностями демократии и авторитаризма, как смешанный, гибридный режим. Нет, мы находимся на передовой, откуда наступает Ничто, и никто не может знать

Русский антимир

достовернее, откуда грозит гибель человечеству, никто не может говорить с этой бездной на родном для нее языке. Из «недозападной» периферии мира, полуотсталой, но подающей робкие надежды, Россия и русистика встают в центр мира, точнее на край того исторического обрыва, который проходит сейчас по границам самой большой на свете страны. Призвание русистики сейчас важнейшее в мире, хотя бы лишь в силу той катастрофы, которая посылает миру свои грозные сигналы на понятном для нас языке.

Шизофренический фашизм

Что такое шизофашизм?

Шизофренический фашизм — это фашизм под маской борьбы с фашизмом. Собственно фашизм — цельное мировоззрение, соединяющее теорию этнического или расового превосходства, империализм, национализм, ксенофобию, великодержавность, антидемократизм, антилиберализм. Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода пародия на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная пародия. Это фашистская истерика, за которой скрывается вполне холодное сознание своих меркантильных расчетов. Фашизм проявляется в отчаянной ненависти к свободе, демократии, ко всему чужестранному, к людям иной идентичности, в стремлении искать врагов, подавлять все живое. Но это насильническое, тоталитарное мировоззрение находится в шизофреническом расколе со стремлением использовать те самые блага, которые обеспечивает «враг»: недвижимость за рубежом, привилегия давать образование детям в «Гейропе» и «Пиндостане», хранить счета в их банках, проводить там отпуск и т. д.³¹

³¹ В своем недавнем эссе «Мы должны это сказать. Россия — фашистская» американский историк Тимоти Снайдер (Timothy Snyder) говорит, что «называть других фашистами и при этом быть фашистом — это основная практика путинизма... Я назвал это «шизофашизмом» (New York Times, 19 мая 2022 года). <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>.

На самом деле, этот термин был впервые предложен в моих публикациях 2015-2017 годов, посвященных, в частности, «разнице между фашизмом 1920-1940 гг. и шизофашизмом начала XXI века... Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода пародия на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная пародия. Это фашистская истерика, за которой скрывается вполне холодное сознание своих меркантильных расчетов... Особо яркая черта шизофашизма — действовать под маской борьбы против фашизма». Михаил Эпштейн От совка к бобку. Политика на грани гротеска. Franc-Tireur USA, 2015, С. 143-144; 2-е, дополненное издание. Киев.:Дух і Літера, 2016, С. 261-262. Этот термин также появился, как на русском, так и на английском языках, в качестве отдельной статьи в книге Михаила Эпштейна «Проективный словарь гуманитарных наук». М.: Новое литературное обозрение, 2017, С. 552-553. «Шизофашизм. Фашизм под маской борьбы с фашизмом...» <https://www.e-reading.club/chapter.php/1052218/432/mihail-epshteyn-proektivnyu-slovar-gumanitarnyh-nauk.html>

Шизофренический фашизм

Согласно опросу, еще в июле 2019 г. абсолютное большинство (85%) россиян полагали, что для России важны дружеские отношения с Украиной.³² За истекшие 2,5 года ничего не изменилось, в Донбассе не было никаких особенных столкновений, продолжалось перемирие. Однако по опросу февраля 2022 г., 65% россиян одобряли войну России против Украины, а в мае 2022 г. — уже 77%.³³ Те же самые люди, большая часть населения, хотят дружбы с Украиной — и одобряют ее уничтожение. Разве это не шизофрения?

В российских школах учат гуманизму, проходят великую классику, сострадают маленькому человеку. На всех прилавках лежат книги Священного Писания, поучения святых, катехизисы. Верующие каждый день читают молитвы, священнослужители исполняют обряды, соединяясь с плотью и кровью распятого, отдавшего жизнь за человечество. И это не мешает им голосовать за войну, убивать тысячи ни в чем не повинных братьев по вере, прославлять вождя, который ведет их на вражду со всем миром. Как одни и те же уста могут славить Христа и фюрера?

В понедельник 7 марта 2022 г. начался Великий пост. Его смысл — покаяние и подготовка к Светлому воскресению, а следовательно — особо тщательное воздержание от грехов. Среди наименьших — чревоугодие, а наибольший, конечно, убийство и тем более братоубийство, каинов грех. Любой грех в это время становится особо губителен для души. И именно в это время один православный народ, при поощрении церкви, обязывающей к строгому посту и воздержанию от скоромной пищи, с особым рвением убивал другой православный народ. Это продолжалось и в Страстную неделю, и в день Пасхи. Накануне, в субботу 23 апреля одним ракетным ударом в Одессе была убита трехмесячная Кира, ее мать Валерия и бабушка... Грешно есть творог и сметану, а убивать людей — не грешно.

Народное двоедушие

Одним из первых эту поразительную черту народного двоедушия подметил А. Пушкин. В повести «Дубровский» Архип-кузнец поджигает барское поместье, ничуть не жалея гибнущих там людей, — и вместе с тем, с опасностью для жизни, влезает на горящие балки и спасает кошку.

³² <https://mukola.net/boleee-80-rossiyan-zayavili-o-vazhnosti-druzhyby-s-ukrainoj/>

³³ <https://meduza.io/feature/2022/03/05/esli-verit-gosudarstvennym-sotsoprosam-bolshinstvo-rossiyan-podderzhivayut-voynu-v-ukraine-no-mozhno-li-im-verit>
<https://www.levada.ru/2022/06/02/konflikt-s-ukrainoj-2/>

Русский антимир

Стекла трещали, сыпались, пылающие бревны стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «горим, помогите, помогите»... Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит. — Как не так, — отвечал кузнец...

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть... Мальчишки помиралы со смеху, смотря на ее отчаяние. — Чему смеетесь, бесенята, — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь — божия тварь погибает, а вы с дуру радуетесь — и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою...

Нельзя не заметить пушкинской иронии по отношению к «набожному» Архипу, который людей сжигает, а кошку спасает из огня. Архип — архетип двоедушия. Срединная часть души, собственно человеческая, выпала, — или скорее еще не народилась. Это примитивный дуализм, когда человек ведом двумя импульсами, не отдавая себе отчета в их несовместимости. Там, где в душе должно быть целое, образуется расщелина. Это и есть шизофрения: от др.-греч. «расщеплять», «раскалывать» + «ум, мышление, мысль».

Философ Сергей Аскольдов, размышляя в 1918 г. о причинах русской революции, описывает третье, недостающее начало в народной душе как собственно человеческое:

В составе же всякой души есть начало *святое*, специфически *человеческое* и *звериное*. Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*.³⁴

Эта странная нравственная развинченность была подмечена Достоевским, точнее, его «подпольным человеком», как характернейшая черта соотечественников, не только из народа, но и образованных классов. Русский романтик спокойно может вести себя преподлейшим образом, — и на высоте его идеалов это никак не скажется. Он даже любит совмещать одно с другим, не делая никаких усилий, чтобы их опосредовать.

³⁴ С. А. Аскольдов. Религиозный смысл русской революции (1918). В кн. Вехи. Из глубины. М., изд. «Правда», 1991, С. 225, 230.

Шизофренический фашизм

Широкий человек наш романтик и первейший плут из всех наших плутов... <...> Многосторонность необыкновенная! И какая способность к самым противоречивейшим ощущениям! ...Оттого-то у нас так и много «широких натур», которые даже при самом последнем падении никогда не теряют своего идеала; и хоть и пальцем не пошевелят для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные... Только между нами самый отъявленный подлец может быть совершенно и даже возвышенно честен в душе, в то же время нисколько не переставая быть подлецом.

Кстати, и сам Достоевский подавал замечательные примеры такой широты и способности к «противоречивейшим ощущениям». Всем памятен его рассуждения о русской всечеловечности, о любви к Европе еще со времен Петра:

Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу [Петра I]..., бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе.. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! («Речь о Пушкине», 1880).

А вместе с тем почти в то же самое время и весьма похожими словами Достоевский говорит прямо противоположное:

Не сказала ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, сказывалась чуждой русской душе? Я именно так думаю. О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала?» («Дневник писателя», 1876, переиздан в 1879 без изменений).

Любопытно, что в обоих пассажах повторяется «бессознательно». Россия и любила бессознательно, и ненавидела бессознательно. И вообще используются одни и те же «достоевские» слова: «русская душа», «чужой/чуждый», «предчувствие/чутье», «дороги/дорого» — с большой энергией и экспрессией, но в полностью противоположных смыслах. Причем Достоевский выступает здесь не как объективный наблюдатель и аналитик, а

Русский антимир

как страстный проповедник и любви к Европе, и ненависти к ней. Представим, что сейчас один и тот же автор выступает «За» и славит «пробужденные войной глубинные силы русского народа» (в газете «Завтра») — и против, утверждая, что война «противоречит интересам народа и подрывает его силы» (в «Новой газете»). Это и есть знак культурной шизофрении. Был и другой знаменитый автор, Василий Розанов, мастер игры в те и другие ворота, печатавшийся и в самых либеральных, и в черносотенных газетах. Говорят о «достоевщине» у Розанова, но есть и «розановщина» у самого Достоевского, который не просто признает наличие двух противоположных сил, а с равным жаром выступает за обе (за европейское призвание России и за «русизм» и ненависть к Европе).

Можно назвать это инфантилизмом, эмоциональной и нравственной незрелостью. З. Фрейд находил ее в личности самого Достоевского, в глубинных традициях русской «психеи»: противоречить себе, совершать преступления — искренно каяться в них — и совершать новые. Двигаться по кругу, не восходя на ступень сознательного душевного роста:

Кто попеременно то грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, — того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь... Этим он напоминает варваров эпохи переселения народов, варваров, убивавших и затем каявшихся в этом, — так что покаяние становилось техническим приемом, расчищавшим путь к новым убийствам. Так же поступал Иван Грозный; эта сделка с совестью — характерная русская черта<..> Амбивалентность чувств есть наследие душевной жизни первобытного человека, сохранившееся у русских лучше и в более доступном сознанию виде, чем у других народов.³⁵

Варварская мораль не исключает идеалов — племенных, патриотических, религиозных, но вместе с тем допускает любое злодейство и подлость по отношению к чужим. Это резко двухполярное деление мира на «своих» и чужих» и есть признак варварства, которое не знает промежуточной, цивилизованной зоны, собственно человеческой. У такого общества есть свои идеалы и свои пороки, но между ними отсутствует связующее звено, а именно работа *совести*. Одна душа, «святая», не со-ведует другой, «звериной».

³⁵ <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>

Ложь без обмана

Шизофашизм отличается от традиционного фашизма не только цинизмом и коррупцией, но и особой техникой пропаганды: чем глубже пропасть между идеалом и фактом, тем больше это импонирует массам. Пропаганда *лжет откровенно* — в расчете, что народу ложь понравится, если она «наша». Это ложь без обмана, это шулерство на глазах у всех. Такую «правильную», «патриотическую» ложь встречают даже с особым воодушевлением.

Распятый мальчик на площади в Славянске» (новостной сюжет «Первого канала» 12-13 июля 2014)

«Шайка наркоманов и неонацистов в Киеве взяла в заложники украинский народ» (В. Путин, 25 февраля 2022).

«Быстрому продвижению российской армии мешают трусливые действия украинских националистов» (депутат Госдумы, 6 марта 2022).

«На другие страны мы нападать не планируем, мы и на Украину не нападали» (С. Лавров, 10 марта 2022).

«Мы ни с кем не хотим воевать... Россия никогда ни на кого не нападала» (патриарх Кирилл, 3 мая 2022).

Издательская ложь — это высшая ступень откровенной лжи: она не только не скрывает себя, но призывает слушателя к совместному глумлению над истиной. Наглость обмана и оправданное им кровопролитие как бы служат гарантией того, что лгущий — свой, до гробовой доски, поскольку он теперь повязан ложью и кровью. Боязливая ложь может уклоняться от истины на несколько градусов, ложь посмелее — на прямой угол, а совсем отважная — на 180 градусов, т. е. прямо обратна истине. Вот образчик такой «наоборотной лжи» еще времен покорения Крыма:

Люди в разных странах, на разных континентах должны помнить, что уверенность в собственной исключительности и попытки любыми средствами реализовать геополитические цели, пренебрегая нормами международного права, могут привести к страшным последствиям» (14. 10.2014).³⁶

Другие государства открыто заявляют о своих геополитических претензиях, не останавливаются перед открытым вмешательством во внутренние дела независимых государств» (21.1.2015).³⁷

³⁶ <http://lenta.ru/news/2014/10/14/putin2/>

³⁷ <http://echo.msk.ru/blog/echo/msk/1477994-echo/>

Русский антимир

Кто это говорит, отстаивая интересы международного правопорядка против геополитических претензий и вмешательства во внутренние дела независимых государств? Генсек ООН? Президент США? Римский Папа? Либеральная европейская пресса? Нет, это говорит президент той самой страны, которая под его руководством присоединила к себе часть другого государства и ведет войну на его территории, нарушив международные договоры и сломав систему безопасности, которая семьдесят пять лет укреплялась в Европе и обеспечивала ей мир.

Как расценить мораль и психику человека, который вещает не просто ложь, но антиистину? Обвиняет других именно в том, чем сам занимается на глазах у всего мира? Такая полная «обратность» не может быть случайной и не предназначена вводить в заблуждение: она рассчитана со снайперской точностью. А цель, очевидно, простая: продемонстрировать глубочайшее презрение к истине и ко всему миру — и тем самым расположить к себе соотечественников. Чем? Да именно дерзостью и бесшабашностью лжи, которая не только не скрывается, но выпячивается и подчеркивается. Этот чекистский или пацанский глум, очевидно, высоко ценим в его профессиональной среде.

Если бы в России верили лживой пропаганде, это было бы еще полбеды. Доверчивость — извинительный порок, но двуличие гораздо страшнее. В России живут не такие глупцы, чтобы всему верить, они понимают, что им лгут, но при этом любят, когда им лгут. Для многих россиян это естественно и даже лестно — значит, их считают за людей, впихивая им «возвышенный обман». Обойтись без лжи вроде даже неприлично — люди решат, что ты их не уважаешь, если, вовлекая в подлое дело, не вызываешь при этом к их добрым чувствам. Все понимают, кто напал, кто украл, но при этом нельзя обойтись без призывов к честности и справедливости. Чем разнузданнее действия, тем пристойнее должны быть мотивы и лозунги. Власть не станут уважать, если она просто призывает к экспансии; а вот если власть скажет, что мы защищаем мир от хунты и фашистов, — значит, нас уважают, и мы в ответ ее уважаем. Если нам протрубили все уши, какие мы благородные и духовные, а одновременно толкают на разбой и дают понять, что между моралью и бытием есть зазор и иначе быть не может, в реальном мире живем, — это нам в самое большое удовольствие, потому что мы и морально высоки, и геополитически побеждаем, а значит, в двойном выигрыше.

Пропаганда столь груба и истерична и не стесняется подделок потому, что знает: именно это и оценят массы, которые любят лукавство и игры с Лукавым. Так уж испокон веков повелось на Руси: раскол между ритуалом и поведением. Мораль должна быть заоблачной, вербальные обряды

Шизофренический фашизм

соблюдены — и тогда всё позволено. Подлость не столько в низком поведении, сколько в праве на полную его нестыковку со словами и даже обратность им.

Следует отметить разницу между двоемыслием советской эпохи и двоедушием нынешней. Тогда двоемыслие принимало форму раздвоенности целей и средств. Нельзя чистенькими ручками создавать общество будущего — приходится пачкаться в грязи и крови, но мысль воспаряет к высокому и безупречному будущему, и мы — ведущие и знаменосцы всего человечества. Сейчас ни о будущем, ни о прогрессе, ни о человечестве, ни о каких-либо других универсалиях речь не идет, поскольку никакая мысль, даже в форме двоемыслия, не востребована. Нет никаких целей — средства служат сами себе. Насилие — ради насилия. Убийство — ради убийства. Завоевание чужой земли — ради завоевания. У советского человека порой еще возникал внутренний конфликт между идеалом и бытием, сейчас это сглажено, поскольку нет никакого разрыва между будущим и настоящим, между целями и средствами. Бесцельная война, без идеалов, без будущего — война как состояние проголодавшегося государственного организма, ищущего все новой пищи.

Кочевье и оседлость

Исторические источники российского шизофашизма лежат глубже, чем болезненная реакция (ресентимент) на крушение советской системы. Эту социальную психопатию, соединение массового раболепия, гордыни и панфобии (истерической ненависти ко всему), которая сейчас проходит эмоциональным фоном всех российских событий, можно наблюдать и в более отдаленные времена, например, в опричнине. «День опричника» В. Сорокина хорошо показывает и даже предсказывает возрождение этого «грозного» комплекса в XXI в.

В дискуссии о шизофашизме 2017 г. еще успел принять участие недавно скончавшийся замечательный историк Александр Янов. Он подтвердил уникальность этой социальной патологии: «...я не знаю ни одного другого случая ОРГАНИЗОВАННОЙ массовой патологии в мировой истории. Представьте Варфоломеевскую ночь, затянувшуюся на годы!»³⁸ Что же предрасположило Россию к такой злосчастной участи?

³⁸ <https://snob.ru/profile/27356/blog/128323/>

Русский антимир

Обратимся кратко к истории. После того как московское княжество, входившее в состав Золотой Орды, отказалось платить дань, оно, по современным понятиям, совершило в 1480 г. государственный переворот, причем мирно — стоянием на тогдашнем «майдане», на реке Угре. Так началась история нового государства: Московской Руси, а впоследствии Российской империи и Советского Союза.

При этом стратегия «ордынского» противостояния России Западу оставалась в основном неизменной, хотя получала различные мотивации. В XVI–XIX вв. эта мотивация была религиозной: Москва — третий Рим, оплот истинной православной веры против католического и протестантского Запада. Затем — борьба самого передового социалистического государства с миром капитализма, эксплуатации, частной собственности.

В наше время обе эти мотивации отпали. В России — такой же капитализм, как на Западе, более хищный, коррупционный, но идеологических мотивов для войны не просматривается. Тем более утратило смысл религиозное противостояние, поскольку первая и главная мишень, Украина — столь же православная страна, как и Россия.

Таким образом, Россия, отбросив все мотивы своего прежнего противостояния Западу, возвращается в состояние своего материнского государства — Орды: самоцельная экспансия. Древнейший инстинкт уже без всякого камуфляжа. Сдавленная пружина находит причину распрямления в себе самой. Трудно не согласиться с писателем и историком Борисом Акуниным: «Московия, а за нею Россия унаследовала великую монгольскую мечту об объединении Евразии от океана до океана». ³⁹

Ни религиозно-мессианские, ни социально-утопические оправдания этой мечте уже не нужны: голая власть, подкреплённая авторитетом дальнобойного лука. У воинов Чингисхана стрела поражала цель на расстоянии 400 шагов (даже прославленный английский longbow бил только на 300). С этим луком они и прошли от Тихого океана до берегов Атлантического. Если представить великого хана, оснащенного ядерным оружием, то вопросы идеологические, религиозные и вообще причинно-следственные отпадают. Хан, ханство, ханствовать, по-хански... сам этот корень в своих производных говорит за себя, подтверждает и расширяет свой исконный смысл. Орде безразлична любая религия и идеология, ей нужно только ордынствовать: как можно больше Орды, всегда и везде!

³⁹ Борис Акунин. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М.: АСТ. 32014, С.341.

Шизофренический фашизм

Таким образом, исторические источники российского шизофашизма лежат глубже, чем реакция на крушение советской системы. Кочевая Орда, из которой образовалось российское государство, все еще бродит в его крови и противится ценностям оседлой цивилизации. Петр Чаадаев отмечал: «В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам» («Философические письма», 1).

Принято считать, что основой кочевого государства была не инфраструктура — центры торговли и ремесел на освоенной территории, а овладение землей, экспансия в пространстве, ассимиляция все новых территорий. Вот и для современной России, как в кочевой архаике, главной остается земля и ее недра, а не то, что воздвигается на ней. Лучше отвоевать еще один кусок земли (Осетия, Приднестровье, Крым и Донбасс, а теперь уже и вся Украина), чем построить оседлую и развитую цивилизацию на уже имеющихся необъятных просторах. Такова родимая хтонь. В XXI веке, потерпев крушение сначала как «православное царство», а потом как «коммунистическая сверхдержава», Орда под именем РФ сбросила с себя все европейские оболочки, которые так старательно, многовековыми усилиями просветителей, писателей, ученых наращивались на ней, — и воспрянула из глубины прошлого, обернулась к Европе своей «азиатской рожей».

Историческая шизофрения усилилась в результате петровских попыток оевропеить Россию — она раскололась надвое, не только социально и культурно, но и психически, почти в каждой душе, на «азиатское» и «европейское»... Да, это был еще один шаг к внутреннему расколу, как и незадолго до этого проведенные реформы патриарха Никона... Но первый сдвиг случился намного раньше, когда кочевое государство, на переходе от Орды к Московии, точнее, от Ордынской к Московской эпохе своего исторического бытия, — стало оседлым. Как писал А. Янов: «дело в гибридной природе самодержавия, наполовину европейской, наполовину «ордынской». Отсюда и опричнина, отсюда и марксизм». ⁴⁰ Цивилизация — и бунт против нее; закон — и презрение к закону; построение институций — и недоверие к ним и готовность их разрушить... Эти две души, оседлая и кочевая, продолжают производить шизофренический раскол и психопатию в российском народе и государстве.

⁴⁰ <https://snob.ru/profile/27356/blog/128323/>

Русский антимир

Кочевье — это не только территориальная экспансия, это социальная и психологическая хаотизация, выбивающая людей из устойчивых связей и локаций. Несколько волн эмиграции, миллионы беженцев революционных и военных лет; насильственное переселение целых народов и сословий, «раскулачивание», «расказачивание»; Гулаг, тюрьмы, колонии, поселения, с миллионами ссыльных, заключенных, оторванных от дома; массовое сиротство, приюты, дети без родителей или живущие в неполных семьях; криминализация населения, масса людей в бегах (от закона и от беззакония); мобилизация одних и релокация других; отсутствие стабильности, политические ветра и бури, сменяющие курс каждые несколько лет и гонящие людей в разные края страны и за ее пределы, — все это тоже формы кочевничества, внутреннего и внешнего.

Один из главных идеологов нынешнего «рашизма» Эдуард Лимонов провозглашал именно вольное кочевье как призвание «другой», «лучшей» России: «Нам нужна будет земля. Мерзлая Россия захвачена лапами нетворческих тупых администраторов, нищих духом. Нужно будет уйти из России, свить гнездо на свежих центральных землях, отвоевать их и там дать начало новой невиданной цивилизации свободных воинов, сплоченных в вооруженную общину. Кочующих по степям и горам, воюющих в южных государствах. <...>Возможно, мы завоюем весь мир. Люди будут погибать молодыми, но это будет весело. Трупы героев будем сжигать. <...> Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть. Может, нашим Богом будет Смерть».⁴¹ Но суть в том, что «эта», мерзлая, неподвижная Россия, и «другая», кочевая и разбойничья, — это и есть шизофренически расколота Россия.

* * *

Термин «шизофрения», введенный швейцарским психиатром Эйгеном Блейлером (1857–1939), означает буквально «расщепление сознания». Как показали Юрий Лотман и Борис Успенский, «специфической чертой русской культуры... является ее принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе ее структуры. Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского

⁴¹ Э. Лимонов, «Другая Россия», Предисловие, 2015. <https://www.litres.ru/eduard-limonov/drugaya-rossiya/chitat-onlayn/>

Шизофренический фашизм

средневековья располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны». ⁴²

Подтверждение этой двойственности мы и находим в приведенных выше суждениях Достоевского, Аскольдова и Фрейда о раздвоенности русского сознания, в котором крайности совмещаются без всякого опосредования и рефлексии. Уникальная история России как государства, возникшего из империи Золотой Орды и отчасти вобравшего в себя ее кочевой уклад, также объясняет двойственность, которую со скорбью отмечал Чаадаев: стремление создать устойчивый порядок цивилизации и в то же время ее зыбкость и неустроенность, презрение к ее ценностям. ⁴³ Если такой дуализм глубоко встроен в структуру национальной ментальности, то понятно, почему даже фашизм, который по своей политической сути наиболее однороден и тоталитарен, в современной России также приобретает шизофренические черты.

⁴²Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века), в кн. Б. А. Успенский. Избранные труды, т. 1, М., «Гнозис», 1994, с. 220.

⁴³Более подробно я обсуждаю эти фундаментальные вопросы в своем исследовании двоичных и троичных моделей в русской культуре. М. Эпштейн. Русская культура на распутье. Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной // Звезда. 1999, № 1. С. 202-220; № 2. С. 155-176.

Русский антимир

Классика-Кассандра

...Но троянцы не поверили Кассандре
—Троя, может быть, стояла б и поныне.

В. Высоцкий

Известно, что русская классика напророчила своему отечеству XX век. И «Мертвые души», и «Бесы», и «История одного города», и «Палата № 6» — здесь уже вырисовываются и революция, и ГУЛАГ, и карательная психиатрия... Но наша классика заглядывает и дальше, в век XXI. И это не только ее заслуга, но и беда самого отечества, которое никак не выйдет из заколдованного круга. О каких явлениях нашего века, и особенно последнего десятилетия, классика предупреждает и предостерегает?

Пушкинский миф о тайной свободе

Нынешний период российской истории может положить конец одному культурному мифу, который долгие десятилетия был утешением и подспорьем интеллигенции, особенно в позднесоветские годы. Это миф о том, что, несмотря на тиранию, на политический гнет можно сохранять духовную и творческую свободу. Более того, гнет способствует духовному расцвету, и во времена самой тяжелой тирании достигаются высочайшие творческие результаты. В годы «застоя», в 1970-е и ранние 1980-е, понятие «внутренней», «тайной» свободы было одним из самых вдохновляющих. Собственно, никакой другой свободы, кроме внутренней, не оставалось в стране, где правителей нельзя было выбирать и за пределы которой нельзя было выехать.

Бегство к свободе или от свободы

Основы этого мифа в России заложил А. С. Пушкин в позднем своем стихотворении «Из Пиндемонти» (1836).

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги

Классика-Кассандра

Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова...

Обращаясь к устройству западного общества, Пушкин насмешливо отзываясь о гражданских свободах. Между тем стоит вспомнить, что сам Пушкин все время рвался за границу. Из кишинёвской ссылки хотел бежать в Грецию; в Одессе пытался сторговаться с контрабандистами; в Михайловском заказал парик, чтобы тайно выехать через Польшу в Германию под видом слуги своего приятеля. На Кавказ отправился для того, чтобы вызнать, нельзя ли оттуда перебраться в Турцию. Пушкину почти все равно куда, на Запад или на Восток, лишь бы вырваться из объятий родины, но на все запросы ему отвечали отказом. Он не понимает Вяземского, который, имея возможность отъезда, не пользуется ею немедленно, сейчас же: «Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь». И вот, выстрадав опыт раба, замыслившего несбыточный побег, в стихотворении 1836 г. Пушкин смиряется и оправдывает эту горькую участь высшей, духовной необходимостью. Он не просто разделяет две свободы, внешнюю и внутреннюю, но и решительно противопоставляет одну другой.

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

Поразительно, что, войдя в возраст духовной зрелости, поэт как будто не понимает взаимосвязи двух свобод. Та же самая власть, которая

Русский антимир

ограничивает его в политических правах, ограничивает и свободу передвижения, право распоряжаться своей жизнью, скитаться «по прихоти своей»... Пушкин заявляет даже о своем безразличии к цензурным запретам, т. е. к самому вопиющему нарушению того права, к которому он, как свободный художник, призван быть особенно чуток. Сам выбор снижающих эпитетов для тех, кому нужна свобода печати (авторы — «балагуры», читатели — «олухи»), демонстрирует презрение к ней. Между тем, уже начиная с заглавия этого стихотворения очевидно, насколько сам поэт не свободен: он вынужден даже отказаться от своего авторства, приписав его малоизвестному и к тому же уже покойному итальянскому поэту Ипполито Пиндемонти (1753–1828). Поначалу Пушкин поставил другое обманное заглавие «Из Alfred Musset», но решил, что даже это опасно, поскольку Мюссе был жив и имел славу свободолобца. Пушкин лишает себя права говорить то, что думает, растаптывает сам источник своего вдохновения, — и при этом настаивает, что это и есть подлинная, «лучшая» свобода.

Если «Из Пиндемонти» — одно из последних стихотворений Пушкина, то выражение «тайная свобода», как зерно мифа, впервые встречается в его раннем стихотворении «К Н. Я. Плюсковой» (1818), которое восхваляет императрицу Елизавету (супругу Александра I) и обращено к ее фрейлине. «Воспламененною душой/ Я пел на троне добродетель/С ее приветною красой./Любовь и тайная свобода/Внушали сердцу гимн простой, /И неподкупный голос мой /Был эхо русского народа». Пушкин славит красоту и добродетель императрицы и утверждает, что в своей похвале он не одинок, а выступает от имени всего народа: это и названо «тайной свободой».

Александр Блок — еще одна жертва мифа

В следующем столетии на призыв Пушкина отзывается Блок — в стихотворении «Пушкинскому Дому» и в речи «О назначении поэта» (11 февраля 1921 г.), написанных к 84-й годовщине гибели Пушкина — и всего лишь за несколько месяцев до собственной кончины.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Классика-Кассандра

«Тайную свободу» Блок выделяет курсивом, ссылаясь на панегирик, обращенный к фрейлине императрицы. Но главное для Блока — отнесенность к другому пушкинскому стихотворению, «Из Пиндемонти». Приводя его почти целиком в своей речи «О назначении поэта», Блок опять, в тяжелейшие для свободы пореволюционные дни, считает нужным защищать только «тайную» свободу и противопоставляет ее гласной, открытой. «Дело поэта, как мы видели, совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира. <...> Не будем сегодня, в день, отданный памяти Пушкина, спорить о том, верно или неверно отделял Пушкин свободу, которую мы называем личной, от свободы, которую мы называем политической. Мы знаем, что он требовал «иной», «тайной» свободы...»

Подобно тому как Пушкин «не дорого» ценит права свободной личности в свободном обществе, так и Блок называет стремление к общественной свободе «ребяческой волей, свободой либеральничать». При этом он не может не видеть, что вслед за внешней свободой уже отнимают и «тайную», творческую. И все-таки остается удивительная слепота перед ясной, как день, испытанной на собственном страшном опыте, связью внутренней свободы с внешней! Неужели государственный деспотизм — самодержавного или большевистского толка — настолько давит на сознание поэтов, что мешает им опознать общественный гнет как предпосылку творческого? Целые три с половиной года после революции, покончившей с любым либерализмом, и вплоть до самой смерти Блок молчал, не в силах ничего создать.

Да и что такое «тайная свобода»? Чем она отличается от неволи, если не смеет заявить о себе? Слишком велик соблазн подменить «тайной свободой» свободу вообще, а тем самым и оправдать жесточайшую несвободу, которая царит в столь презираемом «порядке внешнего мира».

Вскоре после выступления Блока в защиту «тайной свободы», 12 июля 1921 года, Политбюро ЦК отклонило ходатайство Луначарского и Горького о разрешении тяжело больному Блоку выехать в Финляндию на лечение. В тот же день Горький отправляет письмо Ленину, где вынужден приводить жалкие, лакейские доводы в пользу права больного лечиться и путешествовать и не брезгает даже доносом на третьих лиц для подтверждения лояльности Блока и своей: «Честный писатель, не способный на хулу и клевету по адресу Совправительства, Александр Блок умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в санаторию. Его не выпускают, но в то же время выпустили за границу трех литераторов,

Русский антимир

которые будут хулить и клеветать...»⁴⁴ Выезд за границу Блоку разрешили только 5 августа, когда уже была получена достоверная информация, что поэт — на смертном одре. 7 августа Блока не стало.

Кстати, странное совпадение. «Из Пиндемонти» написано 5 июля 1836 г., за полгода до гибели Пушкина (29 января 1837 г.). Ровно такой же промежуток отделяет стихотворение «Пушкинскому Дому» и речь «О назначении поэта» А. Блока (11 февраля 1921) от его смерти 7 августа 1921 г. Таков срок ожидания «ответки» от судьбы.

Сейчас самое время осознать природу этого возвышенного самообмана, который, пережив монархию и коммунизм, дотянулся до XXI в.: якобы никакая тирания не может помешать свободе личности. Если выдавливать из себя раба до последней капли, нужно вспомнить и Пушкина, и Блока, т. е. осознать это наследие в самых риторически возвышенных его истоках.

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода...

Что такое эти чеканные строки — защита свободы или формула отказа от нее и в конечном счете от самого себя? Свобода, которая заранее ограничивает себя рамками «лучшей» и подрывает доверие к «худшей», общественной свободе, к «худшим», гражданским правам... Горько осознавать, что исторические последствия этого самообольщения было дано испытать на собственной судьбе не только поэтам, но и их народу.

Самый страшный персонаж «Мертвых душ»

В «Мертвых душах», согласно сложившемуся канону, Гоголь собрал все самые злостные пороки, которыми страдала Россия, — им противостоит живая душа самой России, какой она предстает в лирических отступлениях.

Кто же олицетворяет эти пороки? Сладкий мечтатель Манилов, готовый со всеми дружить и обнять весь мир? Лихой кутила и задира Ноздрев? Коробочка — опасливая, но гостеприимная? Ворчун Собакевич — побранит-побранит да поросенком и закусит и мирно захрапит? Плюшкин — скупец, который прибирает каждую кроху, но никого не обкрадывает?

⁴⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999, с. 26.

Классика-Кассандра

И это всё — пороки? В этих «прорехах на человечестве» нет ни зла, ни ненависти. В сравнении с теми человеческими типами, которых нам пришлось узнать в XX-XXI вв., все они какие-то трогательно-беззащитные и их пороки — как вредные привычки у детей, без сознательной злой воли. Это мир до Достоевского и Салтыкова-Щедрина, до Свидригайлова, Ставрогина и Иудушки Головлева. Никаких ужасов, чернухи, никакого сладострастного мучительства. «Мертвые души» — это не только не ад, это самый светлый круг чистилища, куда попадают добропорядочные, но скучные, вялые, ленивые, не работающие над собой души, позволяющие привычкам пошлого быта собой овладеть.

А чиновники? Их предводитель губернатор — вот уж кто, наверное, средоточие самых страшных пороков? Но нет, на всю жизнь запомнилось, что самая отрицательная черта в образе губернатора — то, что он «был большой добряк и вышивал по тюлю». Да и сам Чичиков такой же хитрец-простак: пронырливый, предприимчивый, но лишь ради простого житейского преуспевания. Хоть и скупает он мертвые души, но сам живет и обаятельнее других персонажей и на роль беса претендовать не может.

Есть только один поистине бесовский образ в «Мертвых душах», образ глубоко женственный и ведьмовский, напоминающий панночку в «Вии», — и действительно, наполненный явными и скрытыми цитатами из демонических повестей Гоголя. Именно к этому образу обращает Гоголь свои мучительные вопросы:

Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и выются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

Вчитайтесь — и вы сразу расслышите мотивы и интонацию ранних повестей Гоголя. Где-то уже сияла перед нами эта заколдованная красота. «Такая страшная, сверкающая красота! <...> В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною» («Вий»). И порою самому читателю, как Хоме Бруту, вдруг хочется воскликнуть... «— Ведьма! — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы».

Здесь, в образе Руси, дан тот же образ бесовского прельщения, которые упорно проходит у Гоголя по всем страницам его inferнальной прозы:

Русский антимир

неподвижный взгляд, который пронизывает насквозь и цепенит, не позволяет тронуться с места.

Но отчего же вдруг стал он недвижим, с разинутым ртом, не смея пошевелиться <...>? В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо. <...> Чем далее, выяснилось больше и вперило неподвижные очи. <...> Непреодолимый ужас напал на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако так же неподвижно глядела на него... острые очи не отрывались от него («Страшная месь»).

В этой сцене колдовства выделяются два образа: сверкающие, неподвижные очи и голова, осененная облаком, что проливает свет и на магическое значение «облака» в лирическом отступлении о России. Переключка двух произведений почти дословная: «Обратило на меня очи... главу осенило грозное облако» («Мертвые души») — «вперило неподвижные очи... голова сквозь облако» («Страшная месь»).

Вот еще колдовская сцена, где сверкающие глаза связаны с мотивом оцепенения и неподвижности.

...Старуха стала в дверях и вперила на него сверкающие глаза и снова начала подходить к нему. Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах («Вий»).

Человек перед лицом ведьмы или колдуна не может ни сдвинуться с места, ни вымолвить слова. И оба эти мотива повторяются в предстоянии автора перед обращенными к нему очами Руси:

...Зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим странством («Мертвые души»).

Зачарованный этой страшной силой, Гоголь впоследствии только все открещивался от нее, отмалчивался и отмаливался, как его собственный герой — художник Чартков в «Портрете», обреченный даже в святых лицах воспроизводить навеки его поразивший демонический взгляд. Неужели страх бесовских чар и адских мук, овладевший Гоголем в последние годы жизни, был навеян образами простодушных помещиков и плутоватого

Чичикова? Или тревожили автора и останавливали его перо именно лирические отступления первого тома, поскольку во втором им предстояло развернуться в эпическую ширь величавого русского мира? Чудная даль, Русь! А между тем она с «неестественной властью» продолжала вперяться в него все тем же сверкающим взглядом... И мысль его ОНЕМЕЛА.

Гоголь, как украинец, видел Россию и изнутри, и извне. Да, Россия страшна для Украины толпой мертвецов, зеков, зомби, своим ледяным Петербургом, откуда и сами «питерские». Но сейчас становится ясно, что Украина еще страшнее для России. Там для захватчиков «заколдованное место», где они плутают и теряются. Там им грозят погубленные женские души, утопленницы. Там Вий поднимает на них свои веки. И оттуда приходит Страшная Мечь.

Вечный Чичиков — херсонский помещик

«— А, херсонский помещик, херсонский помещик! — кричал он, подходя и заливаясь смехом... — Что? много наторговал мертвых?»

С такими словами Ноздрев подходит к Чичикову на торжественном великосветском балу в губернском городе.

Фантазмагория, происходящая ныне в высших политических сферах: приобретение херсонских и прочих земель под заложенные государству тысячи мертвецов, — напоминает знакомый всем сюжет. Чичиков постоянно представляется «херсонским помещиком», который переселяет своих крепостных — а на деле, мертвые души — в те земли, которых у него нет, рассчитывая приобрести их «на вывод», на заселение. И люди — фикция, и земли — фикция.

«Мертвые души» читаются сегодня как поэма о новейших торговцах мертвыми душами, устремившихся в благодатные южные земли: крымскую, херсонскую... Такова чичиковская «геополитика». «Теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут!». Так размышлял новейший Чичиков под звон бокалов и поздравительные тосты в Георгиевском зале Кремля. «Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение... Чичиков никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях... Наконец, сапоги были сняты... барин заснул решительно херсонским помещиком».

Русский антимир

Чем закончатся эти приятные сновидения, каким позором, острогом и «Гаагой», знают все, читавшие не только первый, но и второй, незаконченный том «Мертвых душ».

Почему русские писатели, а среди них особенно Гоголь, и особенно в «Мертвых душах», были такими провидцами? Как они сумели так хорошо узнать свою страну, заглянуть на двести лет вперед? Или сама страна упорно, веками идет по следам гоголевских мертвецов, заселяя призраками своих крепостных и павших воинов «благоприобретенные» земли и превращая их в кладбища? «Только заселяй... в Херсонскую их! пусть их там живут!»

Коваленко против Беликова. Почему разошлись пути двух народов

В хрестоматийном рассказе Чехова «Человек в футляре» (1898), как в капле воды, проступает разница характеров двух близких народов.

Типичный российский провинциальный город, в котором есть своя интеллигенция, люди мыслящие, начитанные — но все они трепещут перед учителем Беликовым, словно через него проходит незримая вертикаль власти. Сам он трепещет перед начальством и считает своим долгом доносить на всех, кто хоть немного выходит за рамки: «как бы чего не вышло». Он преподает древний, мертвый язык — и все вокруг него мертвеет. Запрет здесь понятнее разрешения, «не» звучит убедительнее, чем «да». Болезненная природа этой жизнебоязни раскрыта в образе Мавры, жены старосты, которая всю жизнь проводит за печкой и выходит на улицу лишь по ночам. Эта социофобия, биофобия, отвращение к дневному свету, к проявлениям свободной воли и определяет гнетущий дух российской провинции. Как будто над нею властвует архетип пещеры, куда хочет забиться первобытный человек в страхе перед природой или вездесущими врагами. Сейчас много говорят об ускоренной архаизации российского общества. Об этой опасности атавизма Чехов предупреждает образами людей-улиток, раков-отшельников, вроде Беликова или Мавры. «Быть может, тут явление атавизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге».

И вот появляется новый учитель, Коваленко, «из хохлов», со своей сестрой Варенькой, — и как будто порыв свежего ветра врывается в душливую среду. Недаром Варенька чарует всех своей песней «Вьют

Классика-Кассандра

витры». Эти приезжие живут на полную катушку, громко говорят, спорят, обсуждают книги, не боятся сплетен, размахивают руками и даже — о ужас! — ездят на велосипеде. Беликов тянется к Вареньке и подумывает о женитьбе, в чем тоже можно усмотреть символический жест: северная, угрюмая страна влечется к своей вольной соседке, но и боится выйти из своего футляра, податься порыву. А Варенька — «такая разбитная, шумная, всё поет малороссийские романсы и хохочет. Чуть что, так и зальется голосистым смехом: ха-ха-ха!» Это и есть Украина, и соблазняющая Россию, и заставляющая ее еще больше насторожиться, вцепиться в свои охранительные привычки. «...Решение жениться подействовало на него как-то болезненно, он похудел, побледнел и, казалось, еще глубже ушел в свой футляр». Прямо-таки в даль грядущего заглянул Антон Павлович и увидел, как вольное поведение Украины — поюшей, смеющейся, открытой историческим ветрам, — побуждает Россию еще больше отгородиться от мира, от слишком близкого соблазна.

Порой в рассказе находят «великодержавные» мотивы: дескать, Чехов свысока подходит к «малороссийским» реалиям, выставляет чересчур простоватой хохлушку Вареньку, у которой «на хуторе живет мамочка» и которая расхваливает борщ с красненькими и синенькими... Но в этой простоте — настоящая живость и задушевность, которую Чехов с симпатией, оттененной юмором, даже сравнивает с явлением Афродиты, видимо, глядя на нее через призму беликовской древнегреческой эрудиции: «Среди суровых, напряженно скучных педагогов, которые и на именины-то ходят по обязанности, вдруг видим, новая Афродита возродилась из пены: ходит подбоченьсь, хохочет, поет, пляшет...» Украинское в представлении Чехова — это эмоциональный и нравственный вызов той беликовщине, которая взяла власть над Россией.

Восприятие Украины в рассказе подтверждается реальным отношением к ней автора. Прежде всего, отметим, что сам Чехов считал себя «малороссом», отчасти потому, что украинкой была его бабушка по матери Ефросинья Емельяновна Шимко (1798–1878 гг.). Да и в местах, где он вырос, в округе Таганрога преобладало украинское население. «В 1902 г., беседуя на Белой даче с Горьким и Лазаревским, Чехов признавался: «Я настоящий малоросс, я в детстве не говорил иначе, как по-малороссийски».⁴⁵

Уместно провести параллель между двумя великими «украинцами» в русской литературе: Н. Гоголем и А. Чеховым. Оба переехали с юго-запада на северо-восток, в российские столицы, соответственно в Петербург и в

⁴⁵ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/615793>

Русский антимир

Москву, когда им исполнилось 19. Их раннее творчество, веселое, жизнерадостное, полное светлого юмора, постепенно окрашивалось в меланхолические тона по мере того, как их все плотнее окружала среда шинелей и футляров. Начинает преобладать тема «пошлости пошлого человека», пустоты, абсурда, бездушия, социальной мертвечины.

Из письма Чехова Н.А. Лейкину: «Живу я в усадьбе близ Сум на высоком берегу реки Псла (приток Днепра) ... Вокруг в белых хатах живут хохлы. Народ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной. Помещики-хозяева, у которых я обитаю, люди хорошие и веселые...» (11.5.1888). В другом письме тому же адресату уже более обобщенно: «Кроме природы ничто не поражает меня так в Украине, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт. Об антагонизме между пейзажами и панами нет и помину» (21.6. 1888). В подтексте здесь прочитывается контраст с Великороссией, задающей точку отсчета для восприятия украинцев как «веселых», «остроумных», не-нищих, не-пьяных и пр.⁴⁶

И далее о той же семье помещиков Чехов сообщает, уже в письме А. С. Суворину: «Третья дочь, кончившая курсы в Бестужевке... — мускулистая, загорелая, горластая. Хохочет так, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя в усадьбе на свой счет школу и учит хохлят басням Крылова в малороссийском переводе. Ездит на могилу Шевченко, как турок в Мекку...» (30.5.1888). Здесь уже угадывается образ Вареньки Коваленко, созданный десятью годами позже.

Особенно разителен контраст между Беликовым, скучным, бледным, скрюченным, офутлярным, — и Коваленко: «смуглый, с громадными руками, и по лицу видно, что говорит басом». Он живет громко, выражается откровенно — и одним своим присутствием взрывает этот гниющий мир: «Не понимаю, — говорил он нам, пожимая плечами, — не понимаю, как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господа, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас душающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чинодралы, у вас не храм науки, а управа благочиния, и

⁴⁶ Ср. описание российской жизни в рассказе «Крыжовник» от имени того же ветеринарного врача Ивана Ивановича, который действует и в «Человеке в футляре». «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...»

Классика-Кассандра

кислятиной воняет, как в полицейской будке. Нет, братцы, поживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор, и буду там раков ловить и хохлят учить. Уеду, а вы оставайтесь тут со своим Иудой, нехай вин лопне».

И тот же, Коваленко, не вынеся Беликова, грозящего ему доносом «из лучших побуждений», — спускает его с лестницы под громкий хохот Вареньки, ставшей невольной свидетельницей позора своего несостоявшегося жениха. «И этим раскатистым, залихватым «ха-ха-ха» завершилось всё: и сватовство, и земное существование Беликова».

Будем надеяться, что точно так же, следуя логике рассказа, завершится и историческое существование державной беликовщины! У Чехова футляр превращается в гроб, мертвое достигает совершенного своего выражения. «Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!»

Хочется верить, что рассказ Чехова имеет предсказательную силу. Вспомним, что Коваленко преподавал в гимназии историю и географию. В конце концов, и сейчас вопрос, уже в наибольшем историко-географическом масштабе, стоит так: удастся ли Беликову запугать Коваленко, чтобы ничего у него «не вышло»? Или младший товарищ в конце концов спустит старшего по исторической лестнице со всем его грохочущим футлярно-гробовым скарбом?

Где обрывается Россия?

Кто только в последние годы не вспоминал об «Острове Крыме» В. Аксенова и его загадочном предвосхищении будущего! Но были и более ранние поэтические предчувствия рокового значения Крыма в российской истории: этот форпост в пространстве предвосхищает эпилог во времени.

Осип Мандельштам

О крымских мотивах у О. Мандельштама можно написать целую книгу. Вспоминаются удивительные строки, посвященные М. Цветаевой:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.

.....

Русский антимир

.....
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

То, что кладбищенская земля напоминает о Крыме, настолько очевидно, что Мандельштам даже выбросил первые две строки следующего четверостишия, оставшиеся лишь в черновике:

Я через овиди степные⁴⁷
Тянулся в каменистый Крым.

Казалось бы, что общего между Крымом и кладбищем, где гуляли Марина и Осип, в той самой Александровской слободе, где за триста с лишним лет до того Иван Грозный убил своего сына? Предчувствие смерти. Причем безутешное, неотвратимое, ибо в чудо воскресения они не верят. Вероятно, Мандельштам потому и заменил две строки рядами точек, что они нагляднее любых слов демонстрируют ту черноту и глухоту, в которую обрывается страна.

Но какой это обрыв? В пространстве? Или во времени?

Написано стихотворение в июне 1916 г., более чем за четыре года до «русского исхода» (ноябрь 1920 г.), до конца гражданской войны, когда Россия, действительно, «оборвалась» в Крыму. Последние белые части — врангелевские — покинули Россию, отплывая из Крыма, а с ними сто тысяч беженцев из коммунистической России (включая И. А. Бунина). Там оборвалась досоветская история. Постсоветская по сути оборвалась в том же Крыму в 2014 г., когда Россия стала «изгойской», противопоставив себя всему миру.

Андрей Вознесенский

Еще одно загадочное пророчество — «Скрытымным» А. Вознесенского 1970 г. Речь идет о темном, таинственном, судьбоносном, что выражается глоссолалией «скрытымным», созданной языковым воображением поэта. Приведу стихотворение целиком.

«Скрытымным»— это пляшут омичи?
скрип темниц? или крик о помощи?

⁴⁷ «Овиди» — степные кругозоры, горизонты.

Классика-Кассандра

или у Судьбы есть псевдоним,
темная ухмылочка — скрытымным?

Скрытымным — то, что между нами.
То, что было раньше, вскрыв, темним.
«Ты-мы-ыы...» — с закрытыми глазами
в счастье стонет женщина: скрытымным.

Скрытымным — языков праматерь.
Глупо верить разуму, глупо спорить с ним.
Планы прогнозируем по сопромату,
но часто не учитываем скрытымным.

«Как вы поживаете?» — «Скрытымным...»
Из-за «скрытымными» закрыли Крым.

Скрытымным — это не силлабика.
Лермонтов поэтому непереводим.
Лучшая Марина зарыта в Елабуге.
Где ее могила? — скрытымным...

А пока пляшите, пьяны в дым:
«Шагадам, магадам, скрытымным!»
Но не забывайте — рухнул Рим,
не поняв приветствия: «Скрытымным».

Прежде всего, поражает отсылка к тому же стихотворению Мандельштама о кладбище, где он гулял с Мариной и которое напоминало им о Крыме. Теперь Марина сама в могиле, причем затерянной — двойная загадка, обозначенная все тем же тарабарским «скрытымным».

На все длинное слово — одна воющая, рыдающая гласная «ы», трижды повторенная. Что еще скрыто в этом слове, какие корни-смыслы в нем спрессованы? Скрыт, мыт, тьмы, сырым, крысы, смык, рыск, рык, тартар, тыртыр. Страшные слова, за которыми таится смерть, подземелье, мрак, захоронение, скрежет зубонный и тьма кромешная, мыт, снимаемый с мертвых, отправляемых в тартар...

Среди этих составляющих выделяется и «крым», который тематизируется в строке:

Из-за «скрытымными» закрыли Крым.

Русский антимир

Если понимать под «скрытымным» нечто неясное, пугающее, псевдоним самой судьбы с ее темной ухмылкой, то в этой строке судьба ухмыляется дважды. То, что случилось с Россией в итоге захвата Крыма — это именно «скрытымным». Дважды вещее созвучие. Мало кто уже помнит, из-за чего тогда закрыли Крым, какое местное бедствие отразилось у Вознесенского. Скорее всего, имеется в виду эпидемия холеры в августе 1970 года. Но то, что Крым «закрыли» — отсоединили и от материка, и от всего мира — в 2014 г., уже читается в этом стихотворении, написанном за 44 года до того, как его смыслу предстояло сбыться в полную меру.

Но не забывайте — рухнул Рим,
не поняв приветствия: «Скрытымным».

Рим, как известно, пал от нашествия варваров. Для Вознесенского *скрытымным* — это угроза Риму, который не понял извне надвигающегося варварства, а потому погиб. Но не относится ли эта угроза и к Третьему Риму? Только варварство надвинулось на него не извне, а изнутри, и точно так же предвещает гибель. Это скрытымным, эта тьма, вдруг накрывшая страну и несущая в себе рычащее тюркское «крым», и есть предупреждение, посланное в стихах Вознесенского от первого Рима к Третьему.

Вспомним «В ожидании варваров» Константиноса Кавафиса (1898) — заключительные строки:

— Но как нам быть, как жить теперь без варваров?
Они казались нам подобьем выхода.⁴⁸

Опыт нашего времени и дает ответ на этот вопрос. Если варваров очень ждут, но они не приходят, поскольку страну окружают мирные народы, — тогда они рождаются в ней самой. Еще более разрушительные, потому что свои, из своей плоти и крови, знающие нас изнутри, а вместе с тем — страшные, как безумие близкого человека. Страна, не дождавшаяся иноплеменных варваров, но напряженно их ждущая, может погибнуть от собственных.

⁴⁸ Перевод Геннадия Шмакова под редакцией Иосифа Бродского, 1988.

Камнеломки в Крыму

Когда в августе 2022 г. появились сообщения о взрывах оружейных складов и других военных объектов в Крыму, о странных случаях «саботажа» или «неосторожного хранения горючих веществ», мне пришли на память цветы-камнеломки. Откуда такая ассоциация?

Весной 2014 г. я бродил по университетскому ботаническому саду в Дареме, на северо-востоке Англии, — и наткнулся на удивительный вид растений. По-латински они называются *Saxifraga*, буквально «камнеломки». Они настолько неприхотливы, что могут расти из щепотки земли, забившейся в трещины горных пород. И в этом их воспитующий пример. Мы знаем, что трава может ломать асфальт, поскольку давление в растительных клетках порой достигает десятков атмосфер, как внутри парового котла. Камнеломки привлекательны тем, что не столько ломают камень, сколько просто растут — упрямо, неотвратно — из своей предельно скудной почвы.

Вспомним евангельскую притчу о сеятеле. «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял... иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги» (Лука, 8:6). Следует признать, что у этой притчи может быть и другой исход: даже упав на камень, семя не погибает, а находит в его трещинках несколько крупиц земли, из которых и дает побег. Слово, подобно камнеломке, прорастает порой и в каменных сердцах...

Согласно Библии, растения были созданы на третий день Творения, животные — на пятый, а человек — на шестой. У растений больше опыта жизни и общения с Творцом. Как старшие по возрасту, они несут в себе нечто учительное, председательствуют на совете старейшин. Поэтому мудрость растений так востребована в библейских и евангельских притчах, и даже Царствие Небесное уподобляется горчичному зерну. Поэзия тоже доносит до нас уроки старших братьев. «Учись у них, у дуба, у березы...» — призывает Фет. Много таких растительных назиданий можно найти у Л. Толстого: старый дуб, обновленный весной, — начало духовного возрождения Андрея Болконского; дерево, дающее пример достойного, красивого умирания, в рассказе «Три смерти»; колючий и негнибачимый репейник в зачине «Хаджи-Мурата». Значительная часть русской словесности, от Пушкина и Некрасова, Тургенева и Бунина до Пришвина, Есенина, Заболоцкого, А. Тарковского — это мифопоэтика и дидактика растительного царства, его уроки людям. Прогулка по саду или по лесу — упражнение в мудрости выживания, укоренения и светолюбия. Можно даже подумать о возможностях такой дисциплины, как фитогогика, — педагогика, основанная на жизненном опыте растений...

Русский антимир

Однако в русской поэзии, по крайней мере, у авторов первого ряда, камнеломки не встречаются, хотя именно они подают пример наибольшего упорства и жизнестойкости. Видимо, они не органичны для флоры и поэзии равнинной страны. Между тем я нашел их в украинской поэзии, в замечательном стихотворении Леси Украинки из цикла «Крымские отзвуки» (1897). Поднимаясь на одну из высочайших гор Крыма, Ай-Петри (в переводе с греческого — святого Петра, причем, «петр», как известно, означает «камень»), Леся Украинка встретила этот цветок на самой вершине:

Торной дорогой крутой мы поднимались на взгорья Ай-Петри.
Вот уж проехали мимо садов виноградных кудрявых,
Что, как прекрасный ковёр, всё подножье горы покрывают.
Вот уже лавров, любимых поэтами, пышных магнолий не видно,
И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,
И ни шатрами нависших платанов.<...>
Сухо, нигде ни былинки, всё камни кругом задушили,
Словно глухая тюрьма. Солнце горячие стрелы на мел осыпает.
Пылью швыряется ветер. Душно... Ни капли воды...
Словно это дорога в Нирвану. Страну побеждающей смерти...
Но вот в высоте на остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг
что-то, как пламя, — свежий, прекрасный, большой
цветок лепестками раскрылся,
И капли росы самоцветом блестели на дне.
Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,
Что задушил и дубы, и терновник упрямый.
Цветок по-ученому люди зовут *Saxifraga*,
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру...

(Пер. Николая Брауна)

Эти стихи мне впервые довелось прочитать тогда же, весной 2014 г., в разгар крымских событий. Подумалось: если там, на вершине Ай-Петри, растут цветы, способные одолеть даже крепость камня, нельзя не поверить в жизнестойкость этой земли. Сейчас это становится особенно очевидным, когда земля горит под ногами захватчиков. Такая у нее сила — цветами пробивать камень.

Путиами небытия

Историческая неприкаянность

XX век Россия провела под знаком революционной утопии и в значительной мере сумела навязать ее миру. Речь шла о прыжке в царство свободы, о грядущих веках коммунистического изобилия. А в XXI веке произошел разворот к утопии прошлого, причем тоже — на века, горизонта не видно. И если пятилетние планы было принято выполнять за три года, то по скорости движения в прошлое постсоветская Россия уже опередила Советский Союз, за несколько лет, 2014–2022, одолев долгие века.

Вспоминается «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева (1920) — как метафора страны, заблудившейся в смене эпох:

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Но вагон неудержимо несется в пропасть безнадежно смешавшихся времен, и вот уже в окне мелькает:

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

Трамвай занесло в царство мертвых, которые постепенно вытесняют мир живых. Трамвай-нежелание, трамвай-ужас и отвращение.

Сегодня, как и век назад, при Гумилеве, — все та же потребность государства, мечущегося по рельсам истории, отгородиться от настоящего, заговорить себя магическими заклинаниями, не важно, какими: «коммунизм» или «русский мир». Коммунизм, несмотря на десятки миллионов жертв, так и остался призраком, каким явился впервые в своем манифесте («Призрак бродит по Европе», 1848 г.). Потом этот призрак поселился в России и напился кровью не только ее, но и почти половины человечества. Теперь в Европу запущен новый призрак, гораздо более чахлый, но все равно жаждущий крови. «Новороссия» образца 2014 г. или

Русский антимир

«русский мир» образца 2022 г. — это еще больший призрак, чем коммунизм, ведь и своя-то территория, «Старороссия», остается невозделанной и кроме даровых недр матери-земли мало какими рукотворными богатствами может похвастаться. Как князь Всеслав в ночи «волком рыскаше», так Россия мечется по географическим и историческим просторам, от Ивана Грозного до «бесклассового общества», от космической державы до древней Корсуни, — лишь бы убежать от самой себя, от гнетущей пустоты, раскрывающейся в ее сердцевине. Страна только потому и посягает на чужое, что это вывернутая форма избавления от себя. Ее гораздо больше волнует Украина, Европа, Америка, чем собственная жизнь. Только через воинственное соприкосновение с чужим она начинает ощущать себя, а внутри нее — как будто мертвенность, бесчувствие, безжизние. Разве что внутренний враг, «национал-предатель», «иностранный агент» приятно ее «оживит», став целью скорейшего уничтожения.

Если вырваться вперед не получилось, если безнадежно отстали — рванем назад, в Московскую Русь, Третий Рим, крепостное право... Опредим всех на путях к «Великой Традиции». Словно история — это игровая площадка, картинг, где весело рулить куда попало. Страна лихо разгоняется то в одном, то в другом направлении. Вместо того чтобы выровняться, влиться в общее движение цивилизации, — рвется туда, куда ее развернуло тормозами и инерцией. Лишь бы убежать от самой себя...

Это и есть то ничто, которое экзистенциальные мыслители, от Кьеркегора до Бердяева, Хайдеггера и Сартра, считали глубинной основой, точнее, безосновностью бытия. Но для них ничто — это отправная точка, способность взглянуть на бытие извне, помыслить и выразить его. Для России ничто — это точка прибытия, та «вукоебина» (емкое сербское слово — «глухое место, приволье волкам»), где она, устав от усилий модернизации и по-прежнему исторически неприкаянная, хочет укрыться. Мечется по всем просторам Евразии, то в Афганистан устремится, то в Арктику, ища спасения от какой-то сосущей пустоты. Почему она так безжалостно губит свое — и зарится на чужое? Почему ни в Европе, ни в Азии, нигде, куда приходит Россия, не возникает ничего нового, творческого, радостного, никакого развития и и воодушевления, кроме все той же мертвящей, цементирующей власти и разъедающей ее, но одновременно неразлучной с ней коррупции?

Означает ли это, что мы опять вернулись к Чаадаеву? «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия» (1829).

Пути небытия

Неужели этим окончательным отрывом от человечества и суждено завершиться тысячелетним приключениям русского духа? Всякий человек, причастный к России, ее культуре и языку, чувствует какой-то внутренний обвал, голос небытия, заклинаящий то голосом В. Высоцкого: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!.. Хоть немного еще постою на краю», — то голосом А. Белого: «Довольно: не жди, не надейся — Рассейся, мой бедный народ!.. Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!»

Как революция обращает вспять ход истории. «Азиатский способ производства»⁴⁹

Не стихают споры о природе русской революции. Была ли она истинно социалистической? Произошла ли она по Карлу Марксу или вопреки ему? Ответ можно найти между строк у самих основоположников, хотя они и старались уклониться от него.

Обычно марксистская периодизация общественно-экономических формаций сводится к знаменитой «пятичленке». Она была канонизирована И. Сталиным в главе «О диалектическом и историческом материализме» для «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного в 1938 г.: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический».⁵⁰ Напомним, что социализм считался первой фазой высшей формации — коммунистической.

Таков был краеугольный камень советского марксизма. Однако сам Маркс, как известно, спорадически включал в схему исторического развития еще одну формацию, которую он обозначал как «азиатскую», или «азиатский способ производства». «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» («К критике политической экономии», 1859).⁵¹

Азиатский способ следовал за первобытно-общинным и предшествовал античному, или рабовладельческому, как более прогрессивному. Дело в том,

⁴⁹ Эта статья написана к столетию так называемой Великой Октябрьской социалистической революции. // Радио Свобода. 7 ноября 2017
<https://www.svoboda.org/a/28839869.html>;

⁵⁰ <https://www.litmir.me/br/?b=14721&p=35>

⁵¹ https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_55.htm

Русский антимир

что рабовладение уже предполагает развитую частную собственность на средства производства, тогда как в азиатской формации частный субъект еще отсутствует, основные средства производства и земля принадлежат государству, а фактически — царю, императору, богдыхану и их бюрократии.

В третьем томе «Капитала» Маркс пишет:

...Не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности... (глава 47).⁵²

Следует подчеркнуть, что даже рабовладение как форма частной собственности, с точки зрения марксизма, представляет значительный прогресс по сравнению с азиатским «государством-собственником», или «восточной деспотией», как назвал эту систему Энгельс, указывая в том числе на Россию в «Анти-Дюринге»:

...Введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед... Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда.⁵³

В 1957 году вышло в свет фундаментальное исследование германо-американского историка, в прошлом марксиста и коммуниста Карла Августа Виттфогеля «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти».⁵⁴ Опираясь на понятие азиатского способа производства, введенное Марксом, Виттфогель указал на общие черты восточных деспотий:

1. отсутствие частной собственности на землю;
2. отсутствие рыночной конкуренции и частной собственности в целом;

⁵² <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/kapital3-47.html>

⁵³ <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t20.pdf> (с.186)

⁵⁴ Wittfogel Karl A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven and London: Yale University Press, 1957.

Пути небытия

3. общинный характер производства и обмена, трудовые армии;
4. нераздельность государственной власти и собственности;
5. эксплуатация государством дешевой рабочей силы, прямое принуждение широких масс производителей к тяжелому неквалифицированному физическому труду;
6. абсолютная власть государственной бюрократии, управляемой из центра;
7. абсолютная власть правителя, возглавляющего бюрократическую систему.

Не правда ли, это очень напоминает систему правления, построенную в СССР и затем распространенную на весь «лагерь социализма», включая Азию (Китай, Вьетнам, С. Корею) и Восточную Европу? Все население страны, грубо говоря, находится во владении государственной бюрократии, а та — во власти единоличного правителя. Отсюда и «культ личности», по странной прихоти неизменно возникающий в странах, казалось бы, приверженных принципу коллективизма и «общественной собственности на средства производства» (от Сталина до Мао Цзэдуна, от Хо Ши Мина до Ким Ир Сена, от Ф. Кастро до Чаушеску и др.). Не случайно тема «азиатского способа производства», едва просочившись в 1930-е гг. в дискуссии советских марксистов, была тут же высочайше закрыта: слишком очевидны были параллели с «первым в истории социалистическим государством». Азиатское общество стало рассматриваться в советской науке как античное, рабовладельческое, хотя Маркс в своей рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (1857-61) специально подчеркивает, что «это не относится, например, к Востоку при существующем там поголовном рабстве». Поголовное рабство у деспотического государства стадийно предшествует рабовладению как институту частной собственности.

Означает ли это, что большевистская революция произошла вопреки марксистскому учению — в силу географической и исторической близости России к Азии и под давлением ордынского и крепостнического наследия? Маркс ведь предназначал теорию коммунизма для применения в наиболее развитых капиталистических странах, а в России революция уничтожила слабые ростки капитализма и отбросила страну не то что в рабовладельчество, а в еще более примитивную систему «восточного деспотизма».

Некоторые западные марксисты так и считают: Ленин, а в большей степени Сталин — искаатели первородного марксизма. И тогда можно с облегчением вздохнуть: ведь марксизм не отвечает за свои позднейшие искажения. И пусть он нигде и никогда в своем непогрешимо-передовом виде не был реализован — только в виде азиатских деспотических «извращений»; но все-таки коммунизм, каким он изначально виделся

Русский антимир

основоположникам, в этом случае может оставаться заветной целью и светлой мечтой человечества.

Об «азиатском способе производства» и его месте в марксизме существует обширная литература.⁵⁵ Суть в том, что это понятие, выдвинутое Марксом, позволяет не только объяснить «деспотические» итоги марксистских революций в азиатских и полуазиатских странах, но и вступает в противоречие с его собственным учением о коммунизме, точнее, обнажает постыдную тайну этого учения, компрометирует его. Не только у Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, но и у самих основоположников марксизма коммунистический общественный строй слишком похож на описанный ими самими азиатский способ производства. Именно поэтому не только советские историки, но и сами Маркс и Энгельс не торопились выдвинуть понятие «азиатского способа производства» на видное место в своей теории формаций. Начиная с 1850-х гг. оно проскальзывало в набросках, в переписке, в незаконченных рукописях, но не выступало на первый план. Казалось, Маркс и Энгельс что-то скрывают если не от самих себя, то от своих сподвижников и последователей. «Манифест коммунистической партии» (1848), где перечислены основные общественно-экономические формации и их антагонистические классы: свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, буржуа и пролетарий, — умалчивает об азиатской формации. Не потому ли, что могло бы обнажиться поразительное сходство между нею — и целями коммунистической революции? Если отбросить утопический флер, то коммунизм, по мысли его основоположников, — не что иное, как переход всей собственности в руки государства. Маркс и Энгельс прямо говорят об этом в самой конкретной части «Манифеста коммунистической партии», в конце второй главы «Пролетарии и коммунисты», где обсуждаются основные меры, которые должны быть предприняты революцией. Приведу развернутую цитату:

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности... (...) Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства... В наиболее передовых странах могут быть

⁵⁵ Дискуссия приобрела особо острый характер в 1970-е — 1980-е гг., на закате коммунистической эры. Sawyer, Marian. *Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production*. The Hague: Nijhoff, 1977; Dunn, Stephen P. *The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production*. London: Routledge and Kegan Paul, 1982; Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., Наука, 1971. С антимарксистских позиций в СССР первым об этом написал И. Р. Шафаревич в своей книге «Социализм как явление мировой истории» (Париж: YMCA-Press, 1977).

Пути небытия

почти повсеместно применены следующие меры: 1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов. 2. Высокий прогрессивный налог. 3. Отмена права наследования. 4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников. 5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией. 6. Централизация всего транспорта в руках государства. 7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану. 8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия. 9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней. 10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей...⁵⁶

Во всех десяти программных пунктах варьируется один мотив: *централизация* (орудий производства, земельной собственности, кредита, транспорта, фабрик) *в руках государства*. Разрастание роли государства и его неограниченная власть над обществом и всеми производительными силами. Слово «государство» используется 6 раз, «централизация» — 3 раза, «свобода» — ни разу. Пригодилось даже понятие деспотии: «Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения...»

Представим, что в манифест было бы включено приведенное выше описание азиатской формации, как ее понимал сам Маркс: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. ...Не существует никакой частной земельной собственности...» Тогда легко было бы запутаться: откуда и куда движется человечество? И почему тот способ производства, который выставлен как самый отсталый, уступающий даже рабовладельчеству, вдруг вырастает в сияющую вершину исторического прогресса? Получилось бы, по Марксу и Энгельсу, что «наиболее передовые страны», такие, как Англия, Германия, США, призваны совершить коммунистическую революцию, руководствуясь тем образцом, который представляет «азиатский способ производства».

Сходство прослеживается вплоть до деталей: в азиатском государстве «в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, рента и налог совпадают» (Маркс). В коммунистическом: «экспроприация земельной

⁵⁶ https://www.e-reading.club/chapter.php/37535/2/Engel%27s%2C_Marks

Русский антимир

собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов» (Маркс и Энгельс). Правда, предполагается еще и «высокий прогрессивный налог» — но это для того, чтобы государство могло благополучно отнять у собственников то, что они приобрели в капиталистической формации.

Таким образом, один парадокс накладывается на другой, еще более глубокий. «Социализм», построенный в результате русской революции и затем охвативший треть мира, действительно, оказался подозрительно похожим на восточную деспотию. Но это произошло не в результате отклонения от предначертаний марксизма, а в итоге их последовательного воплощения, ибо ничто иное и не предполагалось «Манифестом коммунистической партии».

Поэтому совершенно нелепой, приклеенной выглядит знаменитая концовка этой главы: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Откуда берется «свободное развитие каждого», если всеми предыдущими тезисами у этого «каждого» отнята частная собственность, земельный надел, право наследования и даже семья: провозглашается «общность жен» и «общественное воспитание детей»? Попытка соединить азиатский способ производства с протестантско-романтическим, глубинно европейским понятием свободного развития личности, — это удивительный случай гротеска, по-своему уникальный в истории социально-политических учений. Как известно, итогом Октябрьской революции стало возрождение азиатского способа производства на основе индустриальных технологий XX века. Это и есть гротеск в прямом смысле слова: уродливо-трагикомическое сочетание несочетаемого.⁵⁷

⁵⁷ Дальнейший вклад в этот гротескный азио-марксизм внес В. И. Ленин своей книгой «Государство и революция». Теорию от практики отделил всего один месяц, в сентябре 1917-го книга была завершена, а уже в октябре грянул большевистский переворот. Глава «Высшая фаза коммунистического общества»: «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного „синдиката“».
<https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm>

Гоп-политика и другие гоппи. Как гопота овладевает государством⁵⁸

С третьего (а в перспективе нескончаемого) путинского срока (2012) обозначились новые черты общественно-политического строя, точнее, стиля, который заслуживает особого наименования. Я бы назвал его «гоп» — от слова «гопник». Гопники — городская шпана, полууголовные элементы, еще не полностью криминальные, но скользящие по грани. Главный предмет ненависти — культурные, добропорядочные, которых гопники любят напугать и унижить, испытать над ними свою власть. Гопникам важно не столько ограбить (хоть и это дело святое), сколько покуражиться, найти выход агрессии. Это не просто возвышает их в собственных глазах, но и составляет основу их идентичности и душевного комфорта. Для них моральные законы писаны только во втором значении этого слова. Такие ценности, как право, свобода, честность, труд, интеллигентность, вызывают насмешку и презрение; а подлость и предательство, напротив, одобрительный гогот. Их *modus operandi* — «подставить», «кинуть», «развести», «слить», «хапнуть»...

Есть две версии происхождения этого слова. Первая: от «гоп» — прыгнуть, подскокить. Уличная шпана нападает внезапно — выпрыгивает из-за угла. По Далю, «гоп» — это скачок или удар и, соответственно, поощрительный возглас при прыжке. «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Отсюда такие жаргонизмы, как «гоп-стоп», обозначающий уличный грабёж, или «гоп-скок» — заглавие заметки М. Горького об ограблении прохожего московскими беспризорниками.

Другая версия: «гоп» — это аббревиатура. В конце XIX века в помещении современной гостиницы «Октябрьская» на Лиговском проспекте в Петербурге было создано Государственное общество призора (ГОП), куда доставляли беспризорных детей и подростков, занимавшихся мелким грабёжом и хулиганством. После революции в этом здании было организовано Государственное общежитие пролетариата — опять же ГОП — для тех же целей, причем число малолетних преступников в этом районе тогда резко подскочило. В общем, между этими двумя версиями нет существенного противоречия.

⁵⁸ Первая публикация — Новая газета, 13 ноября 2017. Эта статья зафиксировала среднюю фазу формирования гоп-стиля: между 2012 и 2022, когда он стал уже откровенно бандитским, преступным, террористическим и порвал последние связи, соединяющие полууголовную гопоту с неуголовным миром.

Русский антимир

И вот этот агрессивно-куражистый стиль поведения недавно стал все заметнее проникать в разные сферы общественной жизни. Теперь к их названиям можно смело присоединять приставку «гоп», поскольку все они пронизаны гопничеством.

Возьмем дипломатию — область, казалось бы, совсем далекую от гоп-нравов. Но когда российский чрезвычайный и полномочный посланник на заседании Совета Безопасности в ООН (12.4.17) начал оскорблять британского представителя: «Посмотри на меня! Глаза-то не отводи, что ты глаза отводишь?» — стало окончательно ясно, что перед нами новая разновидность этой старой профессии: **гоп-дипломатия**. По ее ведомству можно отнести и любимую реплику «дебилы, б...» министра иностранных дел (на пресс-конференции с его коллегой из Саудовской Аравии). **Гоп-политика**. Собственно, вся международная политика начиная с присоединения Крыма — то, что российские стратеги иногда важно именуют геополитикой, — это по сути гоп-политика. Новизна ее лишь в том, что такой откровенный разбой, когда одно государство не просто вторгается на территорию другого, но и присваивает ее часть себе, — действительно, в новинку современному миру (после Второй мировой войны).

На меня особенно сильное впечатление произвел сечинско-юлюкаевский эпизод политического гоп-скока (2016). Одно из главных лиц государства проявляет отеческую заботу о министре: как бы не простудился дорогой товарищ в осенние холода, «надо курточку какую-то». А потом передает подарок: «Корзиночку забирай». Под эту курточку и корзиночку с колбаской — сплошь уменьшительно-ласкательные, прямо щедринский Порфирий Головлев, — сверхзначительное лицо ведет тайную аудиозапись на выданной ФСБ аппаратуре, чтобы засадить друга-коллегу в тюрьму. Гопничество на высшем уровне: налетел из-за угла с лаской на лице и финкой в кармане. Я уж не говорю о государственно поощряемом гопничестве против оппонентов режима: «Новичок», ядовитая зеленка, выедающая глаза (против А. Навального), и опасная для жизни вонючая отравка (против Ю. Латыниной и ее семьи).

Гоп-журналистика транслируется по всем гоп-каналам. Порою говорят, что это вообще не журналистика, а пропаганда. Ну тогда и послекрымскую политику нужно называть не политикой (искусством управления), а как-то иначе. Мне кажется, что уместнее все-таки оставить за этими видами деятельности их традиционное название, а то, во что они превращаются (вплоть до полной противоположности себе), обозначить приставкой «гоп-». Гоп-журналистика выдает себя за сбор и распространение информации, а между тем вся ее функция — изнасиловать истину и оправдать насилие. И говорит она в минуту откровенности таким же языком, как и

Путиами небытия

гоп-дипломатия. Телеведущий во время дискуссии подбегает к американскому журналисту и хватает его за пиджак: «Ты что думаешь, я только языком могу. Ты что меня провоцируешь? Я тебе сказал сидеть? Сиди!»

Гоп-телевидение прекрасно дополняется другими видами **гоп-коммуникации** посредством новейших технологий. Армии троллей (не говоря уж о хакерах) щедро оплачиваются из госбюджета. Это все та же гоп-стратегия: налететь исподтишка, оплевать, оскорбить — и скрыться. Не регулярная армия под знаменами, не борцы за идею, а мелкая шпана, которая наскокивает оравой, а потом разбегается кто куда. **Гоп-экономика** под видом хозяйственной деятельности присваивает себе ее объекты. Коррупция во всех эшелонах власти: откаты и взятки, виллы и яхты, искусство «виолончелить», одним словом, «это вам не Димон». По данным Национального бюро экономических исследований США, офшорный капитал россиян в три раза превышает уровень валютных резервов страны. Граждане хранят в офшорах сумму, равную 75% валового национального дохода (ВНД), объем резервов составляет 25%. И конечно, гоп-экономика — это переливание бюджета на военные расходы за счет медицины, образования и науки, уровень которых катастрофически падает. Гопнику кастеты нужнее, чем книги.

Особая пикантность гоп-экономики в сочетании с гоп-политикой в том, что за санкции, наложенные на правящую верхушку, приходится расплачиваться всему населению страны. На американский «закон Магнитского» (против коррупции) ответили асимметричным «законом Димы Яковлева» (о запрете на усыновление детей иностранцами). Крупнейших олигархов, друзей президента, попавших под западные санкции, освобождают от налогового бремени, более того, возвращают им ранее уплаченные налоги. Гопничество — это всегда асимметричный ответ. Сорвалась сделка или подставили кореша — выместил злость на улице, избил прохожего или затащил в подъезд девушку. Эта манера гопоты наказывать слабых за поражение от сильных называется «бомбить Воронеж».

Еще одно, весьма неожиданное поприще для гопничества — религия, где тоже все заметнее хулиганская, агрессивная, бандитская составляющая. В 1990-е гг. религия получила приставку «поп-», обозначающую ее массовизацию и коммерциализацию. «**Поп-религия**» — знак предпринимчивой популярности, которая рассчитана на восприятие массового общества, в том же смысле, как поп-музыка или поп-арт. Поп-религия — это религия на потребу масс, инструмент магической или психической манипуляции для извлечения практической выгоды. В 1990-е и 2000-е гг. священники постоянно заседают на презентациях товарных бирж,

Русский антимир

акционерных обществ, политических ассоциаций, литературных журналов и кинофестивалей. Страшновато, если тот самый владыка и пастырь, который готовит твою душу к предстоянию на Страшном Суде, расхаживает по космодромам, стадионам или заправочным станциям и, размахивая кадиллом, освящает всё, от мяча до ракеты. В том числе ядерное оружие. Раньше эти божьи слуги в основном загадочно молчали, не вмешиваясь в происходящее, но придавая ему своим присутствием оттенок высшего значения и благодати. Однако за последние годы поп-религия перешла к более воинственным действиям, превращаясь в **гоп-религию**. Наиболее заметное ее проявление — деятельность «православных активистов», нападающих на выставки, кинотеатры, угрожающих деятелям культуры — всем, кто дерзает свободу творчества ставить выше партийно-конфессиональных догм и к кому вдохновение приходит от Бога, а не от патриарха или синода. Если в поп-религии преобладала коммерция, то в гоп-религии — агрессия и милитаризм, которая, впрочем, не отказывается и от коммерческих завоеваний и рейдерских захватов государственной собственности. Российская **гоп-религия** — это попытка превратить православие в религию войны по образцу ислама, а при возможности и сомкнуть с ним ряды. Прежде всего, против «гнилого» западного христианства, которое застряло на ценностях милосердия, любви к ближнему, прощает грехи «радужным», благословляет врагов и охотно принимает иноверных. Ряды гоп-религии пополняются из внецерковных и околоцерковных кругов, но и сама церковь устами своих первосвященников не торопится их осуждать, а молчанием — поощряет. По сути, объединяется с ними в агрессии против светского образования, науки и культуры, в попрании самой конституции, утверждающей отделение государства от церкви.

Дело в том, что гопничество ведет двойную игру. В противоположность честному криминалу, оно все время петляет вокруг границы законного/преступного, избегая открыто ее пересекать. В отличие от преступного сообщества, гопники отчасти интегрированы в нормальную жизнь, чему-то учатся, где-то работают. Это преступность от случая к случаю, спорадическая, контекстная, позволяющая опасно приближаться к «мокрым» делам, но при этом выходить сухим из воды. Днем такой гопник сидит в какой-нибудь бойлерной или мастерской, а вечером идет на улицу промышлять и наводить ужас.

На современном жаргоне это *гибридность*. Например, при гибридной войне страна-гопник использует скрытые операции, диверсии, кибервзломы, наемников и повстанцев, но при этом старается более или менее правдоподобно отрицать свою вовлеченность в конфликт, аккуратно

Путиами небытия

голосует на всяких ассамблеях, выступает против двойных стандартов и вмешательства в чужие дела — в общем, ведет себя чуть ли не как отличник, чтобы под покровом темноты опять всласть покуражиться, нагнуть, унизить. Гоп-политика, гоп-экономика, гоп-журналистика, гоп-религия тоже по сути гибридные: они соблюдают одни законы профессии, чтобы создавать себе алиби при нарушении других. Эти фасады, фейки, вывески никого не обманывают, но как бы призваны успокоить нервных наблюдателей и потенциальных жертв: нет, мы не разбойники, мы держим себя в рамках и выходим на промысел только по вечерам.

В результате такого размаха гоп-движений вся страна воспринимается как гоп-государство, импотентное в плане созидания, но подпитывающее свою гордыню большими и малыми пакостями в отношении других государств. Нет ни сил, ни ума на то, чтобы внести вклад в науку и культуру, укреплять здоровье народа, строить дороги, прокладывая пути к другим планетам, объединять человечество большими созидательными проектами. Зато остается радость уличной шпаны: бить окна, залезать в чужие дворы, вмешиваться в чужие выборы, подкупать правящую элиту других стран, радуясь любым неудачам демократических и правовых институций и пытаясь извлечь выгоду из всех человеческих слабостей.

Как следствие зрелого самосознания эпохи гопничества, оно готовит памятник себе. Причем там, откуда оно и пошло, где возникли дореволюционный и советский ГОПы. По сообщению РИА Новости, скульптурное изображение гопника предлагается установить в Петербурге.⁵⁹ Отсюда и двинулись во российскую власть питерские, превратив гоп в явление всемирного масштаба.

⁵⁹ <https://ria.ru/20160427/1421309182.html>

Русский антимир

Это пока еще только проект, памятник «нерукотворный», но уже очевиден кураж самих планировщиков — соотнести его с александрийским столпом. В конце концов, по логике истории оказывается, что сто лет назад сбросили царя, чтобы на его месте поставить гопника.

Можно было бы дальше перечислять многообразные виды современного гопничества. **Гоп-спорт** — чего стоит одна только история «моченосцев» на Олимпиаде в Сочи! **Гоп-наука**, новейший герой которой — министр культуры Мединский, «историк»! Центральный законодательный орган — **Гоп-дума**. Социально-экономический строй современной России — **гоп-капитализм**. Правящая идеология — **гоп-патриотизм**. Да и вообще сокращение «гос» в названиях разных государственных органов вполне можно переделать в «гоп», что обнажит стиль их деятельности: гопаппарат, гопбезопасность, гопконтроль, гопнадзор, гопслужба, гопучреждение, гопчиновник...

В целом очевидно: на смену хиппи, яппи и другим субкультурам приходят гоппи. Новая молодежная «субкультура»? Нет, она не согласна быть «суб» и претендует на звание «супер»: всевозрастной, всегосударственной, а по возможности и всепланетной.

Постскрипtum

Уместно связать темы двух последних эссе, о революции и о гопничестве, поскольку у них общий знаменатель — политический разбой. Советский режим был, в сущности, тем же самым бандитским государством, нагло попиравшим все международные законы и нравственные устои, но при этом удачно нашедшим свою теоретическую палочку-выручалочку, марксизм, оправдывавший все это насилие «классовой борьбой». Если отбросить лозунги и всмотреться в реальность того времени, найдем за большевиками ту же самую гопоту. Приведем отрывок из «Окаянных дней» И. Бунина (1918-20):

А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Мурома, Чудь белоглазая... И как раз именно из них, из этих самых русичей, издревле славных своей антисоциальностью, давших столько «удалых разбойничков», столько бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской социальной революции. Что ж дивиться результатам? <...> Спокон

Путиами небытия

веку были «разбойнички» муромские, брянские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей, несбыточных надежд и свар. Русь классическая страна буяна.

Разница в том, что тогдашние буяны и пустосвяты теперь напирают не снизу, а сверху. Гоп-народ стал гоп-властью, но так же остается сеятелем лжей и свар, уже не по России только, а по всей земле. За сто лет наворовал несметного богатства и технологий, обзавелся сетью-на-весь-свет и изоширился в искусстве сеять всемирный раздор.

Пустоводство, или Как делать ничего

Есть особый вид деятельности, который с трудом поддается описанию. Человек чем-то занят, над чем-то работает не покладая рук, но при этом его деятельность не оставляет никаких следов. И в этом, по большому счету, и состоит ее предназначение.

Следует различать между «ничего не делать» и «делать ничего». Этот последний вид деятельности большинство людей освоило лучше, чем любой другой. **Ничегоделанье**, в отличие от ничегонеделанья, — это не просто досуг, отдых, убийение времени, это активное заполнение пустотой пространства жизни. Много делается именно так, чтобы действие ни к чему не приводило, — и это создает ощущение порядка, потому что слишком целенаправленная и продуктивная деятельность противоречит духу этих мест, кажется опасной, нарушает покой и чинность.

Например, пресловутые советские очереди, в которых гробилось так много времени, — ведь даже при дефиците товаров можно было продавать их гораздо эффективнее. Но стояние в очереди было почетной обязанностью советского человека, на это уходили триллионы человеко-часов. А потом Россия стала страной охранников — рядовые этой многомиллионной армии стоят у каждой подворотни, двери и шлагбаума, у аптек, поликлиник, супермаркетов, редакций и прочих неопасных учреждений. Они создают ощущение своей ненужности — и опасности того, что призваны охранять. От этих черных неподвижных людей что-то зависает и замедляется в идущих мимо.

Пустоводство — форма общественной деятельности по наиболее эффективному производству пустоты как главного коллективного продукта. Это вовсе не то же самое, что лень или праздность: это деятельность

Русский антимир

упорная и трудоемкая, как и все другие «водства», от домоводства до лесоводства. Это не обломовщина, а скорее базаровщина («лихорадка работы»), но результатом ее является пустота. М. Е. Салтыков-Щедрин так описывает условия, сформировавшие Иудушку Головлева:

Проведя более тридцати лет в тусклой атмосфере департамента, он приобрел все привычки и вожделения закоренелого чиновника, не допускающего, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною от переливания из пустого в порожнее.

После 1917 г. в этом виде производства был достигнут мощный прогресс, пустоводство стало передовой формой коммунистического труда. В СССР господствовала идеология общей, а значит, ничьей собственности, и этот никто был хозяином жизни и ни за что не отвечал. *Делать ничего* было лучше, чем делать что-то или не делать ничего: первое — излишняя активность — воспринималось как проявление индивидуализма («ему больше всех нужно!»), а второе — как тунеядство и паразитизм. Чтобы пройти между Сциллой полезных дел Харибдой безделья, нужно было ухитриться что-то делать — но так ловко, чтобы результатом было ничто. Вспомним «Котлован» и «Чевенгур» Платонова: «Так это не труд — это субботники! — объявил Чепурный. ...А в субботниках никакого производства имущества нету — разве я допущу? — просто себе идет добровольная порча мелкобуржуазного наследства». Растениеводство, садоводство, животноводство становились второстепенной формой деятельности по сравнению с идеологически самым правильным — пустоводством.

В постсоветской России пустоводство достигло новых высот. Американский политический экономист и социолог Николас Эберштадт связывает демографический и цивилизационный упадок страны. В книге «Демографический кризис в России мирного времени», вышедшей еще в 2010 году,⁶⁰ Эберштадт представил российскую ситуацию как катастрофическую. Ожидаемая продолжительность жизни 15-летнего подростка на Гаити выше, чем у российского. По этому показателю Россия находится даже не в третьем, а в четвертом мире. Привкус пустоты — депопуляция — ощущается на всем пространстве России. Ее население — самое разреженное в Европе, да и в мире по плотности она на 223 месте из 241. А Сибирь, т. е. три четверти России, на самом последнем месте в мире: 3 человека на

⁶⁰ <http://www.nbr.org/publications/element.aspx?id=446>

Путиами небытия

квадратный километр (меньше, чем в Западной Сахаре и Монголии). Пустоту тут можно черпать руками и месить ногами.

Но она не только в физическом, но и в социальном пространстве, а также во времени. Здесь пустота не просто существует как объективная данность, как свойство географического простора, но и производится во все больших количествах. Не строят новых городов и дорог, не создают новых технологий, а только переливают буквально из пустого в порожнее, из нефtezалежей в нефтехранилища, так что труба стала главным символом постсоветской России («дело — труба»). Парламент, институты, медиа — те же трубы, только полые, имитация, ведущая к разрастанию пустоты. Экономист Сергей Алексашенко так характеризует работу властей. «Нельзя сказать, что у нас правительство не работает. Вот, как ни начнешь там читать, и такое постановление выпустили, и такое постановление выпустили, такой законопроект, сякой законопроект. Просто кипят! Как я представил всю бюрократию когда-то, 30 тысяч одних курьеров: бумажки туда-сюда, электронную почту, закон... <...> Я со школы помню броуновское движение, когда все бегают-бегают-бегают-бегают, а результирующий вектор равен нулю, то есть процесс не движется».⁶¹ Власти уже осознали, что опаснее всего — делать нечто реальное: тогда вся эта пустообразующая система расплзется, как гнилая ткань.

Точно так же и российское образование не переходит в производство знаний, в развитие науки и техники, в человеческое благосостояние. Например, число международных патентов, выданных патентным бюро США изобретателям из России, в пересчете на количество людей с университетским образованием трудоспособного возраста, находится примерно на уровне Либерии. Интеллектуальный потенциал страны никак не может раскрыться. Николас Эберштадт не находит рационального объяснения этому парадоксу:

Это некая системная особенность среды, может быть, среды экономической, может быть, политической, я не могу сказать наверняка. Что я могу сказать наверняка, так это то, что, когда россияне оказываются за пределами России, у них сразу же все становится хорошо. Покидая российскую среду, люди начинают процветать. Не знаю, что за проблема находится внутри черного ящика.⁶²

⁶¹ <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1568138-echo/>

⁶² <http://www.svoboda.org/content/article/27079761.html>

Русский антимир

На этот вопрос лучше, чем экономисты, социологи и политики, отвечает писатель Н. В. Гоголь. В одном из набросков «Мертвых душ» он записывает:

Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие. ...Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно... Смерть поражает нетрогающийся мир.

Н. В. Гоголь сетовал на то, что, хотя в России больше умных людей, чем в Европе, те менее умные люди «хоть какое-нибудь оставили после себя дело прочное, а мы производим кучи дел, и все, как пыль, сметаются они с земли вместе с нами»⁶³. Даже такой «охранитель», как оберпрокурор Святейшего Синода К. Победоносцев, стремившийся законсервировать страну, признавал безуспешность этих попыток из-за отсутствия самой субстанции, которую можно было бы запечатать и оберечь. Сохранять можно только то, что уже существует, а то, что находится в полупостроенном-полуразрушенном состоянии, нельзя сохранять, можно только дальше строить или дальше разрушать. За много веков общество так и не перешло к полной оседлости, находится в полукочевом состоянии. «Стоит только пройтись по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтобы увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит масса покинутых дел, пренебрежённых учреждений, рассыпанных храмов»⁶⁴.

Пустоводству есть место и на Западе, где развита система всяких демократических и бюрократических процедур, то, что слитно можно назвать «бюродемократией». Люди собираются, чтобы обсудить какой-то общественный или административный вопрос и совместно его решить. Решить его мог бы один человек, однако, чтобы соблюсти демократическую процедуру, созывается специально назначенный для этого комитет. Каждый участник изощряется, чтобы выглядеть в глазах коллег самым ответственным, предусмотрительным, и т. д. Поэтому придумываются такие детали, которые могут потребовать дополнительного обсуждения и практического воплощения. Например, если речь идет об учебных курсах, предлагаемых в университете на следующий год, то кто-то может предложить консультацию с другими

⁶³ Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. гл. XXVII, «Близорукому приятелю». Собр. соч. в 7 тт., т.6, М., Художественная литература», 1986, с. 299.

⁶⁴ Материалы для физиологии русского общества. Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнения русских о самих себе. Собрал К. Скальковский. СПб, типография А. С. Суворина, 1904, с.132.

Путиами небытия

факультетами/отделениями, чтобы обсудить возможность совместного курса, а кто-то предлагает провести опрос студентов, чтобы выявить их интересы, и т. д. По каждому новому пункту может понадобиться создание отдельного комитета, который должен будет отчитываться перед данным комитетом, т. е. происходит размножение административных заданий по ходу их выполнения. Представим корабль-верфь, который плывет — и при этом занят строительством других кораблей, которые время от времени спускаются на воду и отправляются в самостоятельное плавание. Воздух дискуссии разогревается общественным энтузиазмом, который Щедрин назвал «административным восторгом». Но вскоре даже самым завзятым заседателям становится неуютно при мысли о предстоящих хлопотах, которые они добровольно взваливают на себя, — ибо тот, кто вносит предложение, как правило, назначается ответственным за его реализацию. И тогда к концу собрания, если его ведет благоразумный администратор, всё как-то спускается на тормозах, пузырь рассасывается, все поглядывают на часы и, под предлогом других обязательств, мгновенно разбегаются, облегченно вздыхая.

В России все эти ритуальные формы общественного поведения оборачивается особенно усиленным пустоводством, поскольку сами формы цивилизации в основном заимствованы у Запада и таким образом оказываются вдвойне формальны. На пустоту самих этих форм накладывается пустота их имитации, «псевдоморфозы», как определил О. Шпенглер российскую послепетровскую цивилизацию. Здесь царят формы форм, идолы идолов...

Однако есть различие не только в количестве, но и в качестве. *Бюрократия*, столь развитая на Западе, не столь актуальна в России. Здесь на демократические процедуры не тратят слишком много времени, все решает начальник. Однако пустота — еще более могущественная — возникает на уровне исполнения, когда принятые решения начинают проводиться в жизнь; они настолько нежизненны и противоречат реальным интересам людей, что исполняются только для видимости. Пустота размножается множеством лиц, становится поистине всенародной. Если на Западе сложно принимать решения, то в России сложно их исполнять. Их эффект нейтрализуется взаимодействием энергии начальства и инерции подчиненных. Система управления «бешено буксует», т. е. при большой затрате энергии производит *ничто* как продукт труда.⁶⁵

⁶⁵ Пустоводство следует рассматривать в более широком историческом контексте — см. главу «Пустота. Территориальное проклятие» в разделе «Русский антимир».

Русский антимир

Какофилия.

О выгодах и провалах зловластия

Бывают такие репрессивные системы, которые очень трудно взломать изнутри, потому что они умеют обращать на пользу себе силы, направленные против них.

Тоталитарная ловушка

СССР был одной из таких хитрых систем. По мере того, как возрастала ее тоталитарная мощь, она вбирала в себя и левую, и правую идеологии. СССР превозносил интернационализм в борьбе с национализмом, когда нужно было подавлять протестные движения в республиках; и превозносил патриотизм против космополитизма и буржуазного глобализма, когда нужно было расправляться с западниками, либералами, правозащитниками. Он выступал за материалистическое мировоззрение и клеймил всякие проявления идеализма; и вместе с тем боролся за идейность и духовность против безыдейности и меркантильности.

В знаковой системе зрелой тоталитарной идеологии действует модель тетрады (четверицы), т. е. двух противоположных оценочных пар. Например, стремление к миру может быть оценено положительно (миролюбие, борьба за мир во всем мире) и отрицательно (примиренчество, оппортунизм). Точно так же противоположное стремление к войне может быть оценено положительно (непримиримость к врагу) и отрицательно (агрессия, милитаризм). СССР боролся за мир во всем мире — и обличал милитаризм и реваншизм; но вместе с тем проповедовал классовую борьбу и противостояние двух систем, осуждая любое примиренчество, оппортунизм и склонность к компромиссам. Практически каждая позиция, каждое суждение могли быть включены в эту систему и со знаком плюс, и со знаком минус, т.е. превозноситься или отбрасываться по воле тех, кто ею манипулировал.⁶⁶

⁶⁶ Я описал эту непробиваемую систему в своей книге «Идеологический язык» (1982), из которой в конце 1980-х — начале 1990-х было опубликовано лишь несколько глав, в т. ч. в «Вопросах языкознания» и отдельной брошюрой на английском (в США). Михаил Эпштейн. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса. // Вопросы языкознания, Москва: Наука, 1991, 6, С. 19-33.
https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_814_1509649480.pdf

Путиами небытия

Гибридная ловушка

В третий путинский срок, после 2012, страна снова вошла в эпоху тотализации дискурса, но на других основаниях. Этот дискурс, как и другие знамения времени, можно назвать гибридным. Он сочетает в себе противоположные установки, но не в виде открыто выраженных идеологем, а скорее, как игру текста и подтекста, речи и умолчания. Нечто сделанное или сказанное надо понимать в противоположном смысле. Например, ядерный шантаж — это призыв к миру. И вот уже президент, побряцавший новейшим оружием и погрозивший им всему человечеству, но прежде всего американцам, на следующий день призывает Америку перестать бряцать оружием и сесть за стол переговоров.

Возьмем сверхизвестный пример: документальный фильм-расследование А. Навального о тайной империи Д. Медведева «Он вам не Димон». Предполагалось, что фамильярно-сниходительная кличка «Димон» несоразмерна такому крупному хищнику и коррупционеру, как Дмитрий Анатольевич Медведев. Это фильм о лицемерии, о страсти к роскоши, об ограблении общества, о растущем контрасте богатства и бедности. Какое же воздействие оказал этот фильм на общественное сознание? Фильм, вышедший 2 марта 2017 г., посмотрело более 26 миллионов человек. Поначалу рейтинг Медведева упал примерно на 10%, но уже осенью стали поговаривать, что Медведев крепко держится в кресле и опять может оказаться преемником или остаться соратником Путина. Только теперь он, вопреки названию и намерению фильма, и стал настоящим Димоном, простым и понятным большинству населения. Не каким-то интеллигентом, снобом, себе на уме, а таким же нечистым на руку, готовым хапнуть чужое. Не гордый какой-нибудь демон, а свой в доску Димон. Все воруют, и он ворует, значит, все путем, никакого подвоха ждать не приходится. Будь проще — и к тебе потянутся люди. А что может быть проще воровства.⁶⁷

Вся система ценностей вывернута наизнанку. Скажем, работала государственная система допинга, вопиющие нарушения вскрыты, российская команда не допущена на Олимпиаду. Кто виноват? Наши чиновники и «сам», узаконившие эту систему обмана? Нет, те, кто защищает честный спорт, ставит заслон допингу, — это все «русофобия», и мы еще сильнее сплотимся вокруг своих вождей в защиту обиженных спортсменов.

⁶⁷ См. главу «Антисоциум. Соборность и соворность» (в разделе «Русский антимир»).

Русский антимир

Разоблачения коррупционных схем российских олигархов и самого Путина, раскрытие их офшорных активов, награбленных в России, угрожают им серьезными проблемами на Западе. Но в самой России это скорее всего опять-таки приведет к «сплочению»: наших бьют, мы за себя постоим, не дадим своих в обиду. Любой позор, злодеяние, падение репутации в глазах всего мира работает на пользу этой системе, поскольку обособляет ее от окружающего мира и способствует внутренней консолидации. Путинская власть нашла способ превращать минус в плюс, провал системы в средство ее упрочения. Конечно, рано или поздно она «схлопнется в себя», превратится в самопожирательную черную дыру, изолируясь от внешнего мира, лишаясь притока инвестиций и технологий, превращаясь в тупую, забитую, нищую автаркию. Но пока есть резерв выживания, эта система еще долго может черпать источник силы в своих же изъянах и слабостях.

Определяющей чертой населения становится привычка к девиантному, трансгрессивному поведению, которое отклоняется от социальных и моральных норм, принятых во всем мире. Здесь плохое (во всех смыслах) перевешивает над хорошим, оказывается эстетически и морально привлекательнее. Чем хуже, тем круче. Здесь любят плохих парней и девочек, бандитов, нарушителей порядка, крутых пацанов, ночных волков, героизируют криминальные элементы.

А моя страна — подросток!

Так восклицал В. Маяковский в поэме «Хорошо!» Для него это значило: «Твори, выдумывай, пробуй!» Но у подростков есть и проблемные черты. Кажется, что население страны никак не выйдет из подросткового возраста, который характеризуется деструктивным и самодеструктивным поведением, что приводят к социальной дезадаптации личности вплоть до полной ее изоляции от мира. «В подростковом возрасте наиболее распространены уходы из дома, бродяжничество, школьные прогулы или отказ от обучения, ложь, агрессивное поведение, промискуитет (беспорядочные половые связи), граффити (настенные рисунки и надписи непристойного характера), субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки)».⁶⁸

Весь этот девиантный комплекс наблюдается в поведении российского руководства, а вслед за ним — и населения. Легко представить страну в образе хулиганствующего подростка, который уходит из своего европейского

⁶⁸ <http://manme.ru/psixologiya/otklonyayushheesya-povedenie-podrostkov.html>

Пути небытия

дома, грубит, дерзит, лжет, задирает мирных и благополучных граждан, не считается ни с юридическими, ни с моральными нормами. И при этом, конечно, разрушает самого себя, с той мотивацией, что раз вы все такие хорошие, я буду гадом, и пусть мне будет хуже, но и вам не поздоровится. Это мстительный комплекс обиды на весь мир, и чем хуже самому подростку, загоняющему себя в угол, в кризис одиночества, тем сильнее его ненависть к окружающим, желание отомстить за свою боль, неудачи, отверженность. Это самовзрывающийся механизм — лодку раскачивают изнутри. Это суицидальный позыв общества, не сумевшего перейти в возраст зрелости, ответственности, позитивной социализации, конструктивного развития. Это тип подпольного человека, который психически остается в подростковом возрасте и мстит миру за свою бестолковость, невзрачность, бездарность, одиночество. Он испытывает удовольствие даже от зубной боли, растревляет свою злость и гордыню, соединяет садизм с мазохизмом — и не щадит самого себя. Его жизнь — упражнение в причинении боли себе и другим.

Какофилия и какократия

Вопрос: отчего же девиантный подросток — будь это личность или целое государство — не лечится, не использует общепризнанных средств в запасе цивилизации: медицину, образование, культуру? У Достоевского в «Записках из подполья» есть объяснение, точнее, значимое отсутствие такового — отсылка к самому свойству саморазрушающей воли: «Я не хочу лечиться со злости... Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью... ..Всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше».

Это и есть **какофилия** (kakophilia) — влечение к плохому, уродливому, отвратительному (от греч. kakos «плохой, злой», от индоевропейского *kakka- «испражняться»). Того же корня известное слово «какофония» («дурнозвучие»). Еще в 17-м веке возникло понятие «**какократия**» или «**какистократия**» (kakocrasy, kakistocracy) — буквально «власть худших», негодяев и подлецов.⁶⁹ Противоположность аристократии, власти лучших, — не демократия, а именно какократия: власть худших. В таком обществе

⁶⁹ Впервые это слово встречается у английского проповедника Пола Госнолда (Paul Gosnold), в его проповеди 9 августа 1644 г. в церкви Св. Марии в Оксфорде. Он выступил против тех кто хочет превратить «нашу добросердечную монархию в безумную какистократию» (our well-temperd Monarchy into a mad kinde of Kakistocracy).

Русский антимир

подлецу легче войти во власть, потому что он прибегает ко всем недозволенным приемам, лжи, клевете, насилию, предательству, — и, конечно, преуспеет в этом больше, чем человек с моралью и совестью.

Но какократия — лишь верхушка айсберга, а подводная его часть — какофилия. Это общественное умонастроение, даже можно сказать, социальный инстинкт, который отдает предпочтение худшему перед лучшим. В таком обществе трудно быть добрым, милостивым, справедливым. Мальчика из Уренгоя затравили из-за того, что он посмел высказать сочувствие немецким военнопленным. Травят самых талантливых, самостоятельных, творчески состоявшихся: К. Серебренникова, К. Райкина, А. Макаревича, Д. Быкова, Ю. Дмитриева... Именно какофилия как социально одобренное стремление к дурному и неприязнь к хорошему — эмоциональная основа того антимира, антисоциума, который исторически сложился в России и привел к системным преступлениям советского и постсоветского времени — к ГУЛАГу и к Буче.

Во втором томе «Мертвых душ» Чичиков рассказывает анекдот об одном честном управляющем, пострадавшем от злых судейских, которые еще и издеваются над бедолагой: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». В нынешнем обществе любят именно черненьких, измазанных во всевозможных грехах, и любят именно за злобность, жадность, коварство, за «разорю» и «не потерплю» (как у щедринских градоначальников). Это и есть какофилия: любовь к наихудшему, замороженность злом, болью, духом небытия. А достойных любви, «беленьких» люто ненавидят за то, что они выступают живым укором нашей лени, грязи, бездарности. Смысл гоголевской поговорки иронически вывернут наизнанку: если полюбишь черненьких, то беленьких уже навсегда возненавидишь. Это те же вывернутые нравы, которые описаны Бабелем в «Конармии», как начало новой, «революционной» эпохи: «Человек высшего отличия — из него здесь душа вон. А пограбь вы мало-мало или испорть даму, самую чистенькую даму, — тогда вам от бойцов ласка...» («Мой первый гусь»).

Какофилию нужно отличать от смежных психопатических явлений, таких, как садизм. Садизма было много и у маркиза де Сада, и в нацистской Германии, но там не было целенаправленной отрицательной селекции, чтобы лучшие уничтожались, а худшие возводились на вершину социального благополучия... Известна статуя писающего мальчика в Брюсселе, как символ детской резвости и веселой мудрости. А лучшим памятником последнего столетия в России был бы следователь Александр Хват, писающий в лицо академику Николаю Вавилову во время допроса. Хват (1907–1993) до конца своих дней жил на ул. Горького в самом центре

Путиами небытия

Москвы, а Вавилов (1887–1943), проживший на 30 лет меньше, умер в саратовской тюрьме от дистрофии и упадка сердечной деятельности. Это и есть **како...** — в прямом и переносном смысле. Статуя писающего следователя у т. н. «Дома НКВД», по нынешнему адресу Первая Тверская-Ямская улица, дом 11, — вот достойный монумент какократии.⁷⁰

Но чем сильнее раскручивается антисистема, чем успешнее она превращает свои провалы в свои победы, — тем глубже она загоняет антизакон и антимораль внутрь себя и быстрее несется к гибели. Так развалилась тоталитарная система, так развалится и гибридная: они вбирают в себя дух небытия — и в конце концов сами проваливаются в него.

Самая трудная задача для общества — перевернуть уже вывернутое, убедить себя в правоте общепринятых правил. Закон и нравственность — это не фейк, не обманные категории для того, чтобы слабые могли господствовать над сильными. Это именно проверенные веками культурные гены развития.

Новичок во всех смыслах

Путинский режим выявил одну простую вещь: для ненависти не нужно никаких всемирно-исторических оправданий, в виде законов классовой борьбы, марксистского учения о базисе и надстройке и т. д. *Ненависть питает сама себя.* Это своего рода вечный двигатель. Он приводит в действие ядерную программу и всю технику массового уничтожения, включая химическое оружие и невероятное по силе нервно-паралитическое вещество «Новичок» (один грамм убивает 250 человек).

Вот точно таким же *новичком* оказался и сам президент в мировой политике. Не то ново, что этот агент нервирует и парализует весь мир, разрушает, действует подкупом, страхом и отравой, создает повсюду врагов, — а то, что все это делается из чистой ненависти, которая не нуждается ни в каких разумных обоснованиях.

Как писали первые биографы, Путин «оказался новичком в большой международной политике» (Рой Медведев); «это вовсе не политик, а энергичный новичок из чиновников второго плана» (А. Цулкадзе). Путин и в самом деле оказался новичком — только с большой буквы. Вопрос, заданный в начале первого срока: «Кто вы, мистер Путин?» — по итогам

⁷⁰ Подробнее о какофилии в буквальном, телесном воплощении, в актах дефекации см. в главе «Русская хтонь и фашизм. Беседа с С. Медведевым».

Русский антимир

обнуления четырех получает внятный ответ: прокладчик *кратчайшего пути из любой начальной точки в конечную — в точку небытия*. Новичок открыл прямейший ход к разрушению миропорядка — без всяких околичностей, идеологических заморочек. Он оголяет мировую политику до скелета: ненависть не нуждается в доказательствах, это по-своему такой же психически чистый продукт, как любовь.

Сравнивают Новичка с Ким Чен Ыном, тоже донельзя токсичным. Но рядом с российским президентом он просто отстой. Ведь Северная Корея все еще действует по старинке, прикрываясь марксистской ветошью, рабочей солидарностью, учением чучхе и т. п. Иран, Куба и прочие государства-изгои — тоже пережитки 20-го века: у одних традиционная религия, у других своя версия социализма, помесь Маркса и Хосе Марти. Еще раньше для Гитлера оправданием войны была расовая теория, Сталин опирался на теорию обострения классово-борьбы и построения социализма в отдельно взятой стране... Сколько лишних слов, догматических споров, правых и левых уклонов, ревизионистских и оппортунистических искривлений! Кому нужна теперь вся эта схоластика, ставшая книжной пылью!? Благодаря путинизму выяснилось, что в XXI в. сложно разработанные идеологии/мифологии, со своими философскими теориями, вроде марксизма-ленинизма, вообще не нужны. Вероятно, они соответствовали сравнительно низкому уровню информационного развития общества XIX — нач. XX вв: идею нужно было долго вколачивать в сознание масс, чтобы она постепенно становилась материальной силой. А сейчас все распространяется мгновенно и требуется лишь простейший импульс: мы — они. Или попросту запах крови. Как ни странно, усложнение информационных систем, имитирующих и как бы заменяющих мозг, упрощает стадного человека до биологической сути, до простейшего рефлекса ненависти.

Как действует «Новичок»? Научное описание:

Попадая в организм, отравляющий агент химически связывает белок, регулирующий передачу нервного импульса. Это приводит к тому, что к тканям организма, органам и мышцам начинают бесконтрольно поступать нервные сигналы. В результате происходит перевозбуждение сердечных, дыхательных и других мышц.⁷¹

⁷¹ <https://www.dw.com/ru/chto-izvestno-ob-otravljajushhem-veshhestve-novichok/a-42977141>

Путиами небытия

Не напоминает ли это технику вмешательства в американские выборы? — создание фальшивых аккаунтов, тролли, боты, симуляция активности множества фиктивных групп, провоцирование левых радикалов с целью большей радикализации правого спектра... Оказывается, электронным сетям тоже можно придать нервно-паралитический эффект. «В результате чего жертва отравления не может дышать и испытывает очень сильные боли. Это пытка. Это абсолютно неизлечимо». В электронных сетях пока еще излечимо, но результаты нервно-паралитического воздействия примерно одинаковы во всех формах: химической, информационной, геополитической...

Если, например, Новичок проникает на чужую территорию, там распространяется бандитизм и коррупция, люди нищают, прекращается экономический рост, ничто не радует жизни, наступает морок и история прекращает течение свое. У крупнейших хищников XX века по крайней были за спиной «экономические чудеса»: Германия и СССР в 1930-е гг. стремились к внедрению «самого передового строя» на землях варваров. Новичок опять-таки уникален в мировой истории, поскольку никаких аргументов «высшего порядка», ничего, кроме скелетов в шкафах, у него нет, да он в этом и не нуждается. Конечно, в запасе у Новичка масса риторических средств маскировать эти скелеты, но маска оказывается всякий раз издевательски поддельной и не столько скрывает, сколько обнажает вздорность и ненужность всяких причин и доказательств.

Под каждый акт ненависти подкладывается некое заведомо абсурдное оправдание. Почему нам нужен Крым? — так ведь там Херсонес, святой для русских, как Стена Плача для евреев. Отчего война в Донбассе? — это шахтеры и трактористы взяли за оружие, приобретенное в Военторге. Отчего мы в Сирии? — так ведь на террористов надо напасть, пока они не напали на нас. Почему убили сотни школьников в Беслане? — Чтобы не поощрять террористов и отменить выборы губернаторов. Ядерные угрозы Западу? — потому что наши партнеры недопоняли нас тогда-то, недоуважали в том-то. Зачем разгонять митинги и арестовывать несогласных? — чтобы Саакашвили не бегал по улицам. «Курск»? — он утонул. Навальный? — он заболел. При этом Новичок все время усмехается в песковские усы. Как будто подмигивает, давая понять, что все это пурга и мы, как умные люди, это понимаем.

Вот это и есть изобретение путинизма, которое потенциально может завершить ход истории: химически чистая ненависть, которая упорно ищет слабые места в миропорядке и расчетливо в них бьет, не нуждаясь ни в каких теориях и доказательствах, ни в каких преобразовательных планах или идейных стимулах. Этот яд парализует нервную систему просто тем, что перевозбуждает ее, взрывает изнутри.

Русский антимир

Самоубийство человечества

Обычно, когда ищут прецедент планетарной ядерной угрозе наших дней, указывают на Карибский кризис 1962 г. Тогда я был слишком мал, чтобы его осознать. Зато мне запомнился другой, который почему-то выпал из общеизвестной исторической летописи, — ноябрь 1983 г. Отчасти он затенен фейерверком вскоре начавшейся перестройки, но бездна, которая тогда разверзлась, в самом деле не имела дна.

Что произошло? 23 ноября, после начала размещения американских ракет в Европе, представители СССР покидают переговоры по ограничению вооружений, проходившие в Женеве. Этому предшествовало резкое обострение отношений СССР и США после прихода к власти бывшего шефа КГБ Юрия Андропова. В марте 1983 г. Рональд Рейган назвал Советский Союз «империей зла», а 1 сентября, словно для подтверждения этой характеристики, советским истребителем был сбит южнокорейский самолет, погибло 269 пассажиров и экипаж. Рейган назвал это «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто», «актом варварства и нечеловеческой жестокости». 24 ноября генсек Юрий Андропов (которому оставалось жить всего два с половиной месяца) объявляет об увеличении числа ракет, нацеленных на США.

Привожу свою запись 26 ноября 1983 г. — и легко представляю, что ровно то же самое я мог бы написать сейчас, сорок лет спустя:

...Пала еще одна преграда, отделяющая человечество от самоубийства. Переговоры окончены, оружие с обеих сторон выдвигается на передний край, и ничто уже не сдерживает их решимости уничтожить друг друга, а следовательно, и себя, и весь мир. Совершится ли самоубийство — никогда не может быть определено заранее, но сама возможность его и готовность к нему означает конец огромного этапа человеческой истории, по сути — истории как таковой. То, что происходило раньше, так или иначе помещалось внутри истории, теперешние обстоятельства выводят за ее пределы. Даже если мы останемся жить, то будет уже не жизнь, данная человечеству от Бога или природы, а выбранная самим человечеством и вобравшая ту полноту смысла, какую заключает в себе сознательный отказ от смерти. До сих пор мы жили словно дети, обладая жизнью как безвозмездно дарованным благом, которого никто у нас не отнимет. Конечно, существовала трагедия индивидуальной смерти, но человек имел перед собой перспективу бытия человечества, в котором и его ограниченная жизнь приобретала долгий и устойчивый смысл: то, ради чего он жил — дети, книги, страна, род человеческий, — останется после него. Теперь все это оказывается

Путиами небытия

столько же бранным, как и сам человек: никто и ничто, способное сохранить память, не переживет его.

Все человечество как бы сократилось до размеров человека, который держит в руках собственную жизнь. Не исключено, что такое состояние предсмертной готовности продлится достаточно долго, чтобы человечество привыкло к нему и, пройдя искус самоубийства, научилось крепко держаться за жизнь. Но это вынуждает по-новому ставить и решать все проблемы, соотносящие жизнь с ее смыслом. Человечеству придется выработать новую этику, метафизику, религию, которая позволила бы ему существовать, распоряжаясь орудием собственной гибели. Теперь начинается эпоха испытания человечества на зрелость, на способность выжить благодаря собственной воле и разуму, а не опекающим внешним силам природы.

Ядерное оружие привело к тому, что если раньше смерть владела человеком, то теперь человек владеет собственной смертью. Человечество подносит к виску револьвер. Нажмет или не нажмет на курок? Если нажмет, то мы сейчас переживаем последний миг, когда вся предыдущая жизнь, вся мировая история проходит перед нами словно в сознании умирающего. Если не нажмет, значит, в мозгу человечества выработалась новая мысль, которая оправдывает необходимость последующего существования. Ближайшие годы или, может быть, месяцы в жизни человечества — как секунды в жизни человека, размышляющего с револьвером в руке: „быть или не быть?“

Эта запись, перечитанная сегодня, вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, она утешает и обнадеживает. Кто бы мог предполагать, в тогдашнем сгущении мрака, что через два года мир станет другим, а через восемь лет «империя зла» в тогдашнем своем объеме и могуществе прекратит существование?

Кульминацию этой угрозы я уже пережил в Москве тогда, осенью 1983 г. Мне было тридцать три, у меня было трое детей, никто не хотел умирать. Теперь мои дети уже старше, чем я был тогда, а мои внуки старше, чем были тогда мои дети... Сейчас важно помнить, что через пропасть ноября 1983 г. был вскоре проложен мост, по которому человечество перешло в XXI в. Не следует путать кульминацию с развязкой, нужно просто перевернуть еще одну страницу тяжелой и толстой книги под заглавием «История».

Но возникает и другая мысль — о природе нынешнего режима, который, в отличие от советского, не может рассчитывать на победу в мировой войне. Становится ли он от этого менее опасным?

Русский антимир

Утащит ли «Мертвая рука» живых в царство мертвых?

Как известно, в СССР был разработан комплекс автоматического управления массивным ядерным ударом, который называется «Мертвая рука». Даже после поражения страны эта система способна нанести ответный удар по противнику и гарантировать его ядерное уничтожение. Этой способностью поразить врага насмерть после собственной гибели похваляются нынешние политики и пропагандисты — гораздо откровеннее и убежденнее, чем в советское время, и в данном случае трудно им не поверить.

У российского режима нет ни малейшего шанса на победу в мировой войне, если он захочет ее развязать. Нет идей, перспектив, экономических ресурсов. Нет никакого будущего, кроме прошлого, причем такого отдаленного, средневекового, что ему не выжить в XXI веке. Победить он не может, но уничтожить мир — вполне.

Ради чего? Ради куража? Триумфа живого всепобеждающего учения — *понтократии*?

Понтократия пришла на смену идеократии — как стратегия для покорения страны и мира. В советское время выше всего стояли идеи: коммунизм, социализм, марксизм, ленинизм, материализм — а кому нужны эти «измы»? Важны не идеи, а **понты**. Каждый понт — это еще одна демонстрация превосходства, выигрыш в азартной игре. Опозорить врага, наплевать в суп соседу, выкрасть чужой секрет. Понт — единица криминальной воли. Еще одна пакость, причиненная «партнерам», еще одно издевательство над честным, оскорбление гордого, угроза слабому, унижение достойного. Из таких вот понтов — отличительных знаков криминальной гордости и куража — и строится вертикаль.

Понтократор — тот, кто правит посредством понтов (не путать с «пантократором» — «царем небесным» в христианском богословии). Слово «понт» (от франц. *Ponte* — «понтёр», «игрок», «картежник») в криминальном жаргоне имеет широкое значение: пускать пыль в глаза, обыгрывать посредством надувательства, предъявлять знаки власти и социального престижа. Понтократор демонстрирует чудеса ловкости, набирая понты, т. е. регалии блатной чести, опуская всех соперников. У понтократора нет никаких позитивных средств для самоутверждения — никаких больших целей, идей, талантов, кроме опускания других.

Путиами небытия

Но нельзя сводить все к понтам — точнее, в этих понтах есть нечто более глубокое, уходящее в такую бездну, что может закружиться голова. В фильме Федора Бондарчука «Сталинград», гламурно-официозном и малоталантливом, есть одна пронзительная фраза, как будто выплывшая с другого уровня глубины. Немецкий капитан в исполнении Томаса Кречмана замечает: *«С вами, русскими, невозможно нормально воевать, потому что вы сражаетесь не ради победы, а ради мести».*

Задумаемся о смысле происходящего. Если шанса на победу нет, то остается месть как главная цель. Моральное различие в том, что воля к победе диктуется верой, надеждой, любовью, а месть — только ненавистью. В эпоху Второй мировой было ясно, во имя чего стоит умирать, хотя и тогда ненависть к врагам все-таки преобладала над любовью к социалистическому отечеству. Но тогда еще была вера в будущее и надежда на победу с опорой на всепобеждающее коммунистическое учение и поддержку прогрессивного человечества.

Что же говорить о нашем времени! Во имя какой любви сражаться? Или единственная цель — месть более свободным, предприимчивым, удачливым, тем, у кого есть история, право, наука, техника, прорывы в будущее? Месть русских «братков» — украинским «братьям», которые хотят стать частью этой истории?

Те, кто сражается за победу, как сталинский СССР или даже гитлеровская Германия, все-таки озабочены судьбой бытия и не хотят все выжечь дотла — им нужно сохранить для себя плодородную землю, города, деревни, хозяйства, музеи, университеты, где будет цвести грядущий Рейх.

Те, кто сражается ради мести, не видит будущего ни для мира, ни для себя, поэтому и полагаются больше всего на мощь ядерного оружия. Если выиграть не дано, а всеми другими способами они проигрывают, остается всего один, зато самый большой понт из всех возможных, способ опустить самого Творца, — уничтожить созданный им мир.

Говорят, что мертвые хватают живых; и чем ближе они к могиле, тем сильнее хватка. «Мертвая рука» — это не только система автоматического ядерного удара, это сила, которая тащит живых в царство мертвых. *Умирающая империя, уходя, готова громко хлопнуть крышкой гроба.*

Русский антимир

Двери ада

Новая апокалиптика

В постсоветское время в России сформировалась новая псевдо-религиозная идеология, чреватая самыми большими духовными опасностями и политическими потрясениями — как для страны, так и для человечества. Она вобрала в себя и государственное православие, и языческий культ почвы, и евразийскую ненависть к Западу, и черты нацистской идеологии, и архаические культы войны и царства мертвых. Это свое рода апокалиптика, наследующая самые мрачные черты гностицизма и несущая проклятие всему сущему, поскольку оно лежит во зле. Отсюда стремление предать весь мир очистительному огню, устроить рукотворный конец света, опираясь на разрушительную силу ядерного оружия.

Н. Бердяев писал в «Русской идее» (1946):

...Мы, русские, апокалиптики или нигилисты. Мы апокалиптики или нигилисты потому, что устремлены к концу и плохо понимаем ступенность исторического процесса, враждебны чистой форме. <...> В православии сильнее всего была выражена эсхатологическая сторона христианства. И в русском нигилизме можно различать аскетические и эсхатологические элементы. Русский народ есть народ конца, а не середины исторического процесса.⁷²

Собственно, нигилизм и апокалиптика прекрасно сочетаются, как две грани одного умонастроения: отрицание всех ценностей этого мира — и ожидание его конца или даже пожелание ему скорейшего конца.

У этой новейшей апокалиптики есть разные религиозные, националистические, политические составляющие. Прежде всего, это адские и сатанические учения, вышедшие из оккультных и сектантских идей эпохи раннего христианства и средневековья. В России они укоренены в раскольнических представлениях о том, что мир уже захвачен Антихристом, а значит, подлежит уничтожению, чтобы ускорить пришествие Христа.

Сильное воздействие на новую апокалиптику оказала идеология крайних правых (Р. Генон, Ю. Эвола), оккультные и геополитические

⁷² Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008, С. 167-168

устремления итальянского фашизма и немецкого нацизма, учение о национальном духе «почвы и крови», обращение к арийской «Великой традиции» и кастовой системе; а также противопоставление континентальных, «почвенных» — и «морских, меркантильных» цивилизаций. Отсюда и евразийские учения об извечном противостоянии России и Запада, причем Россия рассматривается как сердце Евразии и наследница Орды, исторически призванная объединить вокруг себя Европу (особенно восточную) и Азию (особенно центральную) в геополитической конфронтации с «англосаксами» (США, Англия, Канада, Австралия).

Православие в России почти всегда находилось в полной зависимости от государства и глубоких самостоятельных корней в народе не пустило, иначе в 1917 году он не отрёкся бы от него так легко, не стал бы уничтожать храмы и превращать их в склады и сортиры, рубить иконы и пр. До революции было примерно 55000 приходов в стране, к началу 1940-х осталось около 200. Потом вроде бы произошло возрождение, сейчас РПЦ приближается к прежнему уровню, в России почти 40 тысяч приходов. Но сегодня видно, что это дерево было подточено, выедено изнутри не только атеизмом XX в., но и лжецерковностью, когда церковь действует как орудие государства, «патриотическая» институция, наподобие армии или Росгвардии. Долгое время это не мешало российскому православию быть частью всемирного. Но в 2018 г., после того как Вселенский патриархат признал автокефальную украинскую церковь, РПЦ резко свернула на путь раскола, решила отъединиться от вселенского православия, стала по духу и юрисдикции «старообрядческой». РПЦ двинулась вспять от никоновских реформ XVII века, сблизивших русское православие с греческим, — а значит, и перестала быть «греко-кафолической», или «греко-российской», как она часто официально именовалась. 16 октября 2018 г. синод Русской православной церкви принял решение о полном прекращении евхаристического общения с Константинопольским патриархатом. Уже не только западный, католическо-протестантский, но и современный православный мир, и прежде всего, «братский украинский», лежат во зле и предались Антихристу. Русская церковь, в XI веке отколовшись вместе с византийской от западного христианства, тысячу лет спустя, в XXI веке, уже на наших глазах отъединилась даже от западных братьев-православных и пошла по пути дальнейшего раскола, т. е. своего рода самосожжения веры.

С другой стороны последовали столь же суровые меры. Еще в 1872 г. Православный собор в Константинополе осудил ересь этнофилетизма как форму церковного расизма, или трайбализма — принесение общецерковных интересов в жертву национально-политическим, племенным. Уже тогда было очевидно, что русское православие одержимо идеей подчинения

Русский антимир

религии интересам государства. Полтора века спустя, в 2022 г., уже в разгар войны России с Украиной, Вселенский Патриарх Варфоломей в своей программной речи на международной конференции «За разумно открытый мир» подчеркнул всемирную опасность этой ереси и раскольнической политики РПЦ. После падения коммунизма

вера вновь была использована в идеологических целях. Русская православная церковь встала на сторону режима президента Владимира Путина, особенно после избрания Его Блаженства Патриарха Кирилла в 2009 году. Она активно участвует в продвижении идеологии Русского мира... Эта идеология является инструментом легитимации российского экспансионизма и основой его евразийской стратегии. Связь с прошлым этнофилетизма и настоящим русского мира очевидна. Таким образом, вера становится основой идеологии путинского режима.⁷³

Так Вселенский Патриарх обозначил раскольническую природу современного русского церковного православия как великодержавной, политически мотивированной националистической секты. Теперь к этатизму русского православия добавился еще и милитаризм, не только политический, но и апокалиптический, поскольку церковь поддерживает стремление государство готовить граждан не только к смерти за родину, но и, в случае военного поражения, к смерти всего мира.

Таким образом, формируется новая государственная религия, религия войны и «светопреставления», в которой соединяются такие, казалось бы, трудно сочетаемые ингредиенты, как фашизм, православие, старообрядчество, евразийство, русский национализм, апокалиптическое сектантство, государственночество, империализм, миллениаризм.⁷⁴ Эта милитаристская

⁷³ Речь патриарха Варфоломея в Абу-Даби 11 декабря 2022 г. сравнивают с речью У. Черчилля в Фултоне, как призыв к западным политикам противостоять не только «путинской России», но и Русской православной церкви как основе русского мира. <https://fosfanariou.gr/index.php/2022/12/11/omilia-ecum-patr-se-abu-dhabi-english-and-greek/>

⁷⁴ На родство между российским православием и фашизмом указывал еще до войны известный актер, режиссер и бывший православный священник Иван Охлобыстин: «Ближе всего мне Юлиус Эвола [один из главных идеологов итальянского фашизма]. Да, я тяготею к фашизму. Я православный, так что это в принципе нормально». Беседа со священником Дмитрием Роциным, 2020 г. <https://www.youtube.com/watch?v=nSHNUZZdXVc&t=1870s> (мин. 31). См. также Екатерина Барабаш. Русский бес. //Республика. 11.1.2023. https://republic.ru/posts/106795?utm_source=republic.ru

Двери ада

апокалиптика практически лишена связей с трансцендентным. Если это религия, то она ничего не знает и не хочет знать о Боге-творце, о мире как любимом творении божием; если это христианство, то оно молчит о Христе, о любви, милосердии, прощении, о тайне человеческой личности, о жизни и воскресении. Эта, по сути, антихристианская апокалиптика обращена к теме смерти и конца, пронизана ненавистью к личности, достоинству и свободе человека, презирает науку и технологию; она видит свой идеал в платоновских антиутопиях «Чевенгура» и «Котлована», в предельном истощении и оголении всего материального субстрата жизни и в упразднении жизни как таковой.

Эта апокалиптика близка хтонизму, с его представлением о власти земли над человеком, о континентальной почвенной массе, пожирающей индивидов и превращающей их в слабые, бездушные, безвольные отростки национального тела. Отсюда и близость этой апокалиптики фашизму. Умберто Эко, как известно, выделял четырнадцать признаков фашизма, но их можно свести к объединяющей формуле. Фашизм — это коллективная попытка излечиться от травмы рождения опытом символической смерти, т. е. отказа от сознания, языка, индивидуальности, от всех тревог отдельного, проблемно-испытующего бытия. Это инстинкт освобождения от себя и экстатического умирания в соборном теле земли, народа, толпы.

Самое характерное в этой новейшей российской апокалиптике то, что в отличие от всех предыдущих таких движений она технически вооружена. Для воплощения своих чаяний конца она владеет ядерным оружием, веществом смерти и ада, которое действительно, может положить конец всей жизни на Земле. Это овеществление планетарной гибели придает апокалиптике ту силу и «аргумент», которых были лишены предыдущие гностические секты, включая старообрядчество. Они мечтали об очистительном огне, который сожжет мир, погрязший в грехах, но были бессильны принести его на Землю. Теперь такая сила есть, и есть огромная страна, которую эти некро-сектанты хотят превратить в апокалиптический авангард человечества, чтобы она осуществила миссию его самосожжения.

Время Антихриста

Какую роль в построении антимира играет церковь, которая в постсоветские годы вышла из подполья? У Достоевского в главе о Великом Инквизиторе из «Братьев Карамазовых» есть пророчество, до понимания которого мы только сейчас достигаем. И можем соотнести с новейшей

Русский антимир

реальностью, с той государственной ролью, которую берет на себя церковь, — а государство охотно ее в этом поощряет, превращает в свою опору.

По логике Инквизитора выделяются три стадии в истории христианства. Сначала оно распространяется и завоевывает народы. Потом против него начинается великий бунт во имя науки, материализма и атеизма, во имя сытости и власти. Великий Инквизитор обращается к безмолвному Христу:

Знаешь ли Ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя...

Эту вторую стадию мы уже прошли в XX-м веке: разрушение христианской церкви и стремление воздвигнуть на ее месте новую вавилонскую башню, штурмовать небо с земли: коммунизм, материализм, атеизм. Вспомним хотя бы проект грандиозного Дворца Советов высотой почти в полкилометра, который должен был вознестись в Москве на месте взорванного в 1931 г. Храма Христа Спасителя. Эта вавилонская башня, как известно, не была построена, утопия разваливалась по мере своего проектного воплощения. На ее месте остался огромный котлован, заполненный водою, — бассейн «Москва».

А дальше начинается самое интересное, свидетелями чего нам приходится быть уже в XXI в. Та самая церковь, гонимая, почти уничтоженная, возрождается — и уже притязает на построение своего земного царства, на полноту мирской власти:

...К нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: «Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое.

Значит, именно церковь, возглавляемая Великим Инквизитором, достроит ту башню, которую не сумели возвести атеисты и коммунисты. По Достоевскому, открытое низвержение Бога — это лишь пролог к гораздо

Двери ада

более утонченному искусству Его подмены, когда Вавилонская башня будет строиться на фундаменте самой церкви, ее вождями и предстоятелями. Тот же Храм Христа Спасителя в 1990-е гг. был отстроен заново на месте прежнего, как его точная копия и как главный храм постсоветской России, где церковь вновь встречается с государством и начинает ему служить. Атеизм — это бунт против религии, а теократия — это государство-церковь, земная власть «от имени и по поручению» Бога, когда на смену откровенному богоборчеству приходит лживое благочестие и богопочитание. То самое фарисейство, с которым враждовал Христос, теперь возрастает на почве самого церковно-государственного христианства.

Если в более ранних сочинениях Достоевского, «Записках из подполья» (1864) и «Бесах» (1871), «хрустальный дворец будущего» выступает как мечта убежденных атеистов и революционеров, типа Н. Чернышевского, то в «Братьях Карамазовых» Достоевский глубже проникает в тайну грядущего Антихриста: он придет из христианской среды, из логики развития христианской церкви и христианского государства и будет пасти народ от имени Христа. Поразительно, что в самой легенде о Великом Инквизиторе это теократическое завершение истории отнесено к периоду, следующему за крахом социалистических идей. Теократия, точнее, ее подобие придет на смену атеизму. Сначала победят революционеры-безбожники, но они не сумеют накормить народ, — вот тогда-то и настанет царство Великого Инквизитора. Вавилонская башня достроится до конца, когда гонимые христиане выйдут из своих катакомб и получают от народа полную власть строить царство Божие на земле.

Ведь и в самом деле, народ, измученный революционным неистовством, пришел к тем священникам, пастырям, которые семь десятилетий были гонимы, вызвал их из катакомб и из дальних стран рассеяния, и воззвал: накормите нас, примем и духовную пищу от вас, если дадите нам пищу земную. Вот с этого момента, когда начнут насыщаться, обогащаться, строить не только храмы, но и хоромы во имя Христа, — и начнется, по Достоевскому, настоящее царство Антихриста, а безбожное государство социалистов было к нему только преддверием. Атеизм строит царство насилия, откровенное в своей ненависти к Богу, но это еще не царство лжи и подмены, которое будет воздвигнуто именно как церковь, пасущая народы святым именем Божиим — «во имя Твое, и солжем, что во имя Твое».

Если Сатана был первым бунтарем против Бога, то Антихрист выступит как Его лжеподобие. Новая стратегия Богопротивника, отнесенная на конец времен, — не восстание, а уподобление Богу. «...Человек беззакония, осужденный на погибель... Он даже займет место в храме Божьем и будет выдавать себя за Бога (2 Фессал., 2:4)». Властолюбие, корыстолюбие,

Русский антимир

стяжательство, инквизиторство — и все это под прикрытием самого елейного и келейного благочестия.

Тогда становится ясен и смысл атеистического беснования народов: не просто обман, а обман ради пущего обмана. «Вот где Сатана, — скажут люди, опомнившись от революционного буйства, — это он хулил имя Божье, а мы пойдем к тем, кто славит Его». И тем вернее, проклиная свое прежнее безбожие, они доверятся тому, кто говорит теперь от имени Бога.

Размышляя об «антихристовом» духе в наши дни, нельзя не выделить трогательное содружество новейшего священноначалия с оружием массового уничтожения. У ядерного оружия в России, в частности, у ракет Р-36М, «Сатана» в классификации НАТО, по благословию православной церкви появился небесный покровитель — великий русский святой Серафим Саровский. Это самые мощные из всех ядерных межконтинентальных баллистических ракет и, как грозно обещает российский ресурс, «на огромных территориях США и Западной Европы эти русские ракеты устроят ад».⁷⁵ Быть может, не случайно, а «промыслительно» «Сатана» производится тем Федеральным ядерным центром России, который был построен на месте Саровской пустыни, где подвизался святой Серафим. Главные соборы пустыни взорвали еще в начале 1950-х, зато сам святой с 2007 г. объявлен покровителем ядерного оружия и его воинства.⁷⁶ В связи с чем Федеральный ядерный центр в Сарове (засекреченном ранее под названиями «Арзамас-16» и «Кремлев») закупил большую партию икон с ликом святого.⁷⁷ Этот центр располагает штатом в десятки тысяч служащих и самым мощным в России суперкомпьютером, обслуживающим, в частности, и комплекс «Сатана». Так что глубинная взаимосвязь теологии и технологии ада подкрепляется совмещением святой обители с ядерным центром.

Еще в 1891 г. Константин Леонтьев предрек, что Россия «лет через сто» родит Антихриста.⁷⁸ Достаточно взглянуть на освященный в 2020 г. Главный

⁷⁵ См.: <https://fishki.net/1319407-satana---samaja-mownaja-jadernaja-mezhkontinentalnaja-ballisticheskaja-raketa.html>

⁷⁶ См.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/290617.html>

⁷⁷ «Иконы для ВИПов: стало известно, зачем ядерному центру в Сарове образа со стразами» <https://www.nn.ru/text/economics/2019/05/24/66101368/>

⁷⁸ «...Через какие-нибудь полвека, не более, русский народ из народа «богоносца» станет мало-помалу и сам того не замечая, «народом-богоборцем», и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей... и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом безцерковных или уже слабоцерковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит епископ Феофан

храм Вооруженных сил РФ под Москвой, чтобы почувствовать тревогу, — не храм ли это того, кто «займет место в храме Божьем»? Святилище выглядит устрашающе и внутри, и снаружи, в его окраске золотое еле пробивается сквозь сумрачно-зеленое, цвета то ли тины, то ли хаки. Высокие заостренные купола на башнях напоминают баллистические ракеты. В храме четыре придела, и каждый посвящен какому-то святому и одновременно какому-то виду оружия. Так, Святая Варвара Великомученица назначена покровительницей Ракетных войск стратегического назначения. Почему именно великомученица? — не потому ли, что стратегические ядерные силы причиняют наибольшие мучения своим жертвам?⁷⁹

Среди главных реликвий музея при Храме вооруженных сил, как ни странно, — костюм и фуражка Гитлера.⁸⁰ Шизофреническая черта: память фюрера почитается в храме Победы над фашизмом...

Однако «зверь из бездны», который теперь готов наброситься на весь мир, посильнее Гитлера, — у него в руках ядерная бомба. И даже если он проиграет войну, то может покончить не с собой, а с жизнью на земле, — выстрелом не в себя, а в планету. При этом он, казалось бы, человек вполне церковный: исправно стоит по большим праздникам на службах; благочестиво осеняет себя крестом, лобызается с патриархом, посещает святые места на Афоне и на Валааме, выступает как покровитель всех «священных традиций»... И однако полное одиночество Путина в Благовещенском соборе Кремля на рождественской службе 2023 г., в полном противоречии с традицией соборного празднования, уже побуждает православные круги напрямую говорить о явлении Антихриста.⁸¹

вместе с другими духовными писателями». Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина. 1891. // К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 678-685. <https://rusidea.org/300030>

⁷⁹ Есть и более прозаическое объяснение: 17 декабря 1959 г. были образованы ракетные войска стратегического назначения, а по православному календарю это день памяти св. Варвары. Но знаменательно само пересечение двух календарей как знак церковно-государственной унии. Теперь в любой российской ракетной дивизии на командном пункте висит икона великомученицы.

⁸⁰ Заместитель министра обороны РФ Тимур Иванов с гордостью поведал: «там находятся настоящие реликвии. Там есть уникальные вещи, вплоть до костюма Гитлера, который сохранился до сих пор, там есть фуражка Гитлера». К этому можно добавить, что ступени, ведущие в храм, отлиты из трофейного оружия вермахта.

⁸¹ По замечанию историка, религиоведа и публициста Андрея Зубова, Путин «присутствует при христианском таинстве, совершающемся незаконно в пустом храме... Это полное глумление над христианской святыней, над принципом соборности. <...> По внешности вроде бы христианство, а по сути это антихристиан-

Русский антимир

В своем предсказании о построении новой вавилонской башни на основании христианского храма Достоевский перекликается с Посланием ап. Павла и находит тревожный отзвук в церковной реальности наших дней. Антихрист приходит после эпохи безбожия и не разрушает храмы, а занимает свое место в них.

Сатана правит миром. К теологии террора

Далее мы рассмотрим новейшую апокалиптику на основе творчества писателя и историка Владимира Шарова (1952–2018), который глубоко раскрыл религиозно-политический потенциал этого движения, проходящего и через дореволюционную, и через советскую, и, как теперь выясняется, постсоветскую историю. Все произведения Шарова посвящены религиозному смыслу русской истории, которая все время устремлена к эсхатологическому пределу, к концу истории как таковой. В этой проекции романы Шарова выступают как мрачные предсказания того пути, на который Россия свернула в XXI веке, и особенно в последнее десятилетие. Затем мы рассмотрим другие воплощения этого духа «сатаноидицеи» в умонастроениях современного православного фундаментализма («святобесие») и в евразийской идеологии А. Дугина, соединяющей фашизм и апокалиптику.

В 2018 г. в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в городе Кемерово произошёл пожар. Погибло 60 человек, в том числе 37 детей. Есть ли такая религия или идеология, которая могла бы оправдать и прославить эту смерть детей? Трудно представить такую степень извращения, если не считать эпатажной строки В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети». Однако такая идеология и даже теология существует, ее выразил Валерий Павлович Филимонов, главный редактор вестника «На страже Православия», академик Православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств; эксперт Комиссии по взаимодействию церкви, государства и общества Межсоборного присутствия Русской православной церкви:

ство... То, что мы увидели в ночь с 6 на 7 января, – это на самом деле страшнейшее и, я бы сказал, мистическое свидетельство.....Многие суеверные русские люди очень скоро будут говорить, что Путин — это и есть русский Антихрист». «Рождество на фоне катастрофы», Радио Свобода, 9 января 2023 <https://www.svoboda.org/a/rozhdество-na-fone-katastrofy/32215397.html>

Двери ада

Можем ли мы сказать, какой была бы земная участь детей, погибших в ТРК «Зимняя вишня»? Особенно в наше смутное время при всеобщем развращении многих и многих. Убереглись бы они от греха? Сохранили бы себя в чистоте для нетленной жизни будущего века или встали бы на путь гибели? Может, это было для них самым удобным временем для перехода к вечному блаженству?⁸²

Вряд ли даже самые жестокие тираны и убийцы, вроде Сталина или Гитлера, до такого додумались бы; они, по крайней мере, не путали массовых убийств со служением Всевышнему. А ведь В. П. Филимонов, как высокопоставленный церковный деятель, несомненно, с должной регулярностью участвовал в литургиях, молился, исповедовался и причащался. Как и те церковные деятели, архиепископы и священники, которые благословляют ядерное оружие неизбирательного действия и массового поражения: машут на него кадилами и окропляют святой водой, — а значит, благословляют убийство мирных жителей, включая детей.

Вообще идея убивать детей ради их духовного спасения имеет большой потенциал. Не для того ли власти готовят и ядерную войну — чтобы разом избавить человечество от грехов и обеспечить всем вечное блаженство? Про них говорят: бандиты, ОПГ, — а они в собственных глазах и благословляющих их иерархов благочестивые люди, можно сказать, спасители рода человеческого, предстоятели перед Всевышним. Станет ли РПЦ их удерживать от столь богоугодного действия? Страшнее смычки «церковности» с людоедством ничего нет.

Эту теологию жизнеотрицания исследовал Владимир Шаров, автор девяти историко-фантастических романов, утвердивший новый жанр в русской литературе: смесь политики и сектантства, безумия и прагматики, утопии и апокалипсиса. Его последний роман «Царство Агамемнона» был завершен в том же 2018 году, когда возник казус с православным оправданием смерти детей в «Зимней вишне».

Все шаровские романы ставят читателя перед немислимо сложным вопросом: какова главная идея иудаизма и христианства? Обычно дается ясный ответ: спасение. Спасение от смерти, от греха, от рабства, от ада: получить прощение у Бога и войти в его царство. Отсюда и напряженное ожидание Спасителя, Мессии. В христианстве самый прямой путь спасения —

⁸² <https://inforesist.org/valeriy-filimonov-o-pogibshih-v-kemerovo-detyah-pogibli-vovremya-uberegglis-ot-greha/>

Русский антимир

принять наибольшее страдание безо всякой вины, т. е. повторить мистерию Христа, отдать себя, как безгрешного агнца, на заклание.

А дальше в логике шаровских героев, действующих как будто по внушению Священного Писания, совершается удивительный теологический выверт. Тот, кто мучает и убивает невинных людей, оказывает им наивысшее благо, поскольку сразу отправляет их в рай. Самые грозные властители и мучители, вроде Ивана Грозного и Сталина, — наибольшие благодетели человечества, поскольку одаряют тысячи своих жертв исходом в блаженную жизнь. Конечно, все люди в той или иной степени грешны, но ведь убивают их за то, что грехом не является: за классовое происхождение, чтение философов-идеалистов, за несовершенные преступления, вроде сотрудничества со шведско-японской разведкой или прорытия тоннеля в Индию. Или просто ради статистики. Тем самым все грехи, совершенные ими в жизни, с них снимаются, и, как невинные мученики, они напрямую отправляются в рай.

Словами одного из персонажей «Царства Агамемнона» — богослова и историка Сметонина из его работы «Опричное право» — автор поясняет эту странную теологию искупления:

Грозный объясняет Курбскому, что жизнь есть юдоль страданий, оттого те, кто им, помазанником Божиим, царем Святой земли, убит без вины, то есть те, чьей кровью его непрерывно попрекают, не только что не внакладе — в немалом барыше. Как невинно убиенные, они, претерпев страдания здесь, на земле, после кончины немедля будут взяты к престолу Господню, на веки вечные избегнут куда более страшных мук Божьего суда.⁸⁵

А вот прозрение писателя и зека, монаха и теолога Николая Жестовского, главного героя «Царства Агамемнона» и, собственно, автора этого романа внутри романа:

...Вот он, Сталин, соорудил огромный алтарь и, очищая нас, приносит жертву за жертвой, необходимы гекатомбы очистительных жертв, чтобы искупить наши грехи. ...Он делает всё, чтобы нас спасти. Невинные, которые гибнут, станут нашими заступниками и молитвенниками перед Господом, оттого и нам необходимо, пока мир не отстал от антихриста, помочь им спастись от греха, то есть места на земле им так и так нет.

⁸⁵ Шаров В. Царство Агамемнона. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018, С. 227. Все остальные ссылки на это издание даются в тексте с пометкой ЦА.

Двери ада

Главное же — они, приняв страдания здесь, будут избавлены от мук Страшного суда (ЦА, 155).

Получается, что Сталин в своем роде спаситель.

Этот теологический выверт — не фантазия, он отражает не только отчаянные поиски апокалиптических смыслов у интеллигенции сталинских лет, но и умонастроения в современной православной среде. Ольга Дунаевская, жена В. Шарова, вспоминает, что толчком к последнему роману стали слова хорошего знакомого семьи, священника. Когда речь зашла о сталинских репрессиях, он сказал: «Да, все страшно, но зато теперь у Русской земли много молитвенников перед Господом. Столько святых-страстотерпцев, сколько дало сталинское время, Россия еще не знала». ⁸⁴ По этой скорбно-просветленной логике, «небеса жаждут» пролития крови невинных, чтобы они оттуда могли молиться о тех, кому выпало остаться на земле. «Необходимы тысячи тысяч новых святых и великомучеников. Государство, которое заставляет нас давать показания на будущих невинно убиенных, и мы, которые их даем, сообща творим эту искупительную жертву. Несомненно, — закончил он тогда, — Высшей силе она угодна». (ЦА, 258–259)

Конечно, по логике шаровских героев, Иван Грозный и Иосиф Стаальной — адские отродья, через них сатана правит свой бал на земле. Но недаром и самому сатане Бог позволяет овладеть землей перед своим вторым и окончательным пришествием, чтобы спасти как можно больше душ и забрать их в царствие небесное. Такое вот полюбовное сотрудничество Творца с Ненавистником. Сатана, быть может, и не ведает, что творит, просто давая исход своей злобе и жажде власти, но, рядом с ним и чуть ли не благословляя его, идет Христос, попуская свершиться наибольшему злу как наибольшему добру.

Своими собственными руками убивая праведников, плодя и плодя новых мучеников, мы не просто готовим конец сатане, мы сами себя спасаем. Это несомненно. <...> Народ, будто он есть чаша, капля за каплей собирает их святость, и уже скоро, совсем скоро, ничего не расплескав, до краев себя наполнит. (ЦА, 265)

⁸⁴ Ольга Дунаевская. Когда часы остановились. В кн. Владимир Шаров: По ту сторону истории. Ред. Марк Липовецкий, Анастасия де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020, С. 32.

Русский антимир

Таково круговращение у Шарова: взаимоспасение убийц и убиенных. Истребляя невинных, я спасаю их для жизни вечной, а значит, и сам спасаюсь. Где ад, там и рай. Где падение, там и вознесение. Не нужно изобретать никаких особых средств для стяжания рая — они даны в орудиях пыток, в истязательном мастерстве, в подвигах палачей. Все слагаемые русской истории, от крайнего атеизма до крайнего фанатизма, от большевиков, строящих земной рай (но превращающих его в ад), до сектантов, проклиняющих все земное и жаждущих мученичества, сходятся в этой новонайденной формуле спасения: безвинное страдание вплоть до смерти — средство стяжания высшей жизни. Религиозный смысл русской истории: вечный двигатель взаимоспасения убийц и убиенных, грешников и святых, живых и мертвых, двигатель, который работает сам от себя.

У этой теологии террора намечается сходство с исламом, с политикой джихада и шахидства. Одновременное уничтожение и себя, и врагов Аллаха тоже прямиком ведет в рай, где шахида ожидают девственные гурии. Но при этом очевидна и громадная разница. Ислам поощряет убийство неверных — но не ради их спасения: их ждет прямая дорога в ад. В теологии российского террора все обстоит иначе. Нужно убивать своих же, православных — и вместе с ними, по-братски обнявшись, подниматься на небо. Если в исламе — однонаправленное действие меча, то здесь — именно вращение жерновов: убивая тебя, я тебя спасаю, а значит, хоть я и убийца, сам буду спасен.

Эта чудотворение возможно только на христианской почве, но при полном попрании ее. Это поворот еще более радикальный, чем от Ветхого Завета к Новому. Это уже не ненависть в ответ на ненависть и не любовь в ответ на ненависть, а ненависть как высшее проявление любви. Врагов нужно любить и благословлять, а значит, творить милость, уничтожая их. Убийца в объятиях убиенного вместе возносятся к блаженной жизни. Жестокость — это и есть милосердие. Разве большевики хотели погубить мир? Нет, спасти его от его собственных грехов. «Мировой пожар в крови — Господи благослови». Такова эсхатология Блока в «Двенадцати», а также А. Белого в его поэме «Христос воскрес». Это логика не прямой линии, раздела добра и зла, как в исламе, а «красного колеса», которое вращается так, чтобы возносить одновременно в братских объятиях и жертв и палачей.

У героев Шарова действует такая тео-логика: Россия — святая земля, третий Рим, или второй Иерусалим, что ознаменовалось строительством Нового Иерусалима под Москвой по замыслу и воле патриарха Никона. С другой стороны, его противники, раскольники, считают, что Антихрист уже пришел на землю и что российское государство и даже православная (никонианская) церковь уже во власти сатаны. Остается объединить эти две

Двери ада

теологемы, что и происходит в романах Шарова, в образах его раскольников-большевиков, священников-сексотов. Да, сатана уже правит на этой земле, но за ним по пятам идет Христос и душу каждой невинной жертвы немедленно отправляет в царство блаженных. Полярность Христа и Антихриста как бы стирается, точнее, это два смысла одних и тех же деяний.

Здесь достигает предельной плотности и конденсации бинарность русского культурного кода, о которой писали Ю. Лотман и Б. Успенский.⁸⁵ Плюс и минус, святое и кощунственное не просто переворачиваются во времени, как в периоды революций, но прямо отождествляются. «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». По логике шаровских истязателей-мучеников, сжигать — и значит поклоняться. Одно есть другое. Полюса уже не сменяются, а слипаются. Антихрист как бы не предшествует Христу, а выполняет волю Христа. Теодицея сливается с сатанодицеей.

* * *

Шаров ушел, когда русский мир стал стремительно сдвигаться к катастрофе по сценарию его романов: «больше ада!» По этой логике мир станет вполне «русским» не тогда, когда к нему отойдет еще несколько территорий ближнего зарубежья, а когда его (мира) вообще не станет. Развернется пустота или ядерное пепелище — и тогда все шаровские сектанты и страстотерпцы найдут свое место в конце истории, к которому они так упорно стремились. Владимир Шаров в большей степени, чем даже Андрей Платонов, — писатель апокалипсиса, который надвигается на планету от тех хорошо вооруженных «магов Великой традиции», которая видит в этом свое предназначение.

«...Мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут — потому что они даже раскаяться не успеют».⁸⁶ Эта знаменитая фраза В. Путина о возможной ядерной войне вызвала поначалу смех зала, а затем всеобщее

⁸⁵ Лотман Ю.М. и Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)// Труды по русской и славянской филологии. Том XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36

⁸⁶ «Новая газета», 18 октября 2018. См.: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/10/18/146054-putin-posle-inostrannogo-yadernogo-udara-my-kak-mucheniki-popadem-v-ray-a-oni-prosto-sdohnut-dazhe-ne-uspev-raskayatsya>

Русский антимир

недоумение даже у его единомышленников. Что это — зловещая шутка, жестокое предупреждение, жест жертвенности или мстительности?

Легче всего понять смысл этой фразы тому, кто знаком с творчеством В. Шарова. Его герои — искатели конца света, мученики и гедонисты грядущего апокалипсиса, которые, в расколе со всем миром, сделали смерть человечества своим ремеслом.

Шаров наилучшим образом способен объяснить читателям во всем мире то, чего объяснить нельзя, — эту упрямую, абсурдную, но теологически оправданную волю «отдельной страны» к гибели всего. Ради этого, начиная с Петра I, осваивалась техника, наука, вся цивилизация, побочными — и по сути нежеланными — продуктами которой оказывалась великая литература и музыка; потому что магистралью должно было стать возрастание энергии «антивещества», «антицивилизации», способной уничтожить мир. Ошибались те раскольники, которые почитали Петра врагом Святой Руси: обратившись за плодами цивилизации на Запад, он искал способа сделать Россию сильнее Запада.

Шаров позволяет проследить религиозные корни этой воли к апокалипсису, что вызывает особую тревогу сегодня, когда сатанодицея обретает достойное себя техническое воплощение. Как выше говорилось, ракеты класса Р-36М Сатана являются самыми мощными из всех ядерных межконтинентальных баллистических ракет, каждая из них может уничтожить тысячу Хиросим. Книги Шарова, прослеживающие истоки отечественной сатанодицеи, могут служить иронико-гротескным комментарием к «Сатане»: вот это наш подарок вам, а из текстов вы узнаете — за что мы вас так сильно любим и почему желаем скорейшего конца.

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!..
Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Это «скифское» послание любви, обращенное А. Блоком к миру в 1918 году («Скифы»), В. Шаров дописал ровно сто лет спустя в своем «Царстве Агамемнона» (2018): «Антихрист — вот он уже... и, значит, сама Земля обетованная, наша земля со всем, что в ней было и есть, отдавшись сатане,

Двери ада

сделалась нечистым царством» (ЦА, 41). Из любви к братьям нашим, ко всему человечеству мы обязаны спасти его от него самого.

Можно посоветовать всем, и прежде всего политикам, прочитать книги Владимира Шарова, чтобы убедиться: с этой силой нельзя договориться, пойти на разумный компромисс, она коренится в природе Ига, Третьего Рима, в самой природе Раскола, который во имя спасения жжет и губит.

Святобесие

«Святые оседлают тебя...»

В 2012 г. участницы художественной группы Pussy Riot были приговорены к двум годам заключения после проведенного в Храме Христа Спасителя «панк-молебна» Богородице — за «оскорбление чувств верующих». Тогда ясно обозначилась склонность верующих, точнее, говорящих от их имени иерархов, «оскорбляться» — и вступление России в эпоху *святобесия*, т. е. поистине бесовского одержания «святым».

Лучше всего определил это поветрие Борис Гребенщиков в песне «Пришел пить воду» (2014):

Будешь в Москве, остерегайся говорить о святом.
Будешь в Москве, остерегайся говорить о святом.
Не то кроткие как голуби поймают тебя,
Святые оседлают тебя,
Служители любви вобьют тебя в землю крестом.

Святобесие (*sacromania*) — одержимость своей святостью или святостью своих принципов и убеждений. Так В. Тредиаковский еще в XVIII в. предлагал перевести французское слово «фанатизм». Тогда «святобесие» не привилось, но сейчас у него появляется новый шанс. Слишком много вокруг святобесов — людей, знающих твердо, в чем спасение всех и вся, готовых пасти народы — и испытывать чувство мстительной обиды за все, что нарушает их представление о мире.

При этом очевидно, что святобесие и фанатизм — разные вещи. Фанатик истово верит в Бога и готов на жертвы и смерть. А святобесие — это выплеск ненависти и гордыни под видом защиты святынь. Это агрессия против инакомыслящих или инакочувствующих на религиозных

Русский антимир

основаниях. Самый убедительный способ разрядки агрессии — это когда человек впадает в ярость и бешенство не за себя, не за свои маленькие боли и обиды, а за что-то абсолютно великое и святое. Тогда можно пороть, жечь, казнить — и разрешить это себе по совести. Святобесие ищет повсюду ереси и еретиков, использует любые поводы для демонстрации «оскорбленных религиозных чувств» и разжигает в обществе дух злобы и нетерпимости. Если фанатик готов принести себя в жертву во имя своих убеждений, то «святобес» приносит в жертву только других. Это смесь фанатизма с фарисейством, нарциссизмом и садизмом.

Про таких святобесов кто-то сказал: «они верят в Бога по системе Станиславского». Т. е. не просто напоказ, а вживаясь, переживая. Сам Станиславский описал свою систему так: «Ее магическое «если бы», предлагаемые обстоятельства, вымыслы, манки делают чужое своим. «Система» умеет заставлять верить несуществующему».⁸⁷ Вот так и святобесие — верит несуществующему, точнее, заставляет себя верить, накручивает до истерики, заводит себя, как актер на сцене.

Братский народ и каинов грех

Святобесие — это еще и желание больше, чем другие, угодить Богу, вера в то, что моя вера истиннее других, что я лучше Ему служу и за это заслуживаю награду от Него.

Это не просто гордыня, а гордыня веры, ее надмевание над чужой верой; в Библии — самое страшное зло после грехопадения Адама и Евы. Как взаимосвязаны грех первородный, адамов, и «первоубийственный», каинов? Срывание запретного плода познания добра и зла приводит затем к насилию во имя добра, а следовательно, ко злу. Вера, которая гордится своим превосходством над другими верами и ревнует к ним Бога, — вот каинов грех.

Одним из главных мотивов войны России против Украины объявляется «братство» двух народов. «Украина для нас — братская страна. И в сложной ситуации мы всегда готовы поддержать братский народ. <...> И если мы действительно говорим, что это братский народ и братская страна, то мы должны поступить как близкие родственники и поддержать украинский народ в этой сложной ситуации», — заявил российский президент всего за

⁸⁷ Станиславский К.С. Работа актера над собой.
<https://alterozoom.com/ru/documents/28156.html>

Двери ада

два месяца до захвата Крыма.⁸⁸ И даже в 2022 г., уже убивая десятки тысяч мирных украинских граждан, лишая их тепла и света, разрушая дома, школы, больницы, российская власть упорно продолжает называть их «братским народом».

Какого рода это братство? Обычно под «каиновым грехом» понимается братоубийство. Случайно ли, что первый убийца поднял руку именно на брата? Это напоминание о том, что, убивая кого бы то ни было, мы убиваем своего брата, поскольку все мы дети единого отца. Но история Каина напоминает нам и о том, что первое убийство было совершено из религиозных побуждений. «...И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. /.../ И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. (Бытие, 4:3-5, 8). Именно религиозное рвение и ревность оборачиваются самым страшным грехом. Это преступление не из жадности, не в борьбе за имущество, власть или женщину, т. е. по самым простым и «низким» мотивам. Каина мучит неутоленная духовная жажда, он ищет благословения свыше. Он возревновал брата к Отцу Небесному. Именно искушение святостью, *святобесие* — источник каинова греха.

Каин — прародитель многих персонажей и в Библии, и за ее пределом.... Сходная коллизия воспроизводится в пушкинском «Моцарте и Сальери». Почему сальерианские жертвы труду и призванию не востребованы Богом, алтарь не курится, огонь не нисходит на него? Остается возопить: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Это — каинов вопль. Сальери отравил Моцарта, «брата» своего по музе, по музыке, повинувшись той же логике: на его дар не призрел Господь. «О небо!/ Где ж правота, когда священный дар, /Когда бессмертный гений — не в награду/ Любви горящей, самоотверженья, Трудов, усердия, молений послан — /А озаряет голову безумца, /Гуляки праздного?..»

Адам и Ева соблазнились надеждой на всецелое знание: «вы будете, как боги, знающие добро и зло». Каинов грех происходит от адамова, как и сам Каин от Адама: если мы как боги, значит, приобретаем право и на чужую жизнь. Каин был первым, кто насилием решил «поправить» Бога. Отсюда и *теократия*, «боговластие» — взять на себя роль Бога, управлять от его имени, определять участь других. Каинизм — это начало теократии, которая берется вершить судьбы человечества, полагая, что Господь сам не справляется. Каин, как Иов, возмущен несправедливостью Бога; как Сальери, ревнует о дарах Божьих; и, наконец, как Великий Инквизитор,

⁸⁸ 19.12.2013. <https://www.interfax.ru/russia/347727>

Русский антимир

берет дело Бога в свои руки. Ты не принес нам счастья, ты не пожелал проявить всемогущества, мы сделаем это за тебя. Это говорится Христу, но еще раньше Каин в сердце своем говорит это Богу. Дьявол святее Бога, Инквизитор святее Христа. Ревнование о своей святости, *самосвятие*, *самоверие*, превознесение своей веры...

Церковь учит верующих смирению. Но не должна ли эта добродетель распространяться на саму церковь? Не должны ли церкви смиренно признавать свое несовершенство не только перед Богом, но и перед другими церквями? Не разбежится ли от них паства, если, например, одна церковь признает свое недостоинство перед другой, которая не услужала покорно мирским властям? Зачем тогда оставаться в церкви, которая сама признает свое несовершенство? Но в этом и была бы ее сила. «...Сила Моя совершается в немощи». К такой церкви, не только призывающей к смирению, но смиряющейся перед Богом и признающей свои грехи, пришли бы те, кто составляет соль земли. Такая церковь, которая каялась бы соборно, именно как церковь, а не только в отдельных своих прихожанах, вероятно, более отвечала бы духу христианства. Как заметил философ Г. С. Померанц, «духовная жизнь требует радостного признания превосходства в другом и никакого желания бороться за первенство». ⁸⁹ И тогда силой взаимного смирения могло бы начаться воссоединение церквей, разделенных религиозной гордыней и самопревознесением. «Кающаяся церковь», «раскаянная церковь», т. е. изгоняющая Каина из своего сердца, открыла бы для веры новые пути.

Где центр ада? Евразийские репетиции конца мира

Когда я узнал о зверствах российской армии в Буче, я испытал понятный ужас — но не удивление. Чему удивляться? Ведь я давно знаком с воззрениями Александра Дугина. Того самого, который в 2014 г., в связи с вторжением русской армии в Крым и на Донбасс, изрек, обращаясь к студентам: «Убивать, убивать и убивать. Больше разговоров никаких не должно быть. Как профессор, я так считаю». ⁹⁰

⁸⁹ Померанц Г. Что значит — делай что хочешь? (2013)
<https://omiliya.org/article/grigorii-pomerants-chto-znachit-delai-chto-khochesh.html>

⁹⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=DgHiqVy79Zs>

Двери ада

Дугин попал в поле моего зрения гораздо раньше, в начале 1990-х, когда я писал книгу о новейших течениях русской мысли.⁹¹ Среди десятков мыслителей позднесоветской эпохи Дугин был самым молодым — и самым кровожадным. Для осуществления своих метафизических замыслов ему требовалось залить кровью половину земного шара — западную. А если Запад не подчинится, то взорвать весь земной шар, поскольку небытие в конечном счете лучше бытия. Бытие разделяет людей, а небытие соединяет.

Особенность Дугин как мыслителя — откровенная ненависть ко всему не просто человеческому, но живому и бытийствующему. Причем в сочетании со своеобразной религиозностью. Его сочинения пестрят такими понятиями, как «Божественный субъект», «сыны света», «могучие духи», «милый ангел» и пр. Подобное сочетание «высокодуховности» и мироненавистничества восходит к древней гностической ереси (I век н. э.), осужденной христианством. Гностицизм проповедовал, что существующий мир лежит во зле и его надо полностью уничтожить, чтобы встать на путь высшей духовности, вступить в мир ангелов и т. п.

В западной прессе Дугина иногда называют «мозгом Путина», и он уже много лет преподает геополитику в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил. У него впечатляющий набор титулов: лидер Международного евразийского движения, почётный профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева и Тегеранского университета... По книгам Дугина «Основы евразийства» и «Основы геополитики» обучаются высшие чины Генерального штаба, которые переводят его лозунги в стратегемы.

Свое мировоззрение Дугин именует по-разному: «евразийство», «национал-большевизм», «интегральная традиция», «Великая Традиция», «правая революция», «четвертая политическая теория»... Нагляднейшее воплощение своих теорий он находит у Андрея Платонова, чьи антиутопии «Котлован» и «Чевенгур» он трактует как утопии, подлежащие исполнению. «Платонов и есть воплощение национал-большевизма во всех его измерениях».⁹²

Какое же откровение, по Дугину, несет Платонов? Надрывное чувство неизбежной, мучительной, тоскующей пустоты — это и есть послание революционной России миру: тайна самораскрывающегося ничто. Цитирую Дугина:

⁹¹ Вышла по-английски в двух томах: *The Phoenix of Philosophy* (Феникс философии, 2019) и *Ideas against Ideocracy* (Идеи против идеократии, 2022).

⁹² Дугин А. Магический большевизм Андрея Платонова (1999). <http://viperson.ru/articles/aleksandr-dugin-magicheskii-bolshevizm-andreya-platonova>
Дальнейшие цитаты из статьи — по этой публикации.

Русский антимир

Тоска — это донное содержание Революции, давящий изнутри, невыносимый груз. <...> Пустота в теле, пустота в сознании, пустота в сердце... ..Если человек произошел от червя, от кишки, наполненной лишь липким мраком, то не таким ли должно быть и его духовное средостение? Именно: душа, открывающая свой подлинный аромат наличия ближе всего к пустым внутренностям полой земляной тягучей и бессмысленной трубки.

Для Дугина сама душа есть ничто, полая трубка, а растление вещества, измождение плоти, ад на земле, равенство бытия и небытия — главная национальная идея. Как ни удивительно, это и есть последнее откровение евразийской правды, явленной Дугину. Высшая цель — превращение бытия в небытие. «Реальное столкновение с душой подобно откашливанию могильной глины, удушью, нестерпимым запахам разлагающихся трав, слиянию с пустым сознанием червя».

Отсюда приходим к сексуально-психологическим мотивам массовых зверств и насилия, учиненных в Буче. Психоанализ, как известно, выделяет два основных человеческих влечения: Эрос — влечение к жизни и ее порождению, и Танатос — олицетворение смерти в греческой мифологии, стремление к восстановлению первичного (неживого, неорганического) состояния. У Фрейда Эрос противостоит Танатосу. У Дугина, озабоченного русской национальной спецификой этих категорий, Танатос — это и есть Эрос: «рассейское» рассеяние Эроса в мировой пустоте. И здесь уже вполне узнаваемы следы того кровавого сладострастия, которые оставила после себя российская армия в Украине. Дугин — пророк Бучи:

Особость великорусского пола в том, что не направлен ни на себя, ни на другого, в нем нет ни либидо, ни нарциссизма. Русский пол взбудоражено бестелесен, это огнедышащее возбуждение покойников или духов камышей, вод, горящих скирд и овинов. Русский пол веет насквозь, подхватывая по сбивчивому пути все подряд — портки, мужиков, товарищей, тараканов, раздутый, готовый лопнуть лежалый труп, попавшихся под руку отстиранных дев, отстреленные конечности, ослонелых лошадей, свитый бурьян, серые обнажившие свои трещины почвы, косые или набелено уютные постройки, бледную и мертвую Розу Люксембург... и бессовестную сердечную пустоту, утягивающую в плесневый колодец сердца огромное, расстроенное в его корневых узлах, краденное бытие.

Какое *красноречие* — в прямом и зловещем смысле этого слова! Ибо, по словам, Дугина, «субъектом человеческого объекта делает только Красная Смерть». В этом и состоит глобальная миссия национал-большевизма, или

Двери ада

евразийства. Не просто натравить одни классы на другие, как произошло в советской истории на основе марксистских учений, — это, по Дугину, необходимо, но этого недостаточно. А нужно действовать шире, по-народному, по-платоновски, т. е. вместе с враждебными классами и их поддельной культурой уничтожить все, что живет и дышит отдельно от небытия, ибо только через небытие можно обрести высшее единство со всем. Все остальное — преграда. Именно таким Дугин видит Платонова и чувствует как наставника:

Для нас Платонов — доктрина. Мы берем ее на себя и интеллектуально оправдываем все вплоть до *прямого геноцида отчуждающих классов и рациональных структур*. Мы принимаем как догму чевенгурское безумие... <...> Мертвые сгрудились над нами, от них тесно и душно. История давит себя последней гадкой петлей.

Таков метафизический вывод евразийства — самоубийство, самоповешение истории на «горле» России. Дугин в радикализме своего жизнеотрицания идет дальше Великого Инквизитора, который не верит в будущую жизнь, в небесное царство, но хочет создать рай всеобщей сытости на земле. Дугин идет дальше самого Андрея Платонова, который верит в построение коммунистического рая на земле и с тоской наблюдает его постепенное превращение в ад, сострадавая его жертвам. Дугин идет дальше героев Владимира Шарова, которые готовы принять ад на земле, возрадоваться ему и даже способствовать сатане в его создании, ради того, чтобы прорваться в загробный рай, чтобы страданиями достичь спасения. Дугин же просто утверждает ад на земле, следуя своему учителю Евгению Головину, который в 1980-е годы возглавлял южинский кружок эзотериков-нацистов-сатанистов под названием «чёрный орден СС», где именовался «рейсхфюрером». «Там, где мы, — там центр ада». Не «Мы в центре ада» (это было бы ещё ничего), а «Там, где мы, — там центр ада», — комментирует Дугин Головина.⁹³

Это и есть последнее слово апокалиптической революции: распространить ад — подыхающий Чевенгур — на весь земной шар. Эту миссию и осуществляет сегодня страна в своей метафизической борьбе не только с Украиной или с Западом, но, пользуясь языком самого Дугина, с бытием как таковым, с проклятой привычкой существовать.

⁹³ <https://rossaprimavera.ru/article/ne-hochet-li-dugin-organizovat-apokalipsis?fbclid>

Русский антимир

Зреет... прелюдия Нового Чевенгура, Последнего Чевенгура. Слышен в абсолютной тишине, не предвещающей ничего, кроме полночи и океана Крови, таинственный поцелуй большевистской зари. Мы снова отберем у вас все. Не чтобы иметь, чтобы быть, чтобы ничего не оставить как есть, чтобы упразднить все отдельное и привести к тотальности Победы все общее, единое, Целое...

Какая изощренная некро-эсхатология, воистину готовая обнять весь мир по мере его превращения в ничто! И это не просто метафизика, это призыв к действию — и понятно, какой метод уничтожения всего живого имеет в виду Дугин, провозглашая назревший конец мира. Зачем предотвращать апокалипсис? — наоборот, необходимо его ускорить, предав мир огню:

...Надо думать не о том, наступит или не наступит конец мира, нам надо думать, как его осуществить. Это наша задача. Сам по себе он не наступит... Мы сами должны принять это решение. Мы, более того, должны найти способ, как закрыть эту историю... Нет даже диссертаций, защищенных корректно, о том, почему человечеству надо выживать.⁹⁴

Какой высоконаучный подход! Однако ценность жизни доказывается не диссертациями, а опытом любого живого существа. Согласен ли сам Дугин легко расстаться с жизнью в соответствии со своими теоретическими выкладками? Готов ли доказать эту любимую мысль, предав очистительно-му сожжению своих детей?⁹⁵ Если требуешь конца мира, начни с самого себя и с близких! Иначе все эта «четвертая политическая теория» служит лишь «четвертованию» человечества ради утоления метафизического вкуса к людоедству.

⁹⁴ https://vk.com/video-45113453_456239127?list=4c200be84be467396e

⁹⁵ Это было написано в апреле 2022 г. за несколько месяцев до того, как 21 августа при возвращении с организованного самим А. Дугиным «патриотического фестиваля» погибла от взрыва машины — сгорела заживо — его дочь Дарья Дугина, идейно продолжавшая дело отца. В этом смысле можно согласиться, что А. Дугин предъявил страшное доказательство своего императива всеобщего конца. Даже распространились сообщения, основанные на телеграм-канале Генерал СВР (<https://t.me/s/generalsvr>), что убийство Дарьи устроило ФСБ по прямой инициативе самого Дугина, предложившего свою дочь в качестве сакральной жертвы, как способ разжигания священной войны. «Умрешь не даром, дело прочно, /Когда под ним струится кровь» (Н. Некрасов).

<https://alex-197.livejournal.com/72057.html>

Двери ада

Евразийцы регулярно проводят репетиции рукотворного конца света. Одна из программ учебного лагеря Евразийского союза молодёжи: «Объявляется эсхатологическая мобилизация евразийцев! Всё близится к завершению и разрешению. *FINIS MUNDI*. Конец Мира». Следуя логике Дугина, именно теперь, с началом войны, наступает для России час исполнить свое глобальное предназначение, поскольку среди всех известных цивилизаций она выделяется своей осознанной волей к концу истории, к гибели всего. *Россия вошла в историю не ради обретения в ней своего места, но ради «победоносного» прекращения её, как полагают адепты этого всемирного суицида.* Сладострастие полного разрушения — такова эта метафизика презрения к бытию, еще раз прорепетированная в Буче, в Ирпене, в Мариуполе, в Изюме, — уже на подмостках театра истории.

Именно «про Империю и Конец Света», по заявлению самого Дугина, он сейчас завершает свой новый, «тысячестраничный» труд, пытаясь поспеть к тому событию, которое провозглашает. Успеет ли? Найдёт ли в живых хоть одного читателя? Автор признается: «Картина выходит зловещая».⁹⁶ Кто бы сомневался — добровещего от г. Дугина никто не ждёт. Собственно, страницы этого труда уже обугленными буквами проступают на земле Украины. «Еще осталось три главы». Что у Дугина в мечтах — у Путина в руках, поглаживающих ядерную кнопку.

⁹⁶ Блог А. Дугина, 28 апреля 2022. <https://vk.com/duginag>

Предчувствие распада

в россии грустная погода
под вечер дождь наутро лед
потом предчувствие распада
и страха медленный полет
Бахыт Кенжеев (1979)

В этот раздел вошли три статьи и интервью 1990–2018 гг., посвященные возможному распаду российского государства. В октябре 1990 г. я написал «Размышления о Россиях», отклик на работу А. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», вышедшую за месяц до того, в сентябре 1990 г.⁹⁷ Тогда возможный территориальный распад России на отдельные государства, «удельные княжества», был весьма экзотической гипотезой, скорее даже лирической фантазией. А спустя 33 года, в январе 2023 г., почти половина из 167 ведущих мировых экспертов в области международной политики и экономики (46%) считает вероятным, что в ближайшие десять лет Россия распадется на отдельные независимые области или превратится в «несостоявшееся государство» (failed state), где государственные институты не функционируют.⁹⁸

⁹⁷ Статья вышла в самой популярной газете русского зарубежья «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 18 января 1991, С. 10–11), которую Солженицын наверняка читал, — но ответа, как и следовало ожидать, не последовало. Статья передает те «апокалиптические» настроения, которые тогда только зарождались в российском обществе. Вместе с тем эссе было воспринято как манифест исторически перспективного, созидательно-го российского регионализма (Вадим Штепа и круг журнала «Китеж»). См. В. Штепа. Новая эра географических открытий. «Неприкосновенный запас». 91, 5/2013. <http://www.nlobooks.ru/node/4009>

⁹⁸Опрос провёл американский аналитический центр «Атлантический совет». «Russia at risk of becoming failed state, say foreign policy experts». *Financial Times*, January 9, 2023. <https://www.ft.com/content/6ceb6331-07a0-4b1f-b777-3034b288a3be>

Русский перевод: <https://www.svoboda.org/a/ft-46-ekspertov-otsenivayut-veroyatnostj-raspada-rossii-kak-vysokuyu/32216070.html>

О Россиях

Со всех сторон доносится: Россия в беде, Россия в опасности. И грозит ей на этот раз не внешний враг и не внутренний, а собственное ее непомерное бремя — быть единой и неделимой. Советская империя еще может кое-как по краям обвалиться, отторгнуться в средние и малые государства. Но что делать России со своею огромностью?

Да и Россия ли это: централизованное многоплеменное государство — или это Орда, насевавшая на Россию? До Орды было много разных Русей, и при общности языка и веры в каждой развивалось особое хозяйство и культура, разногосударственный уклад: со своими отдельными торговыми выходами в зарубежный мир, политическими договорами и внутренним законодательством. Была Русь Киевская и Новгородская, Владимирская и Рязанская. И не навались на них Орда и не разгладь катком централизации, мог бы теперь на месте дикой воли и запустенья процветать союз российских республик и монархий. По разнообразию и размаху не уступающий европейскому сообществу, а единством языка еще более сплоченный.

Видимо, так суждено России — развиваться не прямолинейно, а со всеми возможными извивами на своем пути, ведущем назад, к самым исконным основаниям. Давно замечена эта повторяемость, в обратном порядке, некоторых стадий нашего исторического развития. Рывок вперед — и откат назад. Скачок в социализм — и одновременно в феодализм. В коллективизацию — и в крепостное право. В народовластие — и в опричнину. В европейскую социальную утопию — и в азиатский способ производства. В коммунистическое будущее — и в первобытный коммунизм.

Октябрьская революция как бы задала ось симметрии, вокруг которой все стало поворачиваться в прошлое и зеркально его отражать. Недаром так любили примерять на Ленина семимильные сапоги Петра Великого, а Сталин сам рядился в костюм Ивана Грозного. От насильственного западничества к азиатскому деспотизму — так в обратном порядке, но с громадным ускорением, века за десятилетия, шагала страна. Чтобы, миновав период засилья Москвы и ордынского ига, вновь спуститься теперь на ступень так называемой феодальной раздробленности русских земель.

Но термин этот, как признано историками, ложный, потому что раздробленность предполагает некую предыдущую целостность, а ее, собственно, и не было. Как сообщает, нам на радость и в поучение, Британская энциклопедия, «различный характер и исторические судьбы каждой из больших восточно-славянских областей отчетливо видны даже в Киевский период и

Русский антимир

сохранились до 20 столетия»⁹⁹ — о чем историки советского периода позаботились позабыть. Не раздробленность была, а изначальное состояние племенного обилия и разнообразия русских земель. Временно возвышался то один, то другой княжеский клан, но эти переменные политические зависимости не касались самобытного склада местных русских культур, примером чему могут служить разные школы иконописи: киевская, новгородская, владимирская, ярославская.

И теперь в стремительном развале страны и движении вспять через все пролеты истории — есть все-таки на что опереться, на чем остановиться и дух перевести. Есть доордынская многоцветная карта русских княжеств, многоликих русских земель. Россия изначально рождалась как сообщество Россий, нечто большее, чем одна страна, — как особая часть мира, состоящая из многих стран, подобно Европе или Азии. И теперь для России разделиться на перворусские государства — значит не только умалиться, но одновременно и возрасти, из одной страны стать частью света. Россия больше себя — именно на величину составляющих ее Русей.

Вот отчего это чувство последней тревоги — как шестьсот лет назад, как на поле Куликовом, только теперь Россия должна сразиться с Ордой и Ордынским наследием в самой себе. За свои исконные русские земли, которые затерялись среди приобретенных, через них и определяясь — как «нечерноземье». Сразиться за право разделиться на разные страны и стать больше одной страны. Вернуться, наконец, из ордынского периода своей истории в исконно русский, многообразно русский.

Быть может, единственное спасение России — стать содружеством разных Россий. Сколько их, особых и прекрасных: московская и дальневосточная, питерская и рязанская, уральская и орловская! И чем настойчивее они сводятся к одной России, тем больше она теряет себя, свой размах, заполняясь серой скукой, — неестественно обширное существо, одоленное собственной тяжестью. Ей бы встрепенуться, от самой себя отделиться, обвести себя заставами, башнями, и в каждой выемке своей и глубинке воссоздать отдельность... Тогда культур ее хватило бы на долгое общение со всем миром и на глубокое собеседование с собственной душой. Как тягостно ей теперь выносить свою одинаковость и огромность, невозможность встать в разряд соразмерных существ. И нельзя коснуться никого вокруг себя, не потеснив. И полюбить никого нельзя, не поглотив собой. Эта ее раскинутость на тысячи непроходимых верст — та же добровольная ссылка и удаленность от мира.

⁹⁹ Encyclopaedia Britannica, 15 th edition, 1991, vol. 28, p. 970.

Предчувствие распада

Великое несчастье России — что объединилась она не сама из себя, а внешней силой и принуждением Орды. Чтобы Орду скинуть — вобрала ее в себя, сплотилась и незаметно сама стала Ордой, приняла форму иного, восточно-деспотического мироустройства и прониклась тем же духом кочевья. Вместо устройства своих земель принялась за чужие — и вот уже одна Россия кочует по всей Евразии, и все ее издалека видят, а она себя — нет. Что пользы — все приобрести, а себя потерять? И те разные России, которые только вызревали и разгораживались на этой земле, обещая чудное цветенье будущих русских стран и народов, — сметены были кочевой конницей, на которую взбирался татарский хан, а спускался, чтобы пересечь в броневики, другой вождь, его далекий потомок.

И все-таки что-то зацепилось с тех времен и осталось в почве — распада русского разнообразия: Киевская Русь, Новгородская Русь, Владимирская Русь... Сколько Русей, сколько судеб, сколько просторов, чтобы России от самой себя разниться. И не так от других стран отличаться, как от себя, — верный признак личности во всем объеме ее самостояния.¹⁰⁰ Да разве Псковщине пристало больше походить на Тамбовщину, чем Бельгии на Голландию? И не отличается ли Смоленщина от Сибири больше, чем от Болгарии? Сколько пространств для становления «многороссийского» человечества! Сюда могло бы вместиться больше многообразия, чем даже в европейское сообщество. Между Киевом и Владивостоком больше поместилось бы исторических судеб и культурных различий, чем даже между Лондоном и Римом, между Берлином и Лиссабоном. Ударялись бы клики из одной Руси об изукрашенные городские стены и витиеватые башни другой, отражались бы, разносились дальше — а не глохли бы в открытом туманном просторе. И вызревал бы в каждой из этих российских держав, ярославской и воронежской, размером во Францию или Швейцарию, свой национальный уклад, своя равновеликая, независимая, взаимосвязанная, как по всей Европе, культура.

Псковская, Рязанская, Вологодская, Калужская, Смоленская... Земли растоптанные до одинаковой пыли, но все-таки не потерявшие названий и каких-то зыбких, почти случайных областных очертаний. Оттого и тоскует Россия и не мил ей ни один социальный строй, что не вмещается она ни в

¹⁰⁰ Как заметил М. Монтень, «в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других». (Опыты, в 3 кн. М., «Наука», 1979, кн.2, гл.1, С. 298). Об этом же есть у Б. Паскаля: «Время потому исцеляет скорби и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был... Точь-в-точь как разгневанный народ: взгляните на него через два поколения — это по-прежнему французы, но они уже совсем другие» («Мысли»? фрагмент 122).

Русский антимир

какое историческое единство. Глубочайшая, не вполне осознанная ее потребность — это с самой собой разделиться и зажить в непохожести на себя, в неожиданности от себя. Зажить по-московски, по-питерски, по-владимирски, по-липецки, укрыться от ветра вселенских скитаний и гула всемирной истины. Каждой такой особой российской земле не дали в материнской утробе понежиться, она себя как земли и не знает, а только слышит сверху неугомонный отцовский окрик, государственное понуждение на службу *отечеству*. Колыбельный, доордынский период русских земель был прерван, вот и клонит их в младенческий сон — свернуться калачиком, не разжимаясь ни до грозных военных походов, ни до бодрых рукопожатий остальному миру.

Одна Россия, целая Россия, да еще Российский Союз с привлечением широкого славянского родства, как ныне авторитетно предлагается¹⁰¹, — по силам ли это народной душе, еще не успевшей обжить свой начальный, наименьший удел на земле, свое отнятое в размахе ордынских кочевий-завоеваний кровное удельное княжество? Ей теперь мечтается одно — разделиться на первые свои, приснопамятные народности и в них ощутить свое живое тело, а не задубевший имперский кафтан.

Да пожалуй, и соседним республикам по-настоящему не отделиться от России, пока она сама внутри себя не разделится. Можно ли Эстонии общаться с балтийско-черноморско-тихоокеанской Россией, в нынешнем ее объеме? Это все равно как общаться с Гулливером, обегая каблук его башмака. А вот с Псковской или Питерской Русью вполне могло бы получиться у Эстонии душевное вникание и сближение взаимных запросов.

Конечно, всем этим Россиям еще предстоит расти и расти, чтобы образовать самостоятельные государства. Но России, как огромному целому, трудно войти в Европейский Союз, а вот Смоленщине, Новгородщине, Владимирщине, Ярославщине, Московщине, Питерщине — может быть, и удастся, сообразуясь с меркой среднеевропейских государств. Или образовать свой, свободно-неслиянный Российский Союз, дружественный Европейскому и взаимодействующий с ним не только как целое, но и своими самостоятельными территориями: Псковщина и Новгородщина — с Прибалтикой, Питерщина — со Скандинавией, Московщина — с Германией, и т. д. Российский Союз, предлагаемый А. Солженицыным, состоял бы из трех славянских государств — России, Украины, Белоруссии — и сохранял бы свою внешнюю огромность и внутреннюю несоразмерность: одна часть гораздо больше двух других вместе взятых. Я же говорю о множественности

¹⁰¹ А. Солженицын. «Как нам обустроить Россию», 1990 г.

Предчувствие распада

Россий внутри одной только Российской Федерации, и все эти России были бы соразмерны, как государства, и друг другу, и Украине, Белоруссии и другим европейским странам.

Что же касается ослабления, то слабее ли Италия оттого, что она не Индия? Слабее ли Япония оттого, что она не Якутия? Быть собой, развиваться в меру своего размера, — это и есть сила. Слабое государство — то, которое больше себя на величину внешних завоеваний. Собственной чрезмерной силой оно себя и разваливает, наросшим жиром и мясом опустошает свое сердце — и тоскует от новых и новых приобретений, в которых теряет себя.

Так что нынешний спор демократической России с ее же выстраданной национальной памятью вполне разрешим в глубинах российской истории. Чем дальше к истокам России, тем ближе к почве самый либеральный ее идеал. И пусть в наболевшем теперь вопросе о почве решительно побеждает правда почвенничества. Только надо решить, на какую же, собственно, почву России вернуться. На почву Орды или почву Руси? А если Руси, то какой из многих, доордынских? Или почва будущей России — это и есть многопочвенность Руси изначальной? ¹⁰²

¹⁰² Эта тема множественных Россий подкреплена последующими наблюдениями над региональными процессами. «Я надеюсь, что в будущем все пока еще слабосильные области или регионы России смогут обрести экономическую, политическую и особенно культурную самостоятельность, то есть стать как бы государствами в государстве. Сейчас этот процесс регионализации идет, хотя и не так интенсивно, как хотелось бы. Я это остро ощущаю, когда путешествую по России: Углич, Кострома, Ярославль, Рязань, Орел, Тула, Калуга — везде попытки подчеркнуть свой местный колорит, культурную специфику, пусть хотя бы в целях привлечения туристов. Крошечный город Мышкин — но и у него уже есть своя мифология и традиции. Когда все это вырастет, тогда мы можем оказаться в едином Российском трансэтническом союзе, как Европейский Союз, объединяющий разные европейские страны. Конечно, поскольку Англия или Франция свободно развивались с феодальных времен, они гораздо больше успели оформиться как нации, но, может быть, что-нибудь подобное случится и с «Владимирщиной», и с «Орловщиной», и с «Вологодчиной», и с Уралом, Поволжьем... Россия мне видится как союз многих Россий, и в этом смысле она равносильна не одной европейской стране, а Европе в целом». «Конструирование российской идентичности: принципы транскulturности и критической универсальности». Интервью М. Н. Эпштейна С. В. Акопову от 13.09.2011. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2012, С.350–351. <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-rossiyskoy-identichnosti-printsipy-transkulturnosti-i-kriticheskoy-universalnosti>

Победа как поражение (август 2008)

Среди основных вех, ведущих к развалу России, — маленькая победоносная война с Грузией (08.08.08), начавшаяся через четыре дня после смерти Александра Солженицына и продолжавшаяся пять дней. Ниже приведены мои дневниковые заметки августа 2008 г., где рассматривается взаимосвязь этих событий и их влияние на будущее России.¹⁰³

4 августа 2008 г. Умер Солженицын. Первое чувство — что теперь страна обрушится. Государство, как и село, не стоит без праведника. И дело не в политическом влиянии Солженицына (нулевом), а в том, что он, как личность, скреплял страну, одушевлял, собирал в единое лицо. Не президенты или премьеры, а именно он. И это не мистика, а социальная психология...

13 августа. Солженицына похоронили 6-го августа. А в ночь с 7-го на 8-е грянули кавказские события. Разрешились они, казалось бы, в пользу России, даже с геополитической прибавкой в виде двух маленьких республик. Ничуть она не обрушилась. А между тем...

Ни одна страна не заинтересована больше России в территориальной целостности: складывалась из этнически разных территорий, которые при малейшем удобном случае готовы заявить о своем суверенитете. Теперь этот удобный случай им подарен. Между государствами, как и между людьми, действует золотое правило: не делай другому того, чего не желаешь себе. Когда одна страна подрывает принцип территориальной целостности другой, то обрекает себя на такой же подрыв. Соединенным Штатам, признавшим Косово, это не грозит, поскольку Косово от них далеко и Штаты не пытаются его себе присвоить и вообще не имеют территориально-этнического деления. А вот России этот принцип стоило бы блюсти неукоснительно, поскольку речь идет о территориях, прилегающих к ее собственным границам и подающих нагляднейший пример ее субъектам. Вот уже и ингушетская оппозиция заявила о праве республики на выход из России, и освободительные движения в Татарии и Башкирии

¹⁰³ Почти все это время (29.7–10.8. 2008) я провел в Сеуле, на 22-м Всемирном философском конгрессе, следил за событиями оттуда и мог воочию наблюдать реакцию моих коллег из России. Их делегация по численности была третьей после корейской и американской, 166 философов. Со многими я общался, участвовал в совместных мероприятиях, секциях и дружеских застольях. Реакция на события была замороженной, по сути — нулевой.

Предчувствие распада

тоже приводят этот аргумент: почему Абхазии и Осетии выходить из Грузии можно, а нам из России нельзя?

27 августа. Очень тяжелое чувство. Кажется, Россия себя загнала в тупик. Проглотила крошечные грузинские территории — а рвать ее будет всем северным Кавказом, мусульманскими республиками, Дальним Востоком, Сибирью. Кажется, что и впрямь со смертью Солженицына держава начинает сыпаться, причем под патриотические возгласы. Ее деление будет происходить по правилам ее умножения.

28 августа. Слово «Россия» сейчас выговаривается с трудом. Больно. Даже читая курс по Достоевскому, поймал себя на том, что «Россия» звучит иначе, чем раньше. Как «Северная Корея» или «Куба», т. е. либо с сарказмом и гневом, которого во мне пока еще нет, либо с болью, которую хочется запрятать поглубже, — а значит, пореже это слово произносить. Для меня это лирика, а не политика.

Особенно тяжело, что Россия как бы вернулась в свое прошлое, в СССР. До сих пор ее имя звучало в какой-то мере непорочно. Благодаря Горбачеву и Ельцину ей удалось отмежеваться от Советского Союза и его преступлений и предстать жертвой мирового коммунизма, который она сама же и низвергла. Двадцать лет, 1988–2008, имя России звучало гордо — если и небезупречно, то в моральном смысле все-таки неукоризненно. И вдруг враз зазвучало так, что приличному человеку остается то ли скривиться и нахмуриться, то ли выразить соболезнование или насмешку... то ли промолчать. Символически — да и геополитически — она взяла на себя теперь все счета, по которым, казалось, уже сполна заплатил, распавшись, СССР. А теперь в очередь на распад встала сама Россия, подписав себе приговор, — тот закон, по которому ее будут раскраивать. Всем вдруг стало ясно, что распад СССР — полумера. И теперь в повестку мирового сообщества на ближайшие 20–30 лет может войти развал России. К этому приложат руку все: и Китай, и Япония, и мусульманские страны, и Восточная Европа, и Украина, и Скандинавия, и Балтика, и российские же кавказские и поволжские республики. Все это тяжело и страшно и, дай Бог, не выпадет на долю нашего поколения, но боюсь, уже следующему придется расплачиваться за пиры отцов, за поход на Поти.

Казалось бы, ошибка ничтожная в сравнении с действиями США в Ираке, с сотнями тысяч погибших. Но репутацию страны, как английский газон, нужно выращивать непрерывно на протяжении столетий. Америка за 230 лет нарастила себе такой символический капитал, что даже постыдные войны в Сербии и Ираке не промотали его окончательно. Тем более что собственный народ американская власть не убивает и не обворовывает и выборы проводит честно. А у страны, которая в 1991 г. начала даже не с

нуля, а с минуса, с огромных моральных долгов СССР, просто не накопился моральный капитал, который она могла бы потратить даже на вылазку в Гори и Поты. У нее в кармане дыра, и засунув руку в этот карман, она еще больше его раздирает. Ей бы заняться своим обустройством, хотя бы в Подмоскovie, которое еще лежит в пореволюционной разрухе, почти все поместья и дворцы догнивают. Ей бы накормить народ в провинции. Ей бы сохранить свое вымирающее население. Построить дороги... А она к миллионам своим квадратным километрам хочет добавить еще несколько сотен. Неужели ничего другого не умеет? И «воевать» кавказские племена ей понятнее и привычнее, чем развивать нанотехнологии и богатеть умом и трудом, а не дарами природы?

И если в России считают, что США несут вину за слом международного права, то сама Россия делает все, чтобы Америку обелить, жалко ее копируя, а себя подставляя. Переводя стрелку с Америки на себя. В результате та опять становится светочем миру. Нет, не России с ее коммунистическим прошлым и криминальным настоящим учить Америку международному праву. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Поэтому глупо сейчас России набычиваться... Ронять себя за пустяк, за радость почваниться над крошечной Грузией и набить деньгами карманы осетинских министров.

29 августа. Газета «Коммерсант»:

«Согласно данным ВЦИОМ, можно констатировать ухудшение отношения россиян к грузинам после событий в Южной Осетии. Об этом заявил 51% опрошенных. 41% респондентов отметили, что их отношение к грузинскому народу осталось прежним, а у 2% оно даже улучшилось. В отношении россиян есть возрастная закономерность: больше всего изменивших свое мнение о грузинах россиян среди молодежи. В возрастной категории 18-24 лет отношение к жителям Грузии ухудшилось у 54% опрошенных, в возрасте 25-34 и 45-59 лет — у 48%, в возрасте 35-44 лет и от 60 лет и старше — у 52%».¹⁰⁴

А вот насколько улучшилось отношение россиян к осетинам или абхазам, статистика не сообщает. Зато грузин теперь можно ненавидеть с полным основанием. Кажется, что население только и ищет повода для ненависти — к кому угодно: грузинам, украинцам, полякам, американцам, черным, желтым. Душевное состояние замешано на фобиях, и все, что их разжигает и укрепляет, вызывает приступ национального восторга. А кого любят? Ни одной настоящей филии, сплошь фобии. Даже себя и своих по-

¹⁰⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/1017813>

Предчувствие распада

настоящему не любят, боятся, а встретив за границей, стараются обходить подальше. Вот это страшно — такая всененавистливость, которая разжигалась еще через весь 20 в. («классовая борьба», «враги народа»).

В России никак не могут понять, чем так возмущается Запад. Ну опустили маленькую Грузию — так не до смерти же. И кому она нужна со своим боржоми? А Россия большая, у нее всего много: нефти, газа, леса, земли, с ней выгодно дружить. Так чего же Запад уперся и встал на сторону Грузии? Власти не устают повторять, что ждут от Запада здорового прагматизма. Прямо-таки новое российское заклинание: «прагматизм» (как когда-то «коммунизм»). Давайте торговать. От России много всего можно получить, зачем вам какая-то фруктовая республичка? И совершенно не понимают — ни вожди, ни население — что у Запада есть моральные принципы, которые выше прагматизма. Помочь слабому, защитить от громилы, поддержать свободно выбранную власть. Хотя прагматика порой берет свое, но между нею и идеалом складывается компромисс, выбирается нечто среднее.

А Россия от чистого «идеализма», т. е. идеологии советской эпохи, метнулась к чистому прагматизму и не может понять, как это Запад, который учил ее торговать, предпочитает теперь остаться в торговом убытке, потерять дружбу сильной державы, — чтобы встать на сторону слабого и бедного. Такой типовой российский дуализм: идеализмом мы объелись, будем теперь циниками. Запад все время ищет среднего пути, потому что понимает, что у политики есть два крыла: экономика и мораль, и потеряв одно, легко разбиться о голую выгоду и все потерять. Россия же искренне не понимает: вы что, нашу нефть хотите на их боржоми променять? Не может поверить. И тогда усматривает другой мотив: козни против России, самоцельную ненависть Запада и всего мира к ней. Ненависть понять легче всего — и ответить на нее ненавистью.

Напоследок вернемся к Солженицыну. Вот что писал он сорок лет назад:

Перестав пригребать державною рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, — обратим свое национальное и государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока, чья пустынность уже нетерпима становится для соседей по нынешней плотности земной жизни. <...> Это будет означать, что Россия предпримет решительный выбор САМООГРАНИЧЕНИЯ, выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не вовне; всё развитие своё — национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан, направит к расцвету внутреннему, а не внешне-му.

Это не значит, что мы закроемся в себе уже навек. То и не соответствовало бы общительному русскому характеру. Когда мы выздоровеем и

Русский антимир

устроим свой дом, мы несомненно еще сумеем и захотим помочь народам бедным и отсталым. Но — не по политической корысти: не для того, чтоб они жили по-нашему или служили нам.¹⁰⁵

Таким был Солженицын в 1970-е. Конечно, трудно предсказать, как он воспринял бы новый геополитический порыв России уже в постсоветское время. Неужели благословил бы, отбросив тень на все свое великое прошлое? Но тогда понятна становится и воля промысла, уберегшая его от этого шага на самом пороге, за несколько дней до грузинских событий.

Обнадеживающий урод. Прогностика на грани фантастики¹⁰⁶

В последнее время стало хорошим тоном ужасаться будущему России и представлять его в самых темных красках. Распад страны, физическое и умственное вырождение, полчища варваров с юга... Такая тенденция преждевременного «самопогребения» не нова: перечитайте Гоголя «Страхи и ужасы России» (1846). Некая графиня пишет Гоголю: «все падают духом как бы в ожидании чего-то неизбежного», «каждый думает только о спасении личных выгод, о сохранении собственной пользы, точно, как на поле сражения после потерянной битвы всякой думает только о спасении жизни». Гоголь отвечает ей христианским внушением и призывом к самосовершенствованию. Мне хочется ответить на эти вековые страхи одной аналогией, касающейся общих эволюционных процессов.

1.

В генетике и теории эволюции есть такое понятие — «обнадеживающий урод» (*hopeful monster*; в другом переводе — «многообещающий урод»). Обнадеживающие уроды появляются в результате макромутации организмов, которые отклоняются в своем строении от нормальных и могут быть адаптированы, иногда весьма успешно, к измененным условиям

¹⁰⁵ А. Солженицын. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», сб. «Из-под глыб», Париж: ИМКА-Пресс 1974.

¹⁰⁶ Первая публикация: О России с надеждой // Новая газета, 135 (1838). 2 декабря 2011. С. 15-16. <http://www.novayagazeta.ru/society/49774.html>

Предчувствие распада

среды. Попав в эти условия, они могут дать начало новым видам или другим таксонам (группам организмов).¹⁰⁷

Понятие «обнадеживающего уroda» ввел американский генетик Рихард Гольдшмидт¹⁰⁸, подвергнув критике одно из центральных положений дарвиновской теории эволюции. Дарвин писал: «Естественный отбор никогда не может делать внезапных больших скачков, а всегда продвигается короткими, но верными, хотя и медленными шагами», «кумулируя мелкие вариации». ¹⁰⁹ По мысли Гольдшмидта, «мелкими вариациями» нельзя объяснить образование новых видов, тем более, что палеонтология практически не обнаруживает переходных межвидовых форм, которые могли бы свидетельствовать о постепенном образовании одного вида из другого. Поэтому в теории эволюции следует допустить большой скачок, макромутацию, которая может оказаться благоприятной и «видообразующей» только если такой мутант находит для себя новую экологическую нишу.

Следует подчеркнуть, что «обнадеживающий урод» — это, во-первых, оксюморон, подобно «белой вороне» или «черному лебедю», т. е. содержит в себе взрывчатое сочетание противоположных понятий. Во-вторых, «урод» в этой концепции — не оценочный, а описательный термин, указывающий на сильные аномалии в организме. При совпадении с аномальными переменами в природной среде такой «минус на минус» может дать плюс, т. е. дать толчок развитию нового вида.

Отношение к идеям Гольдшмидта менялось. Поначалу сторонники господствующей, дарвиновской теории эволюции критиковали или даже высмеивали концепцию «скачков» (сальтационизм). Но в последнее время, в связи с прорывами в области молекулярно-генетических основ биологии развития, все больше биологов относится одобрительно к представлениям Гольдшмидта о макромутациях.¹¹⁰

¹⁰⁷ См. Л. И. Корочкин. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М., Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

¹⁰⁸ Goldschmidt R. The material basis of evolution (1940). New Haven: Yale Univ. Press, 1982

¹⁰⁹ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб, Наука, 1991. — 539 с.

¹¹⁰ «...Гольдшмидт почти зловеще предсказывал, что пройдет 20 лет, и его идеи восторжествуют, и оказался весьма близким к истине. В последние два-три десятилетия в научной литературе часто появляются восторженные отзывы о нём, и многим эволюционистам его идеи кажутся не совсем уж неприемлемыми. /.../ Таким образом, с некоторыми оговорками даже сторонниками традиционных взглядов идеи «перспективных монстров» признаются. Поэтому можно считать, что эти

Русский антимир

Не исключено, что эволюционные скачки могут происходить не только в животных, но и в человеческих популяциях, и соответственно понятие «макрмутации», или «системной мутации», может относиться к культуре, к этносам. Тогда понятие «обнадеживающего уroda» применимо к социогенезу. Социальная эволюция может происходить путем накопления мелких мутаций, едва заметных изменений в строении или функциях общественного организма. Таков путь «нормальных» обществ, характерный для Запада: постепенные изменения, частичные реформы в политико-экономических системах, что, собственно, и означает «эволюционный» путь развития. Революции же можно сравнить с макромутациями, которые делают возможным развитие совершенно новых форм, не только видов, но и более крупных таксонов: родов, семейств, отрядов. Как правило, макромутации вредоносны, и в результате появляется нежизнеспособный урод, обреченный на быструю гибель. Однако в редких случаях крупное изменение может привести к возникновению формы, способной адаптироваться в какой-либо новой среде и стать началом новой эволюционной линии.

2.

У России, пережившей за один прошлый век четыре революции и три войны (в том числе две мировые), налицо признаки вредных социальных мутаций:

— дегенерация населения, демографический спад, повальный алкоголизм и распространение наркомании, повышенная смертность и низкая продолжительность жизни;

— угроза распада страны, расползания «федерации» по этническим и религиозным швам, отсутствие союзников на политической арене, уязвимость границ, неотвратимый натиск соседних, более приспособлен-

сальтационистские представления включены в эволюционный синтез». Попов И. Ю. Монстры в эволюции. В кн. Эволюционная биология: история и теория. — СПб: СПбФИИЕТ РАН, 1999. — С. 70-81.

«Современные генетики все более склоняются к мнению, что эволюционный процесс связан с макромутациями, которые меняют ход эмбрионального развития и приводят к появлению новых признаков не только видового, но и более крупного таксономического уровня — рода, семейства и даже выше. /.../ Теперь стало понятно, что макроэволюция не только может двигаться скачками, как полагают сторонники концепции «прерывистого равновесия», но что она способна происходить только так, поскольку это связано с закономерностями устройства генома». Е. А. Гороховская, Биология, в кн. Гороховская Е. А., Липкин А. И. Концепции современного естествознания, ч. 2. Биология и геология. М., 2010, С. 102, 104.

Предчувствие распада

ных, демографически и социально активных цивилизаций (исламской, китайской, японской);

— развал науки и всех производительных отраслей хозяйства, выживание только за счет выкачки недр, катастрофическое состояние дорог, транспорта и всей инфраструктуры, давно изношенной и чреватой постоянными чрезвычайными ситуациями;

— всепроникающая коррупция, отсутствие демократического разделения властей и механизмов обновления власти, неразвитость гражданского общества и местного самоуправления, зависимость населения от бюрократии;

— цинизм и индифферентность населения, его криминализация и сращение власти и криминалитета, неразвитость права и правосознания, утрата всех традиционных ценностей и моральных приоритетов, отток самой интеллектуальной части общества, «мозгов», на Запад.

Все происходящее, казалось бы, подтверждает ту закономерность, которую исследует биология. Тяжелые условия жизни, являясь сильнейшим стрессовым фактором, резко усиливают процесс мутагенеза. «Когда популяция доходит до грани жизни и смерти, в ней возникает множество мутаций, большинство из которых губительно для нее». ¹¹¹ Губительно!

Но может быть, российская цивилизация являет собой социальный эквивалент «обнадеживающего уродца», причем с акцентом на «обнадеживающем»? Наряду с разрушительными мутациями следует отметить и ряд таких, которые могут стать конструктивными. Они воспринимаются как аномалии с точки зрения развитых постиндустриальных западных обществ, но могут послужить ростковыми точками «надежды» в судьбе России:

— высокая адаптивность к низшим, минимально приемлемым условиям существования; появление «отравляющей» породы людей, способных выносить предельные нагрузки и экологически вредную среду обитания¹¹²;

— нелинейность, ризоматичность социальных структур, многообразно ветвящихся, запутанных, как грибница, не поддающихся вертикальному

¹¹¹ Кайданов Л. З. Генетика популяций. — М.: Высш. школа, 1996. 320 с.

¹¹² Михаил Прохоров передает свою беседу с рабочими «Норникеля»: «Сынок, ты не понимаешь, мы «вредники». Вот ты сколько можешь дышать у этой печки? Через пять минут мы тебя унесем, а я могу полдня стоять». И я понимаю, что я дело имею с самураями, у которых это смысл жизни». <http://www.mk.ru/politics/interview/2011/08/28/618315-mihail-prohorov-zhenschinyi-v-vozraste-hotyat-chtobyi-ih-vnuki-byili-takimi-kak-ya.html>

Русский антимир

выпрямлению (в отличие от структуры дерева) и привычно живущих в состоянии хаоса¹¹³;

— слабая развитость технических и юридических аспектов цивилизации, ее близость к природе, к естественным жизнеотношениям как препятствие «политической корректности»;

— недостаточная специализированность всего культурного поля, тенденция к цельности, гибридности; «духовность», «интеллигентность» как предельно общие ценности знания, совести в чистом виде; текучесть, аморфность, «свободное веяние духа»;

— многообразие этносов и обширность территории, позволяющая легко перемещаться, скрываться, ускользать от контроля, создавать альтернативные группы и движения;

— сила дружеских и родственных связей, не поддающихся бюрократизации, официальному контролю и способных формировать сопротивление государственным, чересчур жестким структурам; патриархальные семьи из нескольких поколений;

— «блат», кружковщина, клубление, кучкование; значимость неформальных, фамильярных, теневых отношений в социально-экономической сфере;

— резерв жизненных альтернатив, образованный большим числом чудаков, юродивых, маргиналов, аутсайдеров, причудливых характеров, патологий поведения и психики, «выкидышей» цивилизации.

Таким образом, совокупность аномалий, отличающих российскую цивилизацию, ставит ее в крайне опасное положение, на грань катастрофы. «Однако, — по словам биолога, — среди множества этих «уродов», возможно, появится и такой, который впишется в какую-либо новую экологическую нишу».¹¹⁴ В данном случае речь идет не о биологических, а о социальных аномалиях и о том, насколько они могут вписаться в сценарии будущего развития человечества.

¹¹³ Понятие ризомы (клубня, луковицы, грибницы) выдвинуто Делезом и Гваттари для обозначения внеструктурного и нелинейного способ организации целостности, оставляющего открытой возможность для спонтанной подвижности, самоорганизации. См. Грицанов А. А., Абушенко В.Л. //История философии. Энциклопедия. Минск, 2002, с.883-887. <http://ec-dejavu.ru/r/Rizoma.html>

¹¹⁴ Модин А. П. Эволюция: 150 лет после Дарвина. «Биологические науки», 12, 2009.

Предчувствие распада

3.

Сейчас трудно предсказать, какие исторические условия на Земле могут способствовать тому, чтобы такой продукт системных общественных мутаций, т. е. революций и войн, скачков от капитализма к коммунизму и обратно, оказался «обнадеживающим». Где надежда? В чем она? Где эта «новая экологическая ниша»? Вся эта прогностика — на грани фантастики и скорее являет несбыточность надежды.

— Может быть, произойдет планетарная катастрофа и выживут только представители народа, наиболее терпеливого и невзыскательного, приспособленного к наихудшим, наитруднейшим условиям существования.

— Возможны и техногенные катаклизмы (типа взрывов на атомных электростанциях), в которых лучший шанс на выживание окажется у технически менее развитых или территориально наиболее рассеянных наций, с наименьшей плотностью населения.

— Может быть, разразятся свирепые пандемии, против которых устойчива окажется, условно говоря, только наиболее «проспиртованная» часть мирового населения.

— Может быть, начнется война между Западом и Исламом, и Россия, с ее многовековым опытом полиэтничности и поликонфессиональности, окажется местом их примирения, откроет новую страницу истории «после Третьей Мировой войны».

— Может быть, Россия сумеет защитить от агрессии воинствующего исламского фундаментализма Европу, которая в силу политической корректности готова будет к быстрому разоружению и капитуляции.

— Может быть, к власти придет мировое правительство, которое учредит деспотический порядок на Земле, — и тогда Россия, получившая «прививку» тоталитаризма в 20-м веке, окажется наиболее способной к сопротивлению, поскольку уже выработала в себе иммунитет против этой смертельной опасности.

— Может быть, нагрянут инопланетяне и установят свою диктатуру, пользуясь уже подготовленной для них информационной и экономической структурой высокоразвитых обществ, а Россия, с ее индустриальной отсталостью, окажется прорехой в этой диктатуре, местом новой самоорганизации человечества.

— Может быть, к середине XXI века, как намечено современной киберфутуристикой, исполнится предсказание о «сингулярности», торжестве искусственного разума, — о цивилизации, управляемой компьютерными программами и уже не подвластной контролю людей как биологически ограниченного и малоэффективного вида. И тогда отсталая Россия окажется

позади этого самоубийственного прогресса и останется заповедником «глупого», естественного, не управляемого кибернетикой разума, что может стать спасительным для человечества...¹¹⁵

Иными словами, признаки нынешнего уродства могут оказаться эволюционно выигрышными в случае катастрофических вариантов мирового развития. И даже вдвойне выигрышными, если катастрофа окажется не планетарной, а «избирательной» — и благоприятной именно для этой части суши. Например, если произойдет глобальное изменение климата — потепление, и Россия окажется в самой мягкой климатической полосе, выгодной для хозяйственного развития.¹¹⁶ Или, напротив, начнется новый ледниковый период, что также, по некоторым прогнозам, сулит России процветание.¹¹⁷

¹¹⁵ Этот список можно легко дополнить. См. Алексей Турчин. *Война и ещё 25 сценариев конца света* (М., Европа, 2008). Его же: 50 возможных причин глобальной катастрофы. <http://turchin.livejournal.com/648778.html>

¹¹⁶ Вот один из прогнозируемых сценариев: «Пустыни разрастутся, бури и наводнения станут чаще, распространятся малярия и лихорадка. В Африке и Азии упадут урожаи. Европа возопит от наводнений, Венеция и Голландия уйдут в морскую пучину. Австралия и Новая Зеландия будут томиться от жажды, восточное побережье США окажется в зоне разрушительных штормов, начнется эрозия берегов... А в Архангельске будут выращивать пшеницу, в Санкт-Петербурге — арбузы, в Москве станет тепло, как сейчас в Вашингтоне, и вместо елок зашелестят дубравы». Лесков Сергей. *Виновато ли человечество в погодных катаклизмах*. <http://bibliotekar.ru/nauka/21.htm>

¹¹⁷ «Уже сейчас ослабевает теплое течение Гольфстрим, что предвещает резкое похолодание и другие неприятности Северной Америке и Европе, которых ждет экономический крах. Но это приведет к тому, что в Берингово, Чукотское и Восточно-Сибирское моря начнет прорываться северная ветвь теплого тихоокеанского течения Куросиво. В результате, огромные территории Восточной Сибири, Дальнего Востока, Чукотки, Камчатки станут гораздо более пригодными для жизни и сельского хозяйства, т. к. там установится значительно более теплый и мягкий климат». «Истинные причины возникновения мирового экономического кризиса», ч. 4. http://arteksgroup.com/Article_about_crisis4.html

«Россия только выиграет от изменения течения и остановки Гольфстрима и станет весьма комфортной для жизни... В центре страны будет так же тепло, как ныне на Кубани, в Ставрополье. ...Мы в скором времени получим колонии американцев, англичан, немцев под Воронежем, в других черноземных краях. Теплее, мягче будет климат и в Сибири... Это благоприятно скажется на росте тайги, едва ли не самым главным нашим богатстве». Полеванов Владимир. *Нас ждет новый ледниковый период и мировая элита к нему уже готовится*. <http://deadland.ru/node/6892>

Предчувствие распада

Может быть... Вообще механизм чрезвычайно рискованных макромутаций, с минимальным, почти «чудесным» шансом на спасение, давно запущен в России и может объяснить не только ее нынешнее состояние, но и ее «революционные» традиции, даже фольклор, где выразилось парадоксальное самосознание народа. «Обнадеживающий урод» — глубинный российский архетип, сказочный Иван-дурак, все время плошавший перед умными старшими братьями, но потом чудом («глупой случайностью») отхвативший себе прекрасную царевну и царство в придачу. Есть в русском фольклоре и прямой биоморфный образ макромутации: болотная лягушка оборачивается прекрасной царевной Василисой Премудрой.

4.

Если вернуться от сказки к исторической реальности, то надежд немного, и все они весьма призрачны. Собственно, почти все вышеприведенные варианты катастроф, выгодных для России («в Петербурге будут выращивать арбузы»), тоже похожи на сказку. Но следует признать, что сказочны и многие события палеонтологической летописи. Например, стоит вспомнить, что птицы, как один из классов позвоночных, образовались, скорее всего, в результате внезапной системной мутации. По словам немецкого эволюциониста и палеонтолога Отто Шиндевольфа, «Искать переходные формы бесполезно, потому что их и не было: первая птица вылупилась из яйца рептилии».¹¹⁸ Существенно, что это была именно макромутация, которая скачком изменила всю структуру организма. «Перспективный монстр» — совокупность многих аномальных признаков, в данном случае — наличие клюва, перьев, крыльев и т. п.

Ошибка (мутация) в генетическом коде динозавра — и вот перед нами птица, урод, если взглянуть на нее глазами рептилий. Гадкий динозаврик... А птицы, тем не менее, оказались не просто обнадеживающими, но и весьма надежными, красивыми, плодовитыми «уродами», украшающими Землю и вызывающими ассоциацию с ангелами, с самыми возвышенными созданиями воображения.

Да что птицы — сам человек, по оценке современной эволюционной теории, тоже возник в результате разрыва и скачка, как обнадеживающий урод царства приматов, гадкая обезьянка. «Организация человека уродлива по сравнению с его предками: таковы, например, анатомические

¹¹⁸ «Основные вопросы палеонтологии», 1950. Schindewolf O. Basic questions in paleontology. Chicago, London: Univ. of Chicago press, 1993. XVIII, 467 p.

Русский антимир

особенности, связанные с вертикальным положением тела, отсутствие хвоста, волосяного покрова и т. д». ¹¹⁹ Поэтому не только обезьяны кажутся уродливыми человеку, — в такой же мере и он должен выглядеть уродливо-нелепым в их глазах: бесшерстый, бесхвостый, на двух ножках, ручки беспомощно болтаются — девать некуда... И ведь взгляд приматов, по сути, более объективен, поскольку они были нормой тогда, когда человек был еще только аномалией.

Значит, уродство — не причина для полного отчаяния. Если уж и птицы уроды среди рептилий, и человек урод среди приматов, то положение России как урода в ряду более благополучных и «нормальных» государств оставляет хотя бы робкую надежду на то, что роковые ошибки в генетическом коде российской цивилизации могут оказаться счастливой случайностью — залогом будущего выживания или даже новой ветви эволюции. Но чем больше риска, тем масштабнее должен быть тот эволюционный сдвиг, который может его оправдать. Птицы и человек — результаты огромного эволюционного риска, поскольку среди макромутаций преобладают разрушительные. Однако только такие макромутации и способны вести к образованию новых видов и классов за эволюционно кратчайшие сроки, за жизнь нескольких поколений.

Так что России еще есть на что надеяться. Шансов немного, но они существуют, а главное, они не фатальны. Мы не прошлое, а настоящее Земли, мы не наблюдаем этот процесс палеонтологически, но участвуем в нем эсхатологически. И от самих носителей российского культурного генотипа зависит, насколько эта системная мутация окажется вредной или благоприятной для данного исторического организма и приведет к его гибели — или созданию новой линии эволюции. ¹²⁰

¹¹⁹ Корочкин Л. И. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

¹²⁰ Примечание 2023 г. Увы, теперь, спустя 12 лет после написания (2010) и публикации (2011) этой статьи, «урод» если и продолжает обнадеживать, то лишь своей все более очевидной несовместимостью с жизнью.

Больше разных России? О конце империи.

Беседа с Вадимом Штепой¹²¹

Интервью с Михаилом Эпштейном — об истории России как тысяче лет одиночества, кремлевской панфобии и о том, как превратить распад империи в фактор цивилизационного роста.

Вадим Штепа: Михаил Наумович, Вы еще в 1990 году написали статью «О Россиях», которую можно назвать манифестом российского регионализма. Как Вы оцениваете эти идеи сегодня? Россия с тех пор так и не стала многообразным континентом, но наоборот — «ордынское» начало, кажется, победило...

Михаил Эпштейн: Начну с оговорки: я не политолог и тем более не политик, поэтому могу обо всем этом судить лишь с позиций социальной философии и культурологии. **Чем больше разных России возникнет на территории РФ, тем лучше для самой России, для российской цивилизации.** Сейчас Федерации как таковой, кажется, вообще нет. Нет этих 85 субъектов, которые по Конституции якобы составляют федерацию. Не действует 4-й пункт 5-й статьи Конституции: «Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны».

На самом деле все т. н. субъекты теперь являются объектами московской власти. *РФ — это система колониального управления:* центральная власть, Кремль, собирает дань со всех российских земель и посылает им своих наместников. Сообщество российских земель, совместно с международным сообществом наций, должно критически оценить эту (авто)колониальную систему, которая противоречит нормам политической демократии XXI века.

Вадим Штепа: Почему идеи федерализма в постсоветской России не прижились? Это целенаправленная политика власти или имперская традиция сработала спонтанно и «автоматически»?

Михаил Эпштейн: Имперская традиция диктует целенаправленную политику, которая в свою очередь опирается на имперскую традицию. *История России — это тысяча лет одиночества.* Такая огромная,

¹²¹ Журнал «Регион. Эксперт». 27 марта 2018. <https://region.expert/more-russias/>¹²¹

Русский антимир

малозаселенная, маловозделанная, но до зубов вооруженная страна просто не может на равных общаться с окружающими странами. Она воспринимает их как данников либо как врагов. Вот и теперь она стремится их поглотить — или сама распасться на регионы, тяготеющие к другим территориям и этносам.

Какой исход более вероятен, зависит от **плотности цивилизационного вещества внутри страны**. Грубо говоря, эта плотность определяется отношением созданного к первозданному: достижений цивилизации, суммы произведенного (в экономике, технологии, культуре и т. д.) — к природным условиям (включая размер территории, залежи полезных ископаемых и т. п.). Если цивилизационная плотность выше критического порога, страна может сохранить тенденцию к расширению, если ниже — разорвется от внутренней возрастающей пустоты.

Между тем плотность цивилизации в России снижается: образуются демографические ямы, происходит депопуляция, деградирует экономика, исчезают деревни и малые города, обитаемая территория сжимается вокруг мегаполисов, с огромными пустотами между ними и неразвитостью транспортных путей. Если цивилизационная плотность падает ниже критической отметки, империи угрожает распад. Можно ли его предотвратить? Этим страна занималась весь последний век — и не слишком успешно. Проблема в том, как превратить этот распад империи в фактор цивилизационного роста.

Вадим Штена: Сохраняется ли, на Ваш взгляд, культурное многообразие российских регионов сегодня? Может ли оно в перспективе проявиться политически?

Михаил Эпштейн: Перспектива множественных России подкрепляется региональными процессами, хотя более медленными, чем представлялось 25-30 лет назад. Хочется верить, что слабосильные ныне регионы России смогут обрести в будущем социально-экономическую и особенно культурную самостоятельность. *Сейчас этот процесс регионализации идет, хотя и не очень интенсивно.* Ярославль, Рязань, Кострома, Углич, Орел, Тула, Калуга — везде делаются попытки подчеркнуть местный колорит, культурную специфику, пусть хотя бы в целях привлечения туристов. Крошечный город Мышкин — но и у него уже есть своя мифология и традиции.

Когда все эти локальные культуры почувствуют почву у себя под ногами, обретут права субъектов, они смогут образовать *Российский Союз*, подобно Европейскому Союзу, объединяющему европейские страны. Это

Предчувствие распада

можно представить как постепенное усиление федеративного или даже конфедеративного начала. Речь идет не о сепаратизме, но именно о регионализме, о самостоятельном и опережающем развитии регионов, которые могли бы вступать в прямые культурно-экономические связи, не обязательно опосредованные Москвой. Стране нужна система координат, состоящая не только из одной вертикали, но и из многих горизонталей. Цель — не разделение России, а умножение Россий.

Конечно, поскольку европейские этносы (английский, французский и т. д.) свободно развивались с феодальных времен, они гораздо раньше успели оформиться в нации, но не исключаю, что нечто подобное в XXI–XXII вв. случится и с северо-западной Россией, и с Уралом, Поволжьем, Сибирью... Россия мне видится как союз многих Россий, который мог бы стать равномошным Европе в целом и в перспективе объединиться с ней во Всеевропейский Союз. Россия как унитарное государство вряд ли может «уместиться» в Европейском Союзе, а несколько разных Россий могли бы стать соизмеримы с отдельными европейскими странами. Например, Новгородско-Псковская или Петербургская Русь могли бы уважительно и продуктивно общаться с прибалтийскими республиками и с Польшей, что у нынешней России не слишком получается.

Вадим Штена: В 2016 году в Киеве вышла Ваша книга «От совка к бобку. Политика на грани гротеска». Хотя она посвящена в основном российской ситуации, в России ее до сих пор не издали. Что так напугало издателей?

Михаил Эпштейн: Эта книга — о переходе советского к постсоветскому, к новому психо-социальному типу, который я назвал по рассказу Ф. Достоевского «Бобок». Там действие происходит на кладбище и слышны голоса мертвецов, бесстыдно обнажающих свою душевную гниль и повторяющих: «бобок», «бобок». *Этот бессмысленный звук — последний вздох отходящего исторического организма. «Бобок» — имперский стиль после Крыма, как декаданс конца 19 века или авангард 1910–1920-х гг. Это клич последнего бесстыдства, когда уже все дозволено, потому что смерть все спишет.*

Отправная историческая точка книги — Майдан и Крым. То, что случилось с Украиной,— важнейшая страница в истории новейшего «регионализма», т. е. фрагментации империи. Ньютоновский закон: действие равно противодействию — приложим не только к физическим, но и к историческим явлениям. *По тому, с какой силой Россия после 2014 г. оттолкнулась назад, в свое прошлое, можно оценить силу порыва, с какой Украина*

Русский антимир

устремилась в будущее. Лыдина огромной империи раскололась, и по дрейфу одной ее части можно судить о траектории другой. У меня с Украиной связана надежда на новую историческую судьбу восточнославянских народов, их свободное вхождение в европейскую семью.

Эти послекрымские годы подводят итог не только советской и постсоветской эпохе, но всему трехсотлетнему — от Петра I — проекту присоединения России к западной цивилизации. *То, что называлось Россией, теперь разделилось на Киевскую Русь, отходящую к Западу, и Ордынскую Русь, которая уходит в глубь допетровской Московии и для которой просто не остается места в XXI веке.* Но если Россия все-таки обретет свое достойное место в современной цивилизации, на что я не перестаю надеяться, — это будет место рядом с Украиной, которая — уже как старшая, а не младшая сестра — прокладывает ей путь на Запад.

К российским издателям я не обращался, понимая, что вряд ли их заинтересует такой подход. Хорошо, что книга все-таки доступна российским читателям (например, на Озоне).

Вадим Штепа: Можно ли считать современную Россию постмодернистской империей, учитывая невероятную идеологическую эклектику власти, где сочетается советизм и клерикализм?

Михаил Эпштейн: К постмодернизму она не имеет никакого отношения. Постмодерн в высшей степени критичен в отношении любых империй и поощряет многосубъектность, множественность традиций, перспектив, картин мира. Постмодерн — как раз то, о чем я говорил выше: много разных России, ни одна из которых не претендует на власть над другими и тем более над всем миром. Постмодернизм предполагал множественность точек отсчёта, а вовсе не тоталитарную идеологию «евразийства» или «глубинного народа», которая эту множественность отрицает. Постмодернизм подразумевал взгляд на вещи с разных сторон; это была отчасти позиция релятивизма или скептицизма, но у нее была своя нравственная мотивация: призыв к уважению Другого.

Что касается идеологической эклектики, этой дикой смеси советизма, монархизма и клерикализма, когда чуть ли не одни и те же уста славят Иисуса Христа, Сталина и Николая II, — то это тоже не постмодернизм, а прямо противоположное: выстраивание нового метанарратива, в котором *все, что делаем мы и наши предки, — хорошо, а все, что делают другие, — плохо.*

О такой бравате с горечью и насмешкой писал еще А. Солженицын в 1974 г., передразнивая эту идеологию в истоке ее формирования:

Предчувствие распада

Коммунизм даже не мыслим без патриотизма; перспективы России-СССР сияющие... что же касается духа, то здесь допускаются любые направления, и православие — нисколько не более русское, чем марксизм, атеизм, естественно-научное мировоззрение или, например, индуизм... Всё это вместе у них называется **русская идея**. (Точно назвать такое направление: национал-большевизм). „Мы русские, какой восторг!“ — воскликнул Суворов.

Почти полвека спустя окончательно оформился этот метанарратив, в котором стирается любая внутренняя дифференциация: логическая, историческая, этническая... Это не постмодернизм и даже не фашизм — гораздо страшнее. Эта *панфобия*, злоба против всего мира, относится к традиционным «измам» (коммунизму, фашизму и прочим тоталитаризмам) как ядерное оружие к конвенциональному. Она готова уничтожить не просто враждебные классы или низшие расы, а сразу — весь мир. «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» — спросил президент.¹²² А еще раньше он заявил, что в марте 2014 г. был готов применить ядерное оружие, если бы мир воспротивился аннексии Крыма.¹²³ Эти суждения легко суммируются: «А зачем нам нужен мир, если в нем Крым не принадлежит России?» На место Крыма сюда можно поставить Украину, Грузию, Прибалтику, Сирию, да и вообще любое место на земле. *Таковы притязания нового метанарратива, обеспеченные ядерным шантажом во всемирном масштабе*. Какой уж тут постмодернизм!

Вадим Штена: Каков Ваш прогноз развития культурно-политической ситуации в России в ближайшие годы?

Михаил Эпштейн: *Нынешняя власть своей политикой чрезмерной централизации подталкивает противоположные, центробежные тенденции*. Нельзя так упорно и самонадеянно создавать себе врагов по всему периметру — и даже внутри самой страны. Любят ли Кремль в Сибири и на Дальнем Востоке? Или там все яснее понимают, что сотрудничество с Японией и Китаем выгоднее, чем послушание Кремлю, который вытягивает из них все ресурсы и мало что дает взамен. А северо-западная Россия во главе с Петербургом — разве не видно оттуда, насколько финская, скандинавская модель развития успешнее, чем кремлевская, обеспечивает людям мир, свободу, благосостояние, образование, здоровье? Наверно, у татар и башкир тоже есть свои соображения

¹²² В фильме Владимира Соловьёва «Миропорядок 2018» (2018).

¹²³ В фильме Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину» (2015).

Русский антимир

о том, как пересмотреть итоги завоевания Казанского ханства и войти в более тесные связи с другими странами...

В условиях глобальной экономики центральная власть должна бороться за свои регионы, привлекать их умы и сердца, наполнять их кошельки, состязаться за них с окружающими цивилизационными ареалами (европейским, исламским, китайским, японским). Полагаю, что центробежные тенденции еще остро проявят себя, и вопрос в том, возобладают ли они мирным путем или приведут к кровавой междоусобице.

Философия войны, мифология почвы

Война и философия.

Беседа с Александром Генисом¹²⁴

Александр Генис: У каждой войны есть своя философия. И если теперь сами философы редко сражаются на фронте, как это бывало в древности, например, с Сократом, то их идеи, концепции, мыслительные конструкции дают обоснование войнам. Даже тогда, когда в пылу битвы никто не думает об идеях, они направляют оружие соперников, более того, философия подготавливает и оправдывает конфликт, ибо служит ему идеологической платформой. (Так, во время Сталинградской битвы один английский журналист сказал, что в этом отчаянном бою левое гегельянство сражается с правым.)

Вторжение Путина в Украину на первый взгляд обходится без философии и представляется актом беспричинной, слепой и безмозглой агрессии, которая никому не принесет какую-либо выгоду. И тем не менее и у этой войны есть философия, которая толкнула Кремль на безумную авантюру.

Об этом мы сегодня разговариваем с профессором Эморийского университета в Атланте Михаилом Эпштейном. За долгие годы сотрудничества с ним у нас на радио я привык называть Михаила «мастером поэтической мысли», ибо его размышления на самые актуальные темы обычно опираются на первоначальные, то есть самые глубокие интуиции. И это позволяет Эпштейну разглядеть философскую подкладку газетных новостей.

За долгие годы дружбы мне довелось подглядывать за тем, как работает кузница мысли Михаила. Трудясь без перерыва, она постоянно выковыривает концепции. Без них мир для Эпштейна нем, гол, бесприютен, и сырая, неосмысленная реальность непригодна к употреблению. Я сейчас не касаюсь его научных достижений в сложной вязи самых разных гуманитарных отраслей. Я говорю о другой черте творчества Эпштейна. Он, как уже было сказано, мастер поэтической мысли, и это позволило ему сростить

¹²⁴ Война и философия. Михаил Эпштейн — об идеологии выжженной земли.

Разговор с Александром Генисом. // Радио Свобода. 26 июня 2022.

<https://www.youtube.com/watch?v=gA677S7t4wM>

Текстовая версия: <https://www.svoboda.org/a/voyna-i-filosofiya-mihail-epshteyn-ob-ideologii-vyzhzhennoy-zemli/31911748.html>

художественное и аналитическое творчество в один креативный процесс: вулкан концепций.

Сегодня я попросил Михаила «включить» этот процесс для того, чтобы рассмотреть войну в Украине с философской точки зрения, вставить путинскую агрессию в идеологический контекст, найти ему интеллектуальную раму. Я понимаю, что это не приблизит падение нынешнего кремлевского режима, но позволит лучше понять его безумную параноидальную природу. Философский анализ тоже оружие. Как известно, диагноз — уже терапия.

Михаил, я внимательно слежу за вашей реакцией на украинскую войну, в том числе и на то, как она отразилась в колонках, которые вы публикуете тут же, на Радио Свобода. В одной из последних вы описываете систему, если так можно ее назвать, Александра Дугина, которого аналитики считают «мозгом Путина». Главное в ней, если я правильно вас понял, ненависть к бытию как таковому. Цитирую: «Дугин планировал взорвать весь земной шар, поскольку небытие, по его мнению, в конечном счете лучше бытия. Бытие разделяет людей, а небытие соединяет». Причем, это и есть русская национальная идея, ибо, опять цитата из вашего текста, «русский Эрос — это и есть Танатос», то есть, стремление к смерти. Вы называете Дугина «пророком Бучи», таким антихристом постсоветского мира, его гностиком. Чтобы разобраться в этом причудливом идейном конструкте, нам надо понять его связь с политикой. Проще говоря, как такая философия может служить Путину, да и какой-либо власти вообще?

Михаил Эпштейн: Философия войны и мира — важная составляющая политической философии. Уже у Гераклита можно найти весьма милитаристские идеи. Для него война — это царь и бог всего, состояние войны является постоянным для мироздания и для человечества. Раскол и вражда стихий оределяют динамику всего космоса.

На протяжении послевоенного времени, 77 лет, мы как-то отвыкли думать о войне в силу того, что оружие массового уничтожения привело к осознанию ее невозможности, как самоубийства для человечества. Но есть и такие мыслители о бытии, которые усматривают его цель в небытии. Откровенно это высказывается в евразийской ветви современной идеологии, которая представлена не только Дугиным, но и Михаилом Юрьевым, автором «Третьей империи. Россия, которая должна быть». Этот роман вышел в 2006 г., кстати, в том же году, что и «День опричника» Сорокина. Эти две дистопии (первая из них задумана как утопия) очертили будущее для 2000-х и настоящее для нас. Юрьев изображает именно то, что случилось с Россией и миром в последние месяцы. Это не просто

Философия войны, мифология почвы

захватническая и грабительская война в Украине, но и ядерный шантаж, который в любой момент может перелиться в реальность третьей мировой. Здесь возникает, естественно, вопрос о том, существует ли такая философия, которая оправдывает гибель человечества, то, что можно назвать «онтоцидом»...

Александр Генис: Гибель бытия.

Михаил Эпштейн: Да, убиение бытия, как геноцид и экоцид — убиение народа и природы, жизненной среды, что тоже сейчас происходит в Украине. Тактика выжженной земли иногда проводится отступающей армией, чтобы не дать возможности агрессору использовать захваченные ресурсы. Но и такая тактика запрещена международными нормами ведения войны. А в данном случае тактика выжженной земли применяется нападающей армией, которая маниакально опустошает украинскую территорию как таковую, превращает в руины целые города. Это противоречит не только международному праву, но и прагматике войны. Даже нацистская Германия старалась не разрушать больше того, что было необходимо для военной победы, чтобы впоследствии оккупировать эти земли с пользой для дальнейшего развития. Нынешний агрессор превосходит рекорды фашизма середины XX века по деструктивности военных действий.

Александр Генис: Как такая философия может устраивать Путина? Ведь это философия самоубийства. Каким политическим целям служит эта философия?

Михаил Эпштейн: Политические цели трудно понять в отрыве от некоторых метафизических интуиций. Мне кажется, есть несколько предпосылок, которые приводят современную российскую власть в состояние одержимости, включающей возможность уничтожения человечества.

Первая — это уникальная роскошь и ощущение вседозволенности, которую эта власть приобрела за два предыдущих десятилетия. Известна такая антитеза: воруга или кровопийца; но одно не исключает другого. Когда ты столько наворовал, когда чуть ли не полмира находится у тебя в кармане, возникает пресыщение и искушение дальнейшего шага: от иметь — к быть или не быть. Это легко понять, если вспомнить Достоевского и его сверхпресыщенных персонажей, типа Ставрогина или Свидригайлова, которые кончают самоубийством. Есть доля вместимости для человеческого

Русский антимир

духа, осваивающего земные сокровища; где-то ему хочется метафизически переступить эту последнюю черту, испытать себя на краю небытия.

Вторая мотивация — это пандемия, которая стерла границы между жизнью и смертью, обнажила хрупкость бытия и приблизила смерть к каждому смертному, в том числе к суверену. Выяснилось, что при всем всемогуществе смерть — хозяйка в его доме, а сам он может отобрать у нее эту роль, лишь угрожая миру ядерным оружием. Желание возместить за унижение, перенесенное во время пандемии, оправдать свой страх, видимый всем, возможно, тоже побуждает к тому, чтобы занять столь активную позицию в отношении конца человечества.

Александр Генис: Михаил, каковы национальные, философские и общекультурные истоки всего этого апокалиптического мракобесия?

Михаил Эпштейн: Каждая национальная философия развивает свою систему понятий. Скажем, «прагматизм» — в американской философии, «субъект» и «дух» — в немецкой, «опыт» — в английской, «разум» — во французской. Русская философия сосредоточилась на понятии целостности, тотальности. «Мол, да, мы пришли позже, чем другие народы, на праздник истории, но зато мы способны их все объединить и возвыситься над их односторонностью». Поэтому «ничто» очень часто в воображении этих мыслителей перерастает во «все» (а в итоге все оборачивается ничем). Чаадаев, например, в своих «Философических письмах» утверждал, что Россия представляет собой ноль в истории человечества, что она не внесла ничего своего в прогресс, в движение идей. Однако в следующем своем, уже оправдательном сочинении «Апология сумасшедшего» он заявляет, что именно потому, что Россия ничего не внесла в сокровищницу цивилизации, она якобы способна стать настоящим совестным судом по делам человечества и примирить все враждующие народы в своем беспристрастном всеведении.

Вот эта вибрация на грани «всё–ничто», «ничто–всё» крайне характерна для русской мысли. Тоталитарное мышление, которое определило во многом революции и репрессии XX века, глубоко коренится в интуициях русской философии, которой ближе всего оказался девиз «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем».

Александр Генис: Михаил, не получается ли у нас, что в украинской войне — хотя бы и отчасти — следует винить ту, самую оригинальную часть отечественной мысли, которую принято называть «русской религиозной философией» со всеми ее китами, начиная с Федорова, Бердяева и так далее?

Философия войны, мифология почвы

Михаил Эпштейн: Винить — это слишком сильное слово. Речь идет не о причине и следствии, а о некоем комплексе или психологическом архетипе, который одновременно побуждает философствовать определенным образом и вести определенную политику — то, что можно назвать «тотализмом». Это, безусловно, присуще русской философии, даже таким прекраснейшим ее представителям, как Владимир Соловьев, кстати, основоположник философии всеединства. В последнем своем сочинении «Три разговора» (1900) Соловьев оправдывает войну и устами генерала, одного из персонажей этого диалога, выступает очень резко против толстовского пацифизма, против непротivления злу насилием. При всем расхождении западников и славянофилов, мы видим, что и у западников есть одержимость идеей всеединого. Еще Белинский, например, считал, что русский человек — это эмбрион чего-то всеобъемлющего, и не наше дело впадать в какую-то дрянную определенность, уж лучше быть ничем, чем не быть всем.

Безусловно, разные оттенки такого «целомыслия» постоянно мелькают и в сочинениях Ленина и других марксистов, и в деятельности террористов, в том числе террористов-христиан, как Егор Сосонов (1879–1910). Он уничтожил взрывом В. Плеве, министра внутренних дел, и одновременно в своих письмах к родным объяснял, почему его христианская вера требует террора — положить душу за други своя, а значит спуститься вместе с Христом в ад. Для Сосонова положить душу — это не просто жизнь свою положить, а сгубить свою душу ради ближнего.

Таким образом, между русской философией и войной не причинно-следственная связь, а симфоническое целое, сопричастность.

Александр Генис: Одной из главных фигур, повлиявших на Путина, называют Ивана Ильина, знаменитого философа, лучшего знатока Гегеля. Вот созвучная сегодняшнему дню цитата из Ильина: «Мировая закулиса хоронит единую национальную Россию». При этом я встречал интересную аналогию из Достоевского: Путин при Ильине, как Смердяков при Иване Карамазове: второй витийствует, а первый убивает. Как Вам такая параллель?

Михаил Эпштейн: На мой взгляд, Ильин не слишком даровитый и глубокий мыслитель. К сожалению, расплывчатость или развинченность мысли вообще свойственна русской философии, поэтому она на Западе часто считается не философией, а публицистикой. Это в полной мере относится к Ильину: плетение словес, витиеватость, бездна всяких пожеланий и повелений мирозданию. Да, Ильин оправдывал нацизм, он

был философом государства и диктатуры, но найти у него сколь-нибудь оригинальную и структурно выраженную мысль трудно. Он мыслил своим «поющим сердцем» — так выспренно Ильин назвал одну из своих философских книг. Это его стиль: цветистый по словам, бесцветный по мысли. К тому же он был злой мыслитель, воинственно-пафосный.

Все евразийство, как правило, очень злое, воинственное по интенции. Дугин провозглашает «эсхатологический захват планетарной власти... Хитрый и жестокий захват». В катехизисе Евразийского союза молодежи записано: «Мы имперостроители новейшего типа и не согласны на меньшее, чем власть над миром. Поскольку мы — господа земли, мы дети и внуки господ земли. Нам поклонялись народы и страны... Мы все вернем назад». Это дешевое, вульгарное и вместе с тем, безусловно, опасное и агрессивное нищестановление. С точки зрения философской это просто плевок в адрес Запада, ничего более субстанциального. Но в плане практических действий, поскольку эта риторика обеспечена ядерным оружием, к ней надо прислушаться.

Александр Генис: То, что вы описали, очень подходит к Путину. Помоему, это действительно годится для философского обоснования власти в Кремле. В разговоре о философском обосновании путинской агрессии нам не избежать еще одной крупнейшей фигуры нашего времени — Солженицына с его геополитическими построениями. Сейчас нельзя не вспомнить, что этот апостол свободы, которому мы все во многом обязаны освобождением от коммунизма, отказался принять награду от Ельцина, но взял ее из рук Путина. Какова роль философско-политических опусов Александра Исаевича во всем происходящем?

Михаил Эпштейн: Как вы справедливо заметили, мы во многом обязаны Солженицыну своим освобождением от коммунизма. Мой долг, мое чувство благодарности к нему перевешивает все упреки, которые я мог бы ему высказать. Я не вижу особого идейного присутствия Солженицына в нынешней агрессии России против Украины и западного мира. Главная работа Солженицына философско-политического плана — это «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973) в сборнике «Из-под глыб». Там он призывает к обращению России внутрь себя, прекращению всяких политических авантюр по завоеванию мира. Рассматривая нацию как цельную личность, Солженицын вменяет ей в добродетель смирение, а не гордыню. У него впервые появляется термин «национал-большевизм», причем в крайне отрицательном освещении. Солженицын констатирует: появилась холодная и жестокая идеология,

Философия войны, мифология почвы

согласно которой русские всегда во всем были правы и как православные, и как коммунисты, и вся их история беспорочна. «Всё это вместе у них называется русская идея. (Точно назвать такое направление: национал-большевизм.)» «Мы русские, какой восторг!» — воскликнул Суворов. А Солженицын добавляет: «Но и какой соблазн!»

Конечно, у Солженицына можно найти противоречия. Например, он полагал, что политическое будущее России — это развитие земства, местных микроструктур власти, растущая самостоятельность органов самоуправления. Вместе с тем он, действительно, считал необходимым союз России, Украины и Беларуси — союзное государство с добавлением, возможно, северного Казахстана. Это уже в работах 1990-х гг., прежде всего, «Как нам обустроить Россию?» (1990). Но в принципе он был против имперской экспансии. С точки зрения нынешнего агрессивного евразийства, Солженицын — это явление ретроградное, обращенное к прошлому, это остатки славянофильства. Ведь евразийцы далеко не славянофилы, между ними такая же разница, как между хищными и травоядными. Евразийцы презирают славянофилов за их робость, за то, что они ограничивают свои интересы допетровской Русью, погружены в свой домотканый, доморощенный быт. Евразийство же — это воля к власти, к экспансии.

Александр Генис: С другой стороны у Солженицына помимо всего, что вы сказали, была и другая работа «Письмо вождям», которое вы, конечно, прекрасно помните. Суть этого послания: берите власть, но откажитесь от коммунизма. Разве это не руководство к действиям Путина?

Михаил Эпштейн: Солженицын был сторонником развития России вглубь, прежде всего путем освоения северных и восточных территорий. Скорее это была изоляционистская позиция: давайте займемся собой, как подобает верующему человеку, который печется прежде всего о собственной душе. А всякие поползновения на то, чтобы владеть миром, вторгаться в чужие дела, нужно отринуть — это соблазн гордыни. Когда он дает совет вождям отречься от коммунизма, он имеет в виду именно советскую установку на завоевание мира, «всемирную революцию». Православие для Солженицына — это не то православие, с которым мы сталкиваемся сегодня, не церковное чиновничество, которое встраивается в милитаристское государство и ему служит. Солженицын вообще был довольно далек от церкви; нравственный аспект веры для него был важнее конфессионального и клерикального. Так что я не думаю, что Солженицын поддержал бы

Русский антимир

нынешнюю реваншистскую и самоубийственную политику российских властей.

Александр Генис: Я, конечно, не берусь переводить наш разговор в сослагательное наклонение, достаточно того, что это делают российские власти, которые пытаются мобилизовать всех, кого могут, в свою армию: и Чайковского, и Рахманинова, и Пушкина, и Бродского, кого угодно. Но я не могу не вспомнить, что когда Солженицын вернулся в Россию, он сказал: «Единственный способ в России выжить — это стать по-настоящему христианским государством». И я тогда подумал, что поскольку до сих пор не было по-настоящему христианского государства, почему надо начинать с России, лучше бы начали с какой-нибудь другой менее пострадавшей державы. А наш коллега Борис Михайлович Парамонов тогда сказал, что: «По-настоящему религиозную державу строят».

Но давайте поговорим о другой составляющей нынешней философии. На сегодняшнем дне лежит густая тень фашизма. Поэтому, говоря о философии, нельзя не вспомнить Хайдеггера, соблазненного Гитлером. Сам философ объяснял это тем, что не может «созерцать образованный народ без метафизики. Это как величественный храм без святилища». Можно ли считать вымыслы путинских философов попыткой найти или вернуть русскому народу свою метафизику под названием «русский мир»? Не зря власти начали усиленно заказывать своим штатным идеологам «национальную идею», которая вместо кодекса коммунизма «сплотила» бы народ. Что вы думаете по этому поводу?

Михаил Эпштейн: Если я правильно помню, национальную идею первым стал «заказывать» Ельцин. Он рассчитывал на либеральную интеллигенцию 1990-х годов и бросил клич: давайте создадим свою национальную идеологию. Ничего из этого не получилось. Путин тоже долгие годы рассматривался как совсем не идеологический политик, занятый в основном коммерцией, коррупцией и барабанным патриотизмом. Но, в конце концов, он усвоил идеологию жалчайшего стиля, ту, что слышится у российских «буревестников» типа Проханова и Прилепина: «Наша национальная идеология — война».

Что касается Хайдеггера, то его представление о народе как о носителе метафизики, как о храме и святилище — это верный путь к войне. Когда разговор заходит о сущности бытия, о «сутствующем», то мне слышится в этом голос небытия. И в самом деле, человеческое бытие, по Хайдеггеру, *ничтожит* себя, являет себя только в просвете смерти, а значит, требует ее активации — войны. Его «фундаментальная онтология», которая вся

Философия войны, мифология почвы

опирается на понятие «ничто», переходит в онтоцид. Отсюда у Хайдеггера поддержка Гитлера, того экзистанса, который выходит за рамки бытия и оправдывает войну. Да простят меня поклонники Хайдеггера, это философия пораженческая, поражение софии и логоса.

Между тем, каждому отцу и матери, каждому вменяемому человеку, ответственному за бытие свое и своих детей, свойственна забота о том, чтобы бытие продолжалось и оберегало себя. Не нужно придумывать какую-то особую «антивоенную» философию. Сам факт нашей жизни есть императив, указание того, что нужно делать: воспроизводить и умножать тот источник жизни, из которого мы сами «излиты», — и переливать его в других. Сама данность содержит в себе задание. Живешь — оживляй. Вышел из тьмы — выводи других. Родился — рожай. Ешь — корми. Думаешь — пробуждай мысль. Все глаголы своего бытия превратить в переходные.

Это творческое отношение к бытию, или, как выразился, Альберт Швейцер, «благоговение перед жизнью», мне кажется самым ответственным постулатом современной философии, которая может противостоять безумию путинско-дугинского милитаризма: простое, здоровое представление о том, что мать должна кормить детей, отец — заботиться о благосостоянии семьи, мыслитель — о приумножении мыслимого, политик — о приумножении общего блага. Вот с этого надо начать, и этим, может быть, и закончить.

Александр Генис: Михаил, в завершение нашего разговора я хочу задать такой вопрос: как лично Вам представляется выход из философского тупика, в который сам себя завел путинский режим и его апологеты? Вы уже начали отвечать на этот вопрос. Насколько я знаю, скоро выйдет книга, которая продвинет нас в этом направлении.

Михаил Эпштейн: Только что объявлено о скором выходе моей книги, которая называется «Первопонятия. Ключи к культурному коду».¹²⁵ Там, действительно, речь идет о первопонятиях, то есть основополагающих единицах мышления, таких, как жизнь, смерть, бессмертие, ум, безумие, народ, власть... Книга включает 60 таких первопонятий в алфавитном порядке, от *безумия* до *чуда*. Хотя книга была завершена почти год назад, мне кажется, что сейчас, когда война разрушает самые базисные представления о жизни и ее смыслах, важно вернуться к этим первопоняти-

¹²⁵ Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022, 720 с.

Русский антимир

ям. Например, понять, что есть разница между витальностью и агрессивностью. Это одна из тем в статье «Жизнь»: агрессивность — не полнота витальности, а пустота национальной или персональной жизни, которая ищет себе наполнение в том, чтобы захватывать чужое. Мертвые хватаются за живых, чтобы утвердить себя в иллюзии своей жизненности.

Александр Генис: Михаил, как Вы думаете, Ваша книга найдет своих читателей сегодня, когда так трудно произнести разумное внятное слово в России?

Михаил Эпштейн: Я надеюсь. Война способствовала резкой смене понятий в общественном сознании, вернее — разрушению установившихся понятий. Наступил дефолт смысла для множества слов, таких как «война», «мир», «родина», «братство», «свобода». Захват чужих территорий называют «освобождением», а воинскую «честь» и «доблесть» видят в уничтожении мирных граждан. Важно вернуться к основам мышления. «Судьба», «любовь», «мудрость», «душа» — мы используем эти первопонятия для определения множества других понятий, но сами они определяются с большим трудом, даже в философских словарях. Задуматься о них мне представляется одним из самых надежных способов предотвратить разрушение смыслов, а значит, и самого человеческого осмысленного бытия.

Русская хтонь и фашизм. Беседа с Сергеем Медведевым¹²⁶

Сергей Медведев: Хотелось бы поговорить с вами о хтони, о хтоническом. Эти слова и образы приходят в голову, когда наблюдаешь страшные кадры из Бучи, Мариуполя, Изюма, из всех мест, оккупированных российской армией и деоккупированных украинской. В одном вашем интервью меня впечатлил эпизод, когда русская женщина где-то в Сибири, по-моему, говорит (у нее убили сына на войне): «Сына потеряла — это ничего, главное, что земля русская приросла». Такая хтоническая религия земли. Это явление какой-то архаики сейчас, в 2022 году?

¹²⁶ «На землях, куда приходит Россия, воцаряется пустота». Беседа с Сергеем Медведевым в его программе «Археология». // Радио Свобода. 2 октября 2022. <https://www.youtube.com/watch?v=4wCDgOefkIk>

Философия войны, мифология почвы

Михаил Эпштейн: Да, явление архаики. Многие современные явления, происходящие у нас на глазах, было бы вернее оценивать не столько в терминах политики, сколько в терминах метафизики, мифологии. Хтонизм — это религия земли. Есть много признаков такого хтонизма в российской истории XX и XXI века. XX век в России прошел под знаком материализма, а материализм и есть не что иное, как философия и религия матушки-земли, материнства в отличие от отцовства. Собственно, мифологический смысл атеистической революции XX века в России состоял в том, что бог небесный был свергнут и ему на смену пришла религия земли.

При этом материализм был весьма своеобразный, далекий от научного, поскольку речь шла о том, чтобы сын земли, человек, сам овладевал землей. Это Эдипов комплекс цивилизации: мы свергнем своего отца и овладеем своей матерью. «Не будем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», как памятно говорил И. Мичурин. М. Горький выразился еще яснее: «Я договорился до кровосмешения? Но ведь это так: рожденный Землю человек оплодотворяет ее своим трудом». Все это совпадает с архаическими культами, в частности, остаточными выраженными в матерщине.

Сергей Медведев: Само слово «мат» — мать.

Михаил Эпштейн: Материться, то есть посылать по матери. Там выражен совершенно ясный посыл к тому, чтобы сын овладел матерью.

Сергей Медведев: У нас реальность настолько описывается романами В. Сорокина, что мне приходит в голову такой мощный хтонический образ из романа «Голубое сало», где есть орден (скажу цензурно, а там у него употреблено другое слово) «землелюбов», где существует какая-то секта скрытых монахов с гигантскими гениталиями, которые совокупляются с образцами русской земли. У них есть образцы различных российских территорий, и они весь день проводят за тем, что совокупляются и орошают их. Это казалось совершеннейшим карнавалом. Учитывая то, что вы сейчас рассказываете, это какое-то метафорическое выражение почвеннического культа, который снова пришел на русскую землю.

Михаил Эпштейн: Это еще мелко и поверхностно, а в советское время существовала идеология глубинного внедрения в землю: не ерзать по ее поверхности, как у Сорокина, а вторгаться в глубь. Например, А. Гастев в «Поэзии рабочего удара» (1918) призывает уйти от неба, от солнца, мерцания звезд — и слиться с землей. Это и есть хтоническая революция:

Русский антимир

«землею рожденные, мы в нее возвратимся» — и в ее недрах построим истинную цивилизацию.

Сергей Медведев: Метро — часть этого культа.

Михаил Эпштейн: Это не просто метро, а Матрополь, то есть город матери (кстати, этимологически «метро» происходит от греческого «meter», мать). Именно в недрах земли были построены храмы новой религии. Главный строитель московского метрополитена Л. Каганович, именем которого оно было сначала названо, утверждал, что в СССР метро — это, в отличие от Запада, не средство транспорта, а выражение социалистического мировоззрения. Все советские иконы, фрески, символы были размещены в глубине земли. Более того, камни изымались из монастырей (Даниловского, Донского) и перебрасывались на строительство этих подземных храмов.

Сергей Медведев: Храм Христа Спасителя — камни стоят на метро «Белорусская».

Михаил Эпштейн: Да, храм небесному отцу был взорван для того, чтобы построить храм в чреве земли. Поэтому самая почетная архетипическая профессия в новом обществе — это шахтер, который врезается в недра матери. Это тоже древняя символика. Носителями революционного начала еще в 19 в. были карбонарии, то есть угольщики, те, кто имел дело с чернью земли и ее древесных порождений, — и восставал против солнечного бога.

Что касается материщины, то в советское был даже такой анекдот: верхи предпочитают диалектический материализм, а низы — матерный диалект. В этом состояла своего рода уния официальной идеологии и национального мироощущения, выраженная в языке. Подробнее обо всем этом возвращении в утробу матери, и через материализм, и через метро, и через культ шахтеров, и через мат, я пишу в статье «Эдипов комплекс советской цивилизации».¹²⁷

Сергей Медведев: Ведь это фактически означает нынешние попытки территориального приращения России: Крым. Донбасс (опять же, шахтерский Донбасс). Захват земли, совершенно архаичный территориальный инстинкт, фактически формирует сегодняшнюю повестку.

¹²⁷ Эдипов комплекс советской цивилизации // Новый мир. 2006, № 1. С. 113-126.
https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2006/1/edipov-kompleks-sovetskoj-civilizaczii.html

Философия войны, мифология почвы

Михаил Эпштейн: Именно так. Вообще-то мы знаем, что при инцесте бывает большое потомство, как это было и в советской цивилизации, когда человек овладевал недрами матери-земли. Эта скудость и нищета материальности при, казалось бы, победе материализма как мировоззрения, переносится и в постсоветское время. При всех разительных переменах остается хтонизм, представление о том, что задача государства и народа — вторгаться в лоно земли и расползаться по ее поверхности. Торговать недрами родной матери, потому что почти ничем, кроме нефти и газа, Россия не торгует. Нефть и газ, как известно, это продукты разложения органических веществ, их трупы, отсюда и некрофилическая доминанта российской экономики и всего государственного уклада. Смерть являет себя в трех видах — это труп; это дерьмо, испражнения; и это мусор, свалка. Все это признаки цивилизации, обращенной к земле, к могилам.

Сергей Медведев: Не забудем еще культ мертвых, который сейчас правит бал в России. Все эти шествия с фотографиями мертвых, «Бессмертный полк», не в изначальной его ипостаси, а в нынешнем государственном преломлении — это культ мертвых, как какие-то мексиканские шествия.

Михаил Эпштейн: В 2016 году меня поразило предложение одного авторитетного деятеля — Александра Агеева, директора Института экономических стратегий, заведующего кафедрой МГИМО — чтобы в голосовании участвовали мертвые.

Сергей Медведев: Это же Николай Федоров — федоровец пробрался в российскую элиту!

Михаил Эпштейн: Федоровская метафизика в приложении к политике. Погибшие во время Великой Отечественной войны должны иметь право голоса: их семьи прибавочными голосами могут выражать их волю (потом речь зашла и о погибших в Гражданской войне и в Первой мировой). Все это было непонятно, ведь одни будут голосовать за Сталина, другие — за Николая II. Сейчас все это разрешилось в духе патриотической заединщины: все это одно и то же, мы голосуем и за Николая, и за Ленина-Сталина, и за Александра Невского...

Сергей Медведев: На шествиях «Бессмертного полка» они же и несут: Наталья Поклонская несла Николая II, кто-то нес портреты Сталина, другие несут своих или чужих родственников, убитых там.

Михаил Эпштейн: Второй момент, который меня поразил: в декабре 2021 г. был объявлен новый национальный стандарт «Срочное захоронение трупов в мирное и военное время»: об организации массовых кладбищ, братских могил с учетом того, что предполагаются огромные потери и в военное, и в мирное время.¹²⁸ Причем этот ГОСТ подготавливался еще с сентября 2021 г., а его введение осуществилось 1 февраля 2022 г., то есть все было заранее продумано к 24 февраля. Как соглашаются эксперты, речь идет о подготовке к ядерной войне, о применении оружия массового поражения, когда одновременно умирает тысяча и более человек. Там все распланировано: хоронят в четыре слоя либо в мешках, либо в деревянных гробах, заготовленных заранее в количестве 300 штук на 1000 населения. О рытье индивидуальных могил в такое время, конечно, речь не идет. Люди внимательные сразу поняли, что речь идет о приближении большой войны, раз впервые в истории принимается такой ГОСТ.

Сергей Медведев: Я вспоминаю кадры из Изюма, братские могилы, где 453 человека захоронены под номерами. При этом, как отмечают многие, это сосновый лесок: советская власть убивает в сосновом лесу, потому что там легче хоронить, землю копать. Лес Сандармоха, Медного, Катыни — это все сосновые леса, в песочке они хоронят свои тысячи анонимных жертв. Это совершенно удивительная русская хтонь, которая вернулась к нам в этой войне с Украиной.

Русская хтонь, религия земли, культ мертвых, культ смерти, культ предков... Пытаюсь подвести все это под общий знаменатель, и на язык само собой приходит слово «фашизм». Все вместе это кровь и почва, о которых в 2014 году говорилось в Донбассе. Можем ли мы сейчас охарактеризовать все происходящее через это почвенничество, как классический хтонический фашизм XX века?

Михаил Эпштейн: Безусловно. Об этом мне стало думаться и писаться еще в 2014 году, когда я и предложил термин «шизофашизм» («шизофренический фашизм»). Фашизм сам по себе — цельное мировоззрение, а в поведении российских лидеров обнаруживаются признаки шизофрении. Они объявили врагами своих благодетелей, то есть тот Запад, куда отвозили своих детей, где строили свои состояния, яхты, виллы и тому подобное. Впрочем, приметы этой шизофрении достаточно устойчиво наблюдаются в

¹²⁸ <https://newizv.ru/article/general/13-12-2021/mogila-v-zakone-gosudarstvo-prinimaet-natsionalnyy-standart-po-massovym-zahoroneniyam>

Философия войны, мифология почвы

русской истории, начиная хотя бы с петровской псевдоморфозы, когда родилась новая российская цивилизация, состоявшая, с одной стороны, в абсолютной зависимости от Запада, воспроизводившая его матрицу, а с другой стороны, ненавидевшая Запад и желавшая его скорейшей гибели. Так что это «шизо» в какой-то степени подсказывалось самой историей российской цивилизации.

Что касается фашизма, Умберто Эко, как известно, называет 14 его признаков. Я бы определил короче. Фашизм — это отказ от индивидуальности во имя торжества почвы, земли, захоронения в ее недрах и уничтожение того самосознания, той личной ответственности, которая делает человека надземным существом. Отречение от личности, погружение в почву и кровь — это и есть определяющий признак фашизма. Фашизм — это коллективная попытка излечиться от травмы рождения опытом символической смерти, т. е. отказа от сознания, языка, индивидуальности, от всех тревог отдельного, проблемно-испытующего бытия — и экстатического умирания в соборном теле земли, народа, толпы.

Сергей Медведев: Русская хтонь — это национальная версия фашизма?

Михаил Эпштейн: Да. Причем у этой хтони есть еще одна жутковатая сторона. Когда российские войска ушли из Чернобыля, обнаружилось, что там все покрыто толстым слоем кала. Кал — вещество земли: человек возвращает ей то, что в нем переварилось, омертвевшую часть себя. Эта привычка «закакивания» неоднократно отмечается в российских нравах.¹²⁹ Вспоминаю очерк М. Горького «В. И. Ленин», который мы изучали в школе, там меня больше всего потрясла сцена: делегаты съезда бедноты, проходившего в 1919 году в Зимнем дворце, запаковали своими отходами самые драгоценные севрские вазы, хотя все туалеты работали исправно. Горький с негодованием пишет о том, что темным слоям народа свойственно порочить всё высокое и прекрасное. Об этом же пишет Станислав Лем, вспоминая советские войска в Германии в год победы: как были поражены европейцы их обычаем все покрывать своими испражнениями.

¹²⁹ Слово «какать», в основе звукоподражательное и распространенное во многих языках, происходит от индоевропейского kakka- «испражняться». Этот же корень обозначает дурное, уродливое, как в словах «какофония», «какография». О более широком социальном значении этого понятия см. главу «Какофилия. О выгодах и провалах зловластия» (в разделе «Путиями небытия»).

Русский антимир

Недавно я нашел в дневниках Юрия Нагибина за 1942 г.: везде, где побывали и откуда ушли советские войска, обнаруживался густо пахнущий слой. «И всюду говно, даже на столе, печи, подоконнике, в колпаке висящей лампы».

Сергей Медведев: Вспомним удивление украинцев, возвращавшихся в свои дома: Буча, Ирпень, дома среднего класса, — они были потрясены, каким образом солдаты умудряются покрыть этим все квартиры, все особняки.

Михаил Эпштейн: Кстати, не оттого ли и мало туалетов в России, даже во множестве школ и больниц их нет. Здесь кал — могучая стихия, от нее нельзя обособиться, ее нельзя заковать в форму сортиров. Недаром говорят, что уровень цивилизации определяется качеством канализации. Трупное вещество заполняет пространство России и рвется за границу — в виде массовых захоронений, огромных мусорных свалок, фекальных масс, наконец, экономического диктата подземных недр — нефти и газа.

В этом есть что-то глубоко архетипическое. Когда мы читаем в «Руслане и Людмиле»: «Там царь Кощей над златом чахнет, там русский дух... там Русью пахнет!», — это прочитывается психоаналитически, потому что золото — это известный символ дерьма (об этом у Фрейда, «Характер и анальная эротика»). Почему-то Пушкин пишет об этом запахе именно в связи с Кощеем.

А недавно эта вездесущность пахучего мертвого вещества реализовалась в потрясающем техническом изобретении — танке-говномете. Изобретатель из Санкт-Петербурга Александр Семенов еще в 2012 г. запатентовал боевую систему, которая позволяет экипажу использовать для стрельбы собственные фекалии. Это не шутка, а факт в летописи военно-промышленного комплекса. Теперь российской оборонке есть чем гордиться: Армата подвела, а дерьмо тут как тут — становится орудием боя. Чудо-танк утилизирует отходы танкистов и одновременно физически и психологически подавляет противника.

Сергей Медведев: Давайте поговорим о земле в более широком смысле. Ведь речь не только о том, чтобы зарываться в землю, извлекать хтонические элементы, а просто и о широте земли. Россия фактически становится заложницей собственного пространства, собственной протяженности. Вы вспоминали женщину, которая говорила: ничего, что сын погиб, главное — земля приросла. А я вспоминаю человека в Бурятии (был в «Медузе» потрясший меня репортаж), который благодарил за то, что

Философия войны, мифология почвы

российское государство привезло ему тело его племянника. Он сказал: правду же говорят — Россия своих не бросает. Убили человека, везли за пять тысяч километров: самолетами, поездом, машиной. Спасибо, привезли мне тело моего племянника, убитого в Украине, — вот что называется «Россия своих не бросает». То есть фашизм, по-вашему, это жертва человека ради земли, ради пространства?

Михаил Эпштейн: Да. В этом смысле можно говорить о двойном проклятье страны: первое — это ресурсное проклятье (об этом много пишут), а второе — *территориальное проклятье*. Это обширная территория, как известно, самая большая в мире, хотя и уменьшившаяся после 1991 года. Она обладает своей собственной расталкивающей гравитацией. Это стремление расширить границы, не заполнить их какими-то благами цивилизации, жизни, техники, красоты, а прийти на чужую землю и превратить ее в пустоту. Как мы видим, на тех землях, куда приходит Россия, к сожалению, никаких чудес цивилизации не образуется, а наоборот, воцаряется дух запустения.

Сергей Медведев: Посмотреть на то, что происходит сейчас с Мариуполем, с Херсонской областью: это действительно религия смерти, Россия несет с собой смерть, приходя на эти земли, захватывает пространство, но уничтожает жизнь. Остановимся на этом определении фашизма: жертва жизни ради пространства — это фашизм в его российском, русском исполнении. Может быть, эта война дает уникальный шанс уйти наконец от этого русского хтонизма, от этой религии земли, победить русскую хтонь, чтобы когда-нибудь восторжествовал русский логос.

Власть и язык

Почему мы в Украине?

У Нормана Мейлера есть известный роман «Почему мы во Вьетнаме?» (1967). Там о Вьетнаме нет ни слова до самой последней страницы. Рассказывается об отце, сыне и его друге, которые охотятся на Аляске, пользуясь огромным арсеналом оружия. Убивают волков, баранов, оленей, но отец одержим желанием убить медведя. Сын все более разочаровывается в бездарных и бесчестных методах охоты, включая загон зверя с вертолета. Все это и есть ответ на вопрос: «Почему мы во Вьетнаме?» В конце романа сына призывают на эту войну.

Мне тоже хотелось бы ответить на вопрос: «Почему мы в Украине?» Но сначала речь пойдет о другом — о погоде и языке.

О погоде

Нигде так много не говорят о погоде, как в России. Я имею в виду не сельскую местность, где это было бы естественно, а Москву и Петербург, вполне защищенные от разгула стихий. Приведу отрывок из рассказа Фазиля Искандера «Начало»:

Единственная особенность москвичей, которая до сих пор осталась мной не разгаданной, — это их постоянный, таинственный интерес к погоде... — Тише! — встряхивается вдруг кто-нибудь и подымает голову к репродуктору. — Погоду передают... В первое время, услышав это тревожное: «Тише!», я вздрагивал, думая, что начинается война или еще что-нибудь не менее катастрофическое. ...Так в чем же дело? Можно подумать, что миллионы москвичей с утра уходят на охоту или на полевые работы. Ведь у каждого на работе крыша над головой. Нельзя же сказать, что такой испепеляющий, изнурительный в своем постоянстве интерес к погоде объясняется тем, что человеку надо пробежать до троллейбуса или до метро?.. Тут есть какая-то тайна.

Жадный интерес к метеосводкам в советскую эпоху объяснялся, прежде всего, тем, что только этим новостям и можно было доверять. За ними стояли действия стихий. А все сообщения о действиях людей: труд,

героизм, вести с фабрик и полей, политическая, да и культурная жизнь — воспринимались как поддельные и сомнительные. Все личное и деятельное было смутно и недостоверно, и только тучи и ветра несли свою верную, безыскусную службу.

К тому же на погоду легко свалить беды личной и общественной жизни. Если болит голова, то от перемены погоды. Сердце покалывает, ночью не спится, днем не работает — виновата магнитная буря. Если плохое настроение, тревога на душе — это от солнечной активности. Или от полнолуния. Или циклона, антициклона, наступающей грозы, прошедшей грозы, скопления туч, радиоактивного фона, электромагнитного поля и т. д.

И в Англии, и в Америке в зачине светских разговоров принято кратко обсуждать погоду, поскольку это общая точка соприкосновения с любым собеседником, вежливая светская беседа (small talk) — без риска кого-то задеть и обидеть (если только не переключиться на глобальные изменения климата). Но там нет такой манеры упорно сваливать на погоду свои недомогания и подробности самочувствия. Наблюдение Виктора Шендеровича: «Продавщица у метро — тяжелый винный запах на метр, несчастные глаза на красном лице — жалуется соседке: „Эта магнитная буря меня замучила»».

Может быть, это такая прикладная демонология? Рефлекс непреодоленного язычества? Даже в общественном транспорте на информационных табло, наряду со сведениями о маршрутах и расписании, дается ежедневный астрологический прогноз. Знаки зодиака всё объясняют, точнее, отменяют необходимость объяснения. Женщина жалуется: «У меня ребенок такой неуправляемый, чуть что — каприз». Собеседница утешает: «Чего же ты хочешь, он у тебя Лев». «А муж такой упрямый — хоть кол на голове теши!» — «Так сама ведь выходила за Козерога»...

Постоянное обсуждение погоды — повседневная дань неуправляемым стихиям и их роковому воздействию. Оно укрепляет нас в сладком чувстве своей простительной безответственности. Ведь в стране, подвластной капризам вождей, самодуров, бессмысленных законов, сущее удовольствие — испытывать на себе пусть вредное, зато невинное воздействие стихий: снега, дождей, излучений, испарений. Они не хотят тебе зла, на них не может быть обиды. Подчиняться все равно придется, но насколько ветер все-таки лучше и милосерднее начальника! Безличные конструкции в отношении стихий звучат почти как языческие заклинания.

Русский антимир

О языке

Взглянем на это с лингвистической точки зрения. Есть у русского языка грамматическое свойство, которым он превосходит все европейские, — способность к образованию безличных конструкций. Русский язык предпочитает описывать действие, как если бы оно совершалось само по себе, некоей безличной силой, в отсутствие субъекта. «Мне хорошо спится». «Ему совсем не пишется». «Его переехало трамваем». «Парня убило снарядом». Это не мы пришли — это «нас занесло».

Приведу суждение выдающегося лингвиста Анны Вежбицкой из ее работы «Русский язык», где она рассматривает структурно-мировоззренческие особенности русского языка на фоне других европейских. «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими. Как и судьба».¹³⁰

Такой фатализм, запечатленный в механизмах русской грамматики, не пошатнулся, а напротив, укрепился в языковой эволюции XX века, хотя, казалось бы, вступал в противоречие с официальной идеологией советского человека — «хозяина своей судьбы». Некоторые лингвисты той эпохи, включая академика В. В. Виноградова, даже предполагали, что безличные конструкции отражают «отжившую идеологию» и будут постепенно оттеснены конструкциями агентивными, выражающими волю и сознание новых строителей жизни. Однако наблюдение над языковыми процессами показало, что в советскую эпоху, вопреки ожиданиям, безличные конструкции распространились еще шире. Е. М. Галкина-Федорук отмечала: «Количество безличных предложений в современном русском языке все время возрастает. /.../Наши данные показывают, что многие личные глаголы начинают употребляться по типу безличных».¹³¹ Лингвист А. М. Пешковский, пораженный ростом безличных конструкций в языке советской эпохи, подчеркивал их характерность для общих тенденций

¹³⁰ Анна Вежбицкая. Русский язык (глава 4, «Иррациональность», раздел 4.1, «Иррациональность в синтаксисе»), в кн. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. С. 33—88.

¹³¹ Галкина-Федорук, Е.М. 1958. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958, С. 151

русского языкового развития: «Таким образом, безличные предложения, по-видимому, отнюдь не есть остатки чего-то убывающего в языке, а наоборот, нечто все более и более растущее и развивающееся».¹³²

Что же именно «росло и развивалось»? Очевидно, сама безличность как категория не только грамматики, но и народного мирозерцания, или, если угодно, социального бессознательного. Провозглашая идеологию активного преобразования жизни, советская эпоха на самом деле культивировала детерминизм и фатализм, при которых субъект оказывался лишь точкой приложения каких-то высших сил истории. Он не принимал решений, но был благодарен «за мудрое руководство». Он был не субъектом, а прямым или косвенным дополнением классово-борьбы и «всемирно-исторических законов». На уровне речевой стихии такая бессубъектность каждодневного бытия и выражалась в росте безличных конструкций. По замечанию А. Вежицкой, «рост безличных конструкций, вытеснение личных предложений безличными является типично русским феноменом..., в других европейских языках — например, в немецком, французском и английском — изменения обычно шли в противоположном направлении... Это дает все основания думать, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечали особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете, русской культуры» (там же).

Сила безличных конструкций

Вернемся к погоде. То, что россияне склонны объяснять свое самочувствие погодой, климатом, метеоусловиями, не есть ли выражение все той же тенденции — перенести источник действия от себя на внешние обстоятельства? Это не я болею — это мне «болеется» из-за магнитных бурь или вспышек на солнце. Избавиться от своей субъектности, перенести ее подальше от себя, найти «иностранных» или «иносредовых» агентов своих действий — это общая установка и языка, и разговоров о погоде. Это грамматика снятия ответственности.

Какое отношение это имеет к Украине?

Незадолго до смерти Юрий Нагибин записывает в своем дневнике (1994):

¹³² Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956, с. 345.

Русский антимир

Люди часто спрашивают — себя самих, друг друга: что же будет? Тот же вопрос задают нам с доверчивым ужасом иностранцы. Что же будет с Россией? А ничего, ровным счётом ничего. Будет всё та же неопределённость, зыбь, болото, вспышки дурных страстей. Это в лучшем случае. В худшем — фашизм. Неужели это возможно?.. Самая большая вина русского народа в том, что он всегда безвиновен в собственных глазах. Мы ни в чем не раскаиваемся. Может, пора перестать валять дурака, что русский народ был и остался игрищем лежащих вне его сил...? Удобная, хитрая, подлая ложь. Все в России делалось русскими руками, с русского согласия, сами и хлеб сеяли, сами и веревки намыливали. Ни Ленин, ни Сталин не были бы нашим роком, если б мы этого не хотели.

Добавим: и Путин.

ВОТ ПОЧЕМУ МЫ В УКРАИНЕ!

Так можно ответить на вопрос, который сейчас неотступно стоит перед всеми, причастными к российской истории, языку, культуре, к вселомоющей силе этих безличных конструкций.

Слова и дела. Путин и Хармс

Трудно было заставить себя послушать новогоднее выступление Путина (31.12.22). Однако, как филолог, я не был разочарован. Если бы он бряцал только оружием! Но он **бряцает** добротой, милосердием, отзывчивостью, любовью к детям и старикам и другими всемирно прославленными добродетелями своего народа.

Это мне напомнило рассказик Д. Хармса «Григорьев и Семенов» (середина 1930-х гг.):

Григорьев (ударяя Семенова по морде): Вот вам и зима наступила. Пора печи топить. Как по-вашему?

Семенов: По-моему, если серьезно отнестись к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (ударяя Семенова по морде): А как по вашему зима в этом году будет холодная или теплая?

Семенов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима будет холодная.

Григорьев (ударяя Семенова по морде): А вот мне никогда не бывает холодно.

Власть и язык

И т. д., вплоть до развязки:

Григорьев (ударяя Семенова каблуком по морде): Говори, говори! Послушаю.

Семенов (валится на спину): Ох!

Если взять сам по себе этот «вежливый разговор о погоде», то он скучный и предсказуемый. Зима наступила, пора печи топить... Но главное здесь — ремарки. Под задушевный разговор о погоде один персонаж убивает другого. Вот и речь президента начинает играть яркими красками, если вставить в нее соответствующие ремарки. Я воспользуюсь хроникой того самого дня, 31 декабря 2022 г., когда президент произносил свою новогоднюю речь. Цитаты из новостей — и цитаты из речи:

В. Путин (*в результате российского удара по Киеву 31 декабря были повреждены жилые дома... здания двух школ ... а также детский сад... погибли два человека, около 20 — пострадали*): В уходящем году в нашем народе приобрели особую значимость такие качества, как милосердие, солидарность и деятельная отзывчивость. Хочу поблагодарить вас за чуткость, ответственность и добросердечие.

В. Путин (*в городе Хмельницкий из-за обстрелов пострадали семь человек, трое из них — в тяжелом состоянии... В Запорожье в результате ракетного удара ранены четыре человека, один находится в реанимации*): Новый год был и остаётся для всех любимым праздником и обладает волшебным даром раскрывать в людях самые лучшие черты, умножать значимость традиционных, семейных ценностей, энергию великодушия, щедрости и доверия.

В. Путин (*в результате волны ракетных атак многие объекты были разрушены или повреждены, что привело к массовым отключениям электричества, нередко также воды и тепла, во многих городах Украины*): Встречая Новый год, все стремятся порадовать близких, согреть их вниманием и душевным теплом, подарить то, о чём они мечтали, увидеть восторг в глазах детей, почувствовать, как трогательно благодарны за наше внимание родители, старшее поколение — они умеют ценить эти зарницы счастья.

В. Путин (*31 декабря Россия снова нанесла удары по Украине. Были выпущены более 20 крылатых ракет со стратегических бомбардировщиков Ту-95мс из акватории Каспийского моря и с ракетных комплексов наземного базирования*): Друзья, сейчас самый подходящий момент, чтобы оставить в прошлом

Русский антимир

все личные обиды и недоразумения, сказать самым дорогим людям о своих нежных чувствах, о любви, о том, как важно заботиться друг о друге — всегда, в любое время. Пусть эти сердечные слова и благородные чувства придадут всем нам как можно больше душевных сил... С Новым годом, дорогие друзья!

Разве не чистый Хармс?

Только вот Украина — не Семенов, она не позволяет себя убить, а сильно, убедительно дает сдачи. Доживем до развязки и увидим, кто скажет «Ох».

Сталин и языкознание. Между Марксом и Приговым

Тема «власть и язык» не случайно располагает к анекдоту, фарсу, пародии. Пытаясь подчинить себе язык в целях пропаганды и отчасти преуспевая в этом, власть вместе с тем демонстрируют свою чужеродность живой органике языка, полную бездарность и механичность обращения с ним. Если речь Путина напрашивается на сравнение с Д. Хармсом и обэриутами, то языковедческие изыски Сталина — с Д. А. Приговым и концептуалистами.

О работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»¹³³ мы помним сегодня в основном по песне Юза Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой учёный — в языкознание знаете вы толк...» Между тем, эта брошюра, опубликованная в 1950 году, первоначально как серия пяти писем в газету «Правда» (с 20 июня до 2 августа), стала первым толчком к внутреннему разложению марксистской доктрины. Она, действительно, произвела переворот — только не в научном языкознании, а в советской идеологии.¹³⁴

Сталин развенчал основные постулаты исторического материализма, которые сам ранее утвердил в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», вошедшей (без имени автора) в библию советской

¹³³ https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_26.htm

¹³⁴ Недаром к первой годовщине выхода брошюры была опубликована книга с помпезнейшим заглавием: «Сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сборник материалов», М. 1951, 224 с. Оценка «гениальный» в самом заглавии публикуемого сочинения, кажется, никогда раньше не употреблялась. <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=180394>

идеологии — «Историю ВКП (б). Краткий курс»(1938).¹³⁵ До Второй мировой войны советская идеология еще была в основном построена на марксистском учении о классах и классовой борьбе, которая должна была завершиться всемирной революцией и диктатурой пролетариата. По итогам Второй мировой войны Сталин усваивает уроки военно побежденного, но идейно, как ни странно, во многом победившего нацизма, — и сам сворачивает на путь национализма и великодержавности. Достаточно вспомнить проведенную в послевоенные годы кампанию против космополитизма (1948–1953), т. е., по сути, против завещанного Марксом и Лениным интернационализма. Нигде в теоретической области этот переход от классовых к националистическим позициям не выражен так ясно, как в «Марксизме и вопросах языкознания». Сталин не оставляет камня на камне от классового подхода, утверждая язык как общенациональную категорию и не находя для него никакого места в системе марксистских категорий. Брошюру было вернее назвать «Конец марксизма в вопросах языкознания». Это явление того же порядка, что и роспуск 3-го, Коммунистического Интернационала в 1943 г. Это переход государства с классовых на национальные рельсы. По сути, эта работа Сталина провозглашает тот курс, которым страна идет и сегодня, — прямой дорогой к *рашизму*, к военной экспансии «русского мира».

Пародия на марксизм

Вместе с тем эта работа — великолепный образчик интеллектуального юмора и гротеска, так что трудно удержаться от смеха при ее прочтении. Дело в том, что Сталин, пользуясь всем витиеватым марксистским жаргоном, всеми идеологическими штампами, которые он сам же виртуозно разработал, совершенно уничтожает марксизм, сводит его на нет, растворяет в какой-то мистической пустоте. Вряд ли это могло быть сделано бессознательно. Создается впечатление, что Сталин намеренно играет с марксизмом, создает пародию на него — вроде той, что создана Д. Шостаковичем в кантате «Антиформалистический раек» (1948–1968).

В основе исторического материализма всегда лежало два постулата, которые, собственно, и отграничивали его от немарксистских учений: во-первых, определяющее воздействие производственного базиса на идеологическую надстройку и, во-вторых, борьба классов как движущая сила истории. И вдруг Сталин выделяет и привлекает внимание всего

¹³⁵ https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_55.htm

Русский антимир

общества к некоему явлению, которое, по его мнению, лежит совершенно вне этих основополагающих марксистских категорий. Это явление, проскальзывающее сквозь категориальную решетку истмата, — язык.

В своем «новом учении о языке» академик Наум Яковлевич Марр (1865–1934) исходил из вполне ортодоксального марксистского учения о классовой природе языка как орудия борьбы и господства различных социальных сил. По мнению Марра, язык армянского простонародья более схож с языком грузинского простонародья, чем с языком армянских привилегированных слоев. Цельность национального языка тем самым разрушалась в пользу его классовых разновидностей, или диалектов, что в целом вполне соответствовало, например, известному ленинскому учению о двух культурах в каждой национальной культуре. Есть черносотенная культура Пуришкевичей и передовая культура Чернышевского — третьего не дано.

Сталин выступает с резкой критикой Марра (к счастью, успевшего умереть задолго до нее), отделяя его от Ленина посредством простой оговорки, что, дескать, «культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной, и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру».¹³⁶ «...Язык как средство общения людей в обществе одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам» (с.123)

Мистика языка

С точки зрения того марксизма, который сам же Сталин популярно изложил в Кратком курсе ВКП(б), поздне-сталинская трактовка языка граничит с мистикой. Мало того, что язык оказывается социальным, но внеклассовым явлением, он еще не принадлежит ни к одной из двух категорий, «базиса» и «надстройки», вместе объемлющих все поле исторического материализма. В своем письме к Сталину Е. А. Крашенинникова (о ней см. Послесловие) просит объяснить, «правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису и надстройке, или же правильнее было бы считать язык явлением промежуточным» (149). Сталин

¹³⁶ Сталин И. В. Сочинения, XVI. Ed. by Robert H. McNeal. The Hoover Institution on War and Peace. Stanford University. Stanford, California, 1967, Т. 3. Revolution, С. 131. Далее цитаты по этому изданию внутри текста статьи.

дает отрицательный ответ на все эти возможные толкования. Поскольку язык используется и в экономике, и в политике, и в культуре, Сталин решительно заключает: «Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек» (150).

Значит, язык находится где-то посередине, в промежутке? Нет. «Его нельзя также причислить к разряду промежуточных явлений между базисом и надстройкой, так как таких «промежуточных» явлений не существует» (150).

Возникает жутковатое ощущение какой-то метафизической прорехи, куда проваливается язык, — его нельзя отнести ни к одной из существующих категорий и даже нельзя поместить между ними. Далее Сталин выносит на обсуждение еще одну возможность — нельзя ли, дескать, причислить язык к разряду производительных сил, например, орудий производства? И тут же сам отвергает и это последнее возможное утешение правоверного истмата. Орудия производят материальные блага, «а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова» (151). Значит, язык не является и орудием производства, иначе «болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире» (151).

Чем является язык в системе марксистских категорий, Сталин так и не определяет. Он дает серию отрицательных, «апофатических» суждений о том, чем не является язык, оставляя вокруг него ореол непостижимой внекатегориальности. Получается, что язык не есть это, не есть то, не есть нечто третье, — победоносно рассудительный язык марксизма вдруг умолкает на подступе к феномену самого языка. На фоне четкой сетки марксистских понятий «язык» кажется странным прорывом, побегом из идеологической зоны, обнесенной колючей категориальной проволокой. Позже, в хрущевскую и брежневскую эпохи, через этот подкоп удалось бежать и другим, «ни к чему не сводимым», явлениям, таким, как «личность», «кибернетика», «гены» или «кванты». Сетка, распущенная в одной ячейке, стала распускаться и в других, обнажая все больше прорех.

Существенно, что это разрыв марксистской категориальной сетки изнутри предпринял тот же человек, который ранее больше всех сделал для превращения ее в железную непробиваемую решетку. Сталин — и негативная метафизика языка? Откуда взяться апофатической выучке у «чудесного грузина», более сведущего в революционной науке экспроприаций? Тут невольно вспоминается, что основателем великой традиции апофатического, или негативного богословия, известным под именем «Псевдо-Дионисия Ареопагита», был, по некоторым предположениям,

Русский антимир

грузинский философ Петр Ивер (411-491).¹³⁷ Именно он писал в своем трактате «Мистическое богословие», что Бог, как причина всего, «не есть ни знание, ни истина, ни царствие, ни мудрость, ни единое, ни единство, ни божественность, ни благодать, ни дух в том смысле, как мы его знаем». Так что, возможно, именно грузинской мысли, от Ивера до Джугашвили, было суждено направлять народы на путь христианской, а затем и марксистской апофатики. Тем более, что с основами богословия бывший семинарист Иосиф Джугашвили был знаком, хотя бы в той мере, в какой «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (первая строка Евангелия от Иоанна). Если же Бог постижим лишь в негативных терминах, «не.. не.. не..» — то вполне логично распространить эту же формулу на Слово, на Язык: не базис, не надстройка...

Факт остается фактом: концептуальная игра с марксистскими категориями была начата кремлевским горцем еще до того, как она проникла в московское художественное подполье 1970–1980-х гг. Главнейший марксист XX века завершил свое теоретическое поприще деконструкцией марксизма, обнаружив неприменимость его категорий к такому феномену, как язык.

И. В. Сталин и Д. А. Пригов

В каком-то смысле можно сказать, что Сталин в этом своем сочинении предвосхищает те методы деконструкции советской идеологии, которую намного позднее, уже в брежневское время, провел московский концептуализм. Брошюра «Марксизм и вопросы языкознания» прославила Иосифа Виссарионовича Сталина как непревзойденного ученого — но она могла бы сделать честь и самому Дмитрию Александровичу Пригову. Вспомним:

Иногда ассоциируют образ подушки с образом загнивания общества в пределах устаревших производственных отношений, что неверно с марксистской точки зрения, так как механизм взаимодействия производственных отношений и загнивания общества принципиально иной. (...) Иногда ассоциируют образ столба с образом роли личности в истории, что неверно с марксистской точки зрения, так как механизм роли личности в истории принципиально иной. (...) Иногда ассоциируют образ женщины с образом

¹³⁷ Авторство Петра Ивера обосновывается в трудах Ш.И. Нуцубидзе и бельгийского византолога Эрнеста Хонигмана. *Нуцубидзе Ш. Петр Ивер и античное философское наследие*. Тбилиси, 1963. *Хонигман Э. Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита* // Тр. Тбилисского ун-та. 1959, т. 59.

аморфности народных масс, что неверно с марксистской точки зрения, так как механизм аморфности народных масс принципиально иной (Пригов, «Описание предметов», 1979).

Это та же самая парадигма порождения текста: «язык нельзя причислить ни... ни... ни... « Почему? Потому что это «неверно с марксистской точки зрения»: «таких промежуточных явлений не существует» (Сталин), «механизм принципиально иной» (Пригов). В той исторической ретроспективе, которая открывается сегодня, можно поставить Сталина в ряд последних больших теоретиков советского марксизма — и в ряд первых практиков позднесоветского концептуализма: И. Сталин, А. Синявский, И. Кабаков, В. Пивоваров, Э. Булатов, В. Комар и А. Меламид, Д. Пригов...

Послесловие. Крах одной советской семьи

Впоследствии выяснилось, что само письмо Е. Крашенинниковой к Сталину было концептуальной затеей — его написал молодой в ту пору, а впоследствии весьма известный философ Александр Спиркин. Поскольку в 1940-е гг. он успел отсидеть за то, что в разговоре с подружкой назвал Сталина «жестоким человеком» (еще одна ирония судьбы), он решил подписаться безупречной фамилией своей тогдашней жены Екатерины Крашенинниковой. В итоге работа Сталина нанесла сильнейший удар не только по советскому марксизму, но и по одной советской семье.

Из воспоминаний А. Спиркина:

Наутро встали и слышим по радио: — Ответ Сталина Крашенинниковой... И уж тут началось такое!!! Все цитируют, пишут научные труды на тему «Ответ Сталина Крашенинниковой»... Директор того института, где она работала на кафедре немецкого языка, назначил ее заведующей кафедрой. Конечно, начались протесты. В самом деле, кто она такая? Но директор сказал: — Всем замолчать! Екатерина Александровна освещена лучами гения Сталина. <...>

Она стала невероятно знаменита! Когда собирался совет Академии наук или Академии педнаук, она сидела в президиуме. Публика рукоплескала! Я в уголке устраивался. Она очень возгордилась!..

Стали ее приглашать на банкеты. Машину подавали ей каждый вечер. Начались гулянья — с писателями, композиторами... Поэты в ее честь стихи слагали, художники с нее картины писали. Сначала она меня брала с собой, а потом перестала. Ночами домой не приходила. А мне каково после таких

ночей?.. Не могло это долго продолжаться... И к добру бы не привело. В конце концов, я ушел... Когда Сталин умер, Катю уволили с кафедры. Она бедствовала. Потом устроилась учительницей немецкого языка...

Мы недолго вместе прожили. Потому что я ввел ее в бессмертие. Пострадали от этой истории оба, и очень сильно. Я любил ее — лучше тех месяцев с Катей у меня ничего не было. А она... После меня семь раз выходила замуж. Наукой всерьез не занималась, единственная ее книжка — «Артикул в немецком языке».¹³⁸

История с возвышением и падением *псевдо-автора* письма к Сталину, который отвечает на него *псевдо-утверждением*, а на самом деле отрицанием марксизма в языкознании, — еще один пример фиктивности власти при ее столкновении с языком.

Ложь, брань, бред... О властных функциях речи (1937 и 2022)

Порою «ложь» рассматривается как главный порок России. Отсюда солженицынский рецепт морального и исторического спасения: «жить не по лжи». В статье физика и публициста Алексея Бурова «Основная проблема России» (2018) такая проблема усматривается «в засилье лжи. Ложь, как грязь, есть везде, но Россия, думаю, бьет все рекорды». Журналист Александр Невзоров приходит к такому же выводу: «Россия лжет. В России лжет не только пропаганда, не только руководство, не только правительство и президент. В России лгут все, включая народ».¹³⁹

На мой взгляд, главная проблема России — не ложь как таковая, это лишь один из симптомов. Это вообще проблема не столько моральная, сколько психологическая, психопатическая, метафизическая и глубинно-религиозная. «Ложь» все-таки предполагает знание реальности и вполне трезвую, рациональную попытку ее сокрытия, извращения. Проблема в том, что сама рациональность в России — это тонкая пленка, через которую постоянно прорывается преисподняя: злоба, гордыня, мстительность, обида,

¹³⁸ <https://rg.ru/2016/02/12/rodina-spirkin.html>

<https://jlm-taurus.livejournal.com/37569.html>

¹³⁹ Разговор с Д. Гордоном. 16 ноября 2022.

https://www.youtube.com/watch?v=w_r8x7hUHNy (мин 7)

зависть, ненависть — или равнодушие, оцепенелость, бесчувственность. Пушкин в стихотворении «Бесы» и Достоевский в одноименном романе заглянули в бездну родной души и нашли там *одержимость*. Можно ли назвать ложью состояние одержимости? Духи злобы и пустоты господствуют на великой равнине. Построить жизнь на ней не удастся — все живое сметается в приступах беспричинной злобы и самоубийственной тоски, которые порождаются духом небытия.

Вспомним, что происходило с языком в годы революции, гражданской войны, в 1930-е гг. — и сравним с речью государственных мужей наших дней. Вот третий президент России Дмитрий Анатольевич Медведев (ДАМ). В какой бы роли он ни выступал: либерала, клептократа, фашиста — он идет до конца, про него хочется воскликнуть: во дает! Теперь все кому не лень издеваются над его ультра-фашистской, антизападной и антиукраинской риторикой: якобы только в пьяном бреду он мог выдать такие перлы:

Это кучка безумных нацистов-наркоманов, одурманенный и запуганный ими народ и большая стая лающих собак из западной псарни. С ними разномастная свора хрюкающих подсвинков и недалёких обывателей из распавшейся западной империи со стекающей по подбородку от вырождения слюной. <...> Когда трухлявый мировой порядок рухнет, он погребёт под многотонным спудом своих обломков всех его надменных жрецов, кровожадных адептов, глумливых прислужников и бессловесных манкуртов.¹⁴⁰

История, увы, свидетельствует, что это не пьяный бред, это канонический стиль 1937 г.: идеологически ясный, даже по-своему образцовый, густо метафорический, истерически пафосный, характерный для мастеров пера того времени, даже лучших из них.

Заглянем в «Литературную газету» 26 января 1937 г., время т. н. второго московского процесса против «антисоветского троцкистского центра». Между прочим, это еще и «Пушкинский номер» — к 100-летию смерти поэта. Знаменательно, что праздновалась годовщина его смерти, а не рождения, как бы подверстываясь под дело убийц-троцкистов. У народа невольно создавалось впечатление, что антисоветская банда, готовя покушение на Сталина, заодно пристрелила и Пушкина, перепрыгнув на век назад и целясь из-за спины Дантеса.

Газетная шапка: «Смести с лица земли троцкистских предателей и убийц...».

¹⁴⁰ 4 ноября 2022 г. <https://stolica-s.su/archives/355944>

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 2 стр. ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
- 3 стр. АЛ. ТОЛСТОЙ — Сорванный план мировой войны.
Н. ТИХОНОВ — Ослепленные злобой.
К. ФЕДИН — Агенты международной контрреволюции.
Ю. ОЛЕША — Фашисты перед судом народа.
В. ГУСЕВ — Голос страны.
Д. АЛТАУЗЕН — Пощады нет.
- 4 стр. А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Презрение наемникам фашизма.
ВС. ВИШНЕВСКИЙ — К стенке!
И. БАБЕЛЬ — Ложь, предательство, смерджовщина.
Л. ЛЕОНОВ — Террарий.
М. ШАГИНЯН — Чудовищные ублюдки.
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Эти люди не имеют права на жизнь.
Г. ШТОРМ — Они готовили кабалу для народа.
М. КОЗАКОВ — Шакалы.
В. ИЛЬЕНКОВ — Под маской «литераторов».
- 5 стр. Г. ЛАХУТИ — Родие.
М. ИЛЬИН, С. МАРШАК — Путь в Гестапо.
В. ЛУГОВСКОЙ — Горе фашистам и их приказчикам.
А. КАРАВАЕВА — Изменники родины, шпионы, диверсанты и лакеи фашизма.
Л. СЛАВИН — Выродки.
Н. ОГНЕВ — Кровавая свора.
А. ПЛАТОНОВ — Преодоление злодейства.
Г. ФИШ — Ответить так, как советовал «Друг народа».
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Наш вердикт.
В. ШКЛОВСКИЙ — Эпилוג.
- 6 стр. К. ФИНН — Есть ли большее предательство?
Б. ЛАВРЕНЕВ — Их судит вся страна.
А. МАЛЫШКИН — Из дневника
СКИТАЛЕЦ — Торговцы кровью.
Д. МИРСКИЙ — Чужеродный сор.
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Мастера смерти.
Р. ФРАЕРМАН — Мы вытащим их из щелей на свет.
Б. РОМАШОВ — Изменникам — суровый приговор.

Андрей Платонов: «Разве они могут называться людьми даже в элементарном смысле? Нет, это уже нечто неорганическое, хотя и смертельно-ядовитое, как трупный яд из чудовища».

Леонид Леонов. «...Страна наша стоит перед обширным и отвратительным террариумом. Что-то ползает, бесхвостое и вызывающее содрогание, во тьме этого гадкого пространства».

Михаил Исаковский. «Они ползли, как кровожадный спрут,/ Они тянулись в озлобленьи диком...»

Юрий Олеша: «Те, кого сейчас судят, были прямой агентурой фашизма. ...Эти люди воспитывали молодцов с револьверами. Им нужны были люди-маузеры... Мы, художники, должны особенно заклеить эту сволочь»

Владимир Луговской: «Но приходит час, и злая свора /В тишине притонов и квартир/Предает изменнику и вору/ Наш прекрасный, исполинский мир. /Мерзостью несет, могильным тлением: /Разговор зверей в тифозном сне. /А за ними — кровожадной тенью /Троцкий в докторском пенсне».

Александр Безыменский. «И это гнусных змей клубок,/ Трусы, идиоты и бандиты,/ Что грязью с головы до ног /И кровью жертв своих облиты». ¹⁴¹

Этот густопсовый стиль 1937 г. замешан на метафорике животного мира и телесного низа, монструозного вырождения и смерти. Язык Медведева отличается, пожалуй, только тем, что сваливает в одну кучу разные метафоры. Враги — это и «стая лающих собак из псарни», и «свора хрюкающих подсвинков». Они и собаки, и поросята: и лают, и хрюкают. Вместе с тем они «бессловесные манкурты» (по Айтматову). Они и надменные жрецы, и глумливые прислужники. Они кровожадные адепты и вместе с тем у них по подбородку «от вырождения» стекает слюна. В общем, щедрая кисть б. у. президента разгулялась во все стороны.

Важно понять: медведевская эскапада — это не причудливая галлюцинация алкоголика. Это строгая ритуальная форма выверенного идеологического чекана, восходящая к магическим формулам заклятий и проклятий. Два главных жанра и нашей, и той эпохи: *донос — снизу, приговор — сверху*. И если это бред, то не лично Медведева, а бредовое состояние целой страны и

¹⁴¹https://bessmertnybarak.ru/article/literaturnaya_gazeta_26_yanvarya/

Приводя эти цитаты, я спрашиваю себя: Не падут ли духом наши современники, видя, как запятнали себя некоторые властители их дум? Если даже они поддались безумию своего времени, то чего же спрашивать с нас? Вместе с тем важно знать, что все сделанное тобой останется в памяти потомков, а не растворится само собой в потоке времени. Рукописи не горят: не только рукописи великих романов, но и злободневных статей и доносов. Так что сегодня эти документы 1937 г. — и свидетельство человеческой слабости, и призыв быть сильнее.

эпохи. Андрей Платонов тоже не бредил про «трупный яд из чудовища», но внятно говорил на языке своего времени. Конечно, он мог писать и лучше, а Д. Медведев не может, но этим еще точнее подчеркивается ритуальная природа его словоизвержения. Медведев пытается разыграть столетней давности революционный обряд: «новый мир» на похоронах «старого» (западного). К этому реликтовому ритуалу в конце приклеивается еще один фразеологический пласт: «Эти слова дают нам священную цель. Цель остановить верховного властелина ада...» В духе нынешней «государственно-церковной симфонии» Медведев совершает еще и обряд экзорцизма.

Прообраз этого стиля — матерная брань, которая стремится уничтожить адресата, послав его в самые низ бытия, в подземные недра, в преисподнюю. Недаром философ С. Булгаков писал: «...Если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани... Надо считаться с силою слова, мистической и даже заклинательной. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией... Теперь же, во время революции, ...это дошло до предела, прямо хульное неистовство какое-то».¹⁴²

Достаточно вспомнить, что разнузданная брань — ярчайшая часть стилистически скучного ленинского наследия. «Слизняки, шваль, гадины, вонючки, говно, говняки... не люди, а слизь и мерзость». Ленин сравнивал своих противников с животными: это дикие и бешеные собаки, сторожевые псы, ослы, шакалы, свиньи, акулы, пауки, клопы, блохи, пиявки, могильные черви, вонючие насекомые, гиены, стервятники, а также «мастодонты и ихтиозавры, ибо зубры для них слишком почетное». Выражения из области секса: языкоблудствовать вовсю, пачкать языкоблудством, языком распутничать, кастрировать, публичный дом, общедоступная сводница, выкидыш, недоносок, ублюдок, труположество и т. д. Особое внимание — проституткам: здесь и просто проститутки, и «проститутки либерализма», и «публичные мужчины»... Порой Ленин бранил и «своих»: арестовать паршивых чекистов... сажать коммунистическую сволочь... подвести под расстрел чекистскую сволочь. 55 томов Ильича — энциклопедия русской брани.

Брань, в отличие от лжи, не искажает реальности. Она не информативна, а перформативна, она осуществляет то действие, которое обозначает, самым актом своего произнесения. Как известно, речевые акты делятся на констатирующие и перформативные. Первые описывают некие факты,

¹⁴² Булгаков С. На пиру богов. Впервые — в сб. «Из глубины». М., 1918.
http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html#_ftn1

соотносятся с реальным положением вещей — и могут быть истинными или ложными. Вторые предписывают, обещают, учреждают, уничтожают, клянутся, проклинают. «Иван женат на Марье» — эта констатация может быть истиной или ложью. Но когда священник, стоя перед Иваном и Марьей, говорит: «Провозглашаю вас мужем и женой!», он не описывает отношения между ними, он их учреждает, и такие высказывания не являются ни ложными, ни истинными. Точно так же перформативные акты в форме проклятий и ругани призваны символически уничтожить то, на что они направлены.

«Ложь, «лживость» — свойство развитого интеллекта, который умеет различать правду и неправду, реальность и фикцию и сознательно пользуется ложью для достижения своих целей. А в сознании Ленина, Сталина, их сподвижников, последователей и множества соотечественников эти категории еще даже не разделились, они живут в «пламенном бреде», одержимые манией собственной правоты и величия и презрением, страхом и ненавистью ко всему миру, включая ближайших соседей, если те живут лучше или иначе. Для них ложь, как и правда, — это пока еще не наступивший этап интеллектуального развития и приобщения к цивилизации. Россия была уже близка к этому этапу глубинного различения правды и лжи в эпоху Л. Толстого и А. Чехова, а потом опять сорвалась в имперско-революционный загул.

«Большая стая лающих собак из западной псарни... разномастная свора хрюкающих подвинков...» Это не ложь, это смесь брани и бреда. Бредовое здесь — само использование брани без каких бы то ни было познавательновменяемых мотиваций. Это уже даже не Палата № 6, а психлечебница размером в огромную страну, где вместо врачей правят сами сумасшедшие, а всех лекарей и лекарства они заперли или уничтожили, окружив страну колючей проволокой и стеной врагов. Пациенты называют себя пацанами. Они агрессивны, время от времени врываются на территории других стран и заражают их своим безумием, переворачивают там все вверх дном. К тому же они вооружены и могут при желании уничтожить мир, непрерывно держа его под ядерным прицелом.

Кроме «пациентской», есть еще одна «субкультура», где различие лжи и нелжи просто не имеет места, — это криминальная. Недаром слово «вор» происходит от того же корня, что «врать», и первоначально означало «мошенник», «обманщик».¹⁴³ Вор не отличает чужое от своего, точнее, его специальность именно в том, чтобы чужое делать своим. Взглянем на

¹⁴³ <https://vasmer.slovaronline.com/2119-VOR>

Русский антимир

героев разоблачительных документальных фильмов А. Навального: руководителей государства, прокуроров, министров, привластных олигархов, высших чиновников и их детей... Разве эти люди занимаются ложью и обманом? Они такими категориями даже не мыслят. Они пилят деньги, строят дворцы, развлекаются с девушками, убивают соперников, презируют соотечественников (еще больше, чем иностранцев), рулят страной и пытаются рулить миром. А где правда и где ложь — им глубоко наплевать, они крутые пацаны и в гробу видели фраеров-моралистов.

Такие «субкультуры» или, точнее, «антикультуры», как криминальная или психопатическая, существуют в любой стране, но в России они, во-первых, соединяются, во-вторых, становятся социопатическим мейнстримом. Большевизм — это смесь психопатии и криминала под соусом псевдонаучного коммунизма, ставшая после Октябрьского переворота основой государственной и языковой политики. Так что о лжи в собственном смысле слова здесь не приходится говорить, поскольку разрушены, точнее, еще не созданы, не укреплены самые границы между реальностью и фикцией.

Отсюда такая типологическая разница между «ложью» в современной западной политике и в российской. Никсон лгал, Клинтон почти солгал, за что они в разной степени поплатились; против Трампа все еще ведется множество расследований. Но Путин и Медведев, Лавров и Песков не лгут, они просто пользуется речевым аппаратом, чтобы производить магические высказывания, уничтожительные для «врагов». Это «вранье», т. е. заклинательная речь, как в заговоре, волховании, в архаическом ритуале; и таким же враньем-ворожкой были речи советских лидеров, их идеологической обслуги и литературной свиты. Поэтому о «лжи» как основной российской проблеме говорить не приходится, до нее еще нужно дорасти.

Ночь языка.

Вербальный портрет 2022 г.

Как уловить смысл уходящего года? Каким он запечатлеется в сознании общества и в памяти потомков? Во многих странах мира проводятся выборы не только Человека года, но и Слова года (в Германии, США, Великобритании, Польше, Дании, Японии, Австралии...). Такие выборы проходят и в России уже в 16-й раз, и сравнение результатов разных лет позволяет оценить вектор исторического движения. Трудно поверить, что в 2007 г., когда были впервые организованы выборы, главными оказались

такие мирные, безмятежные, идиллические слова, как «гламур», «блог» и «блогер», «гендер», «пиар», «имхо»... Дальше последовали: 2008 — «кризис», 2009 — «перезагрузка», 2010 — «жара», 2011 — «РосПил», 2012 — «Болотная», 2013 — «Госдура», 2014 — «Крымнаш», 2015 — «беженцы», 2016 — «Брекзит», 2017 — «реновация», 2018 — «Новичок», 2019 — «протест», 2020 — «обнуление», 2021 — «вакцина».

Как проводятся выборы? Множество слов и выражений, наиболее характерных для данного года, предлагаются группами «Слово года» и «Неологизм года» на Фейсбуке (около 4 тысяч участников). Затем приступает к работе независимый Экспертный совет, в который входят лингвисты, филологи, писатели, журналисты, педагоги, культурологи, философы. Примерно так же определяются ключевые слова, «логомотивы» года и в других странах; например, в США этим занимается Американское диалектологическое общество, в Германии — Общество немецкого языка, в Японии — комиссия, выпускающая ежегодник «Фундаментальные знания современного языка».

В России голосование ежегодно проводится в трех номинациях: **Слово**, **Выражение** (словосочетание) и **Антиязык**.

Нынешний год — не просто кризисный, но катастрофический, в том числе для языка, который берет на себя небывалую эмоциональную нагрузку и пытается выразить невыразимое — сверхнапряжение боли, горя, стыда, сострадания, а вместе с тем и чудовищного лицемерия, двуличия, подлости, бесстыдства. Были предложения поставить наши выборы на паузу, дождаться лучших времен. Но где гарантии на лучшее? А главное, лингвистика сродни медицине: для них обеих нет ничего слишком страшного и запретного, и чем тяжелее недуг: общественный или телесный, — тем более востребован лингвистический или медицинский анализ, диагноз, описание симптомов, даже если нет надежды на исцеление. Каждый год — это как звено в непрерывной эволюции языка и самосознания общества. Пропустим одно звено — порвется вся цепь.

Отметим предварительно явные отличия от предыдущего года. Целиком ушла тема пандемии, ковида, вакцинации, которая господствовала в 2021 г. (*вакцина и вакцинация, QR, антиваксеры, антитела, ревакцинация, избыточная смертность, рекорд смертей, «Коммунарка»*). Слова *омикрон, бустер* не вошли в топ.

Отсутствуют указания на международные, глобальные процессы, которые, несмотря на растущую изоляцию России, еще отмечались в 2021 г. (*искусственный интеллект, цифровой след, глобальное потепление, изменение климата, климатическая горячка*).

Слово 2022 г. — **война**. Впервые за всю историю выборов Слова года, вероятно, не только в России, главным стало слово, которое в самой стране запрещено, приговорено к молчанию — и именно поэтому оно звучит так громко, кричит на весь мир. В том числе статьей Российского Уголовного кодекса. Раздел XII. Преступления против мира и безопасности человечества. «Ведение агрессивной войны — наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет» (ст. 353). Вот почему называть войну «войной» считается преступлением: это равносильно признанию преступности самой власти преступной, и за это, как за «фейк», положен срок вплоть до 15 лет. Соответственно стало уголовно наказуемым и слово «мир» — попробуйте написать его на листочке бумаги и выйти к людям. Кстати, ошибаются те, кто уподобляет нынешний режим оруэлловскому, с его лозунгом «Война — это мир». Там оба слова были выставлены напоказ и приравнены друг к другу. Таков громогласный старый тоталитаризм во главе с вечно правой идеологией. А нынешнее государство предпочитает действовать исподтишка, просто убирая слова, вырывая обществу язык.

Мобилизация, мобик/чмобик (частично мобилизованный), *беженцы, релокация, оккупация* — таков дальнейший ряд главных слов года. Выделенные из тысяч конкретных высказываний, как отдельная лексическая группа, они заставляют по-новому воспринимать реальность, стоящую уже не за речью, а за самим языком. И вдруг начинаешь понимать, что за сотни лет, прошедшие со времен Орды, страна так и не стала оседлой цивилизацией. Кочевье, колонизация новых земель продолжается. Причем кочевье — это не только территориальная экспансия, это социальная и психологическая хаотизация, выбивающая людей из устойчивых связей и локаций. Вся история страны за последний век — новоордынская, и нынешняя война вписывается в нее как последняя фаза. Несколько волн эмиграции, миллионы беженцев революционных и военных лет; насильственное переселение целых народов и сословий, «раскулачивание», «расказачивание»; ГУЛАГ, тюрьмы, колонии, поселения, с миллионами ссыльных, заключенных, оторванных от дома; массовое сиротство, приюты, дети без родителей или живущие в неполных семьях; криминализация населения, масса людей в бегах (от закона и от беззакония); отсутствие стабильности, политические ветра и бури, сменяющие курс каждые несколько лет и гонящие людей в разные края страны и за ее пределы, — все это тоже формы ордынства, кочевья внутреннего и внешнего. Вот и сейчас: *мобилизация* одних и *релокация* других. И, как следствие, волны вторичного, вынужденного кочевья в других странах — многомиллионный поток беженцев из Украины.

Власть и язык

В первый ряд слов года попали и такие определения нынешнего государственного режима, как *рашизм*, *фашизм*, *империализм* (именно в таком порядке), а также — вот удивительно — латинская буква Z, непостижимым промыслом ставшая одним из главных русских слов-идеологом. Уже в первые дни после войны телеграм-канал радикального православного движения «Сорок Сороков» стал называться «Зорок Зороков», а другой патриотический канал — «Записки ветерана». Губернатор Кемеровской области заявил, что название региона в официальных материалах будет писаться как «КуZбасс» ...

Вообще в последние десятилетия во многих славянских и неславянских языках: Сербия, Азербайджан, Казахстан — наметился переход с кириллицы на латиницу; недавно путь к такой реформе обозначился и на Украине. Но Россия, верная азбуке предков, представляла незыблемым бастионом на этом пути. Кто бы мог подумать, что латиница начнет проникать в русский язык со стороны не западников и космополитов, а самых что ни на есть патриотов, причем в разгар жесточайшей войны против всего западного? Отсюда и лозунги «За победу», «За единение», «За Родину!» Оказывается, в родном языке нет более наглядных средств для выражения любви к отечеству, чем буква, стоящая в конце латинского алфавита и как бы символически предвещающая конец тому, кто себя с ней отождествляет. Это нагляднейший, буквально азбучный пример того, как воинствующий патриотизм, «роднобесие», «святобесие» в припадке самоослепления разрушает свои святыни.

Вторая номинация — **Выражение года**. И здесь тоже торжествует *война* и ее производные, атрибуты и синонимы. На первом месте: **СВО** — **специальная военная операция**. Далее: *нет войне! русский военный корабль, иди на ...!*, *ядерный шантаж*, *военные преступления*, *страна-террорист*, *военное положение*, *ЧВК — частная военная компания Вагнер*, *грязная бомба*, *ядерное оружие*.. Никогда раньше за все 16 лет наблюдения язык не был так сосредоточен на одной теме, на производстве и переживании одних и тех же смыслов — тотальной войны, разрушения, гибели. И раньше у российского конкурса, в сравнении с иноязычными, была своя специфика: слова не столько вели в будущее и служили метками нового (в обществе, науке, технике, культуре, досуге), сколько выступали как знаки травмы, как заклинания, попытка стряхнуть с себя гнет и ужас настоящего, превратив его в прошлое, назвав его по имени. Но в этом году концентрация негатива достигла предела. Воистину наступила ночь языка.

Русский антимир

Наконец, третья номинация — **Антиязык**, язык лжи, пропаганды, агрессии, дезинформации, ненависти. Сюда входят слова, выражения, фразы, извращающие то, что они обозначают, очерняющие белое или обеляющие черное. Эти слова при употреблении хотелось бы поставить в кавычки, как выражение чуждой точки зрения. Например, такие очевидно лживые утверждения: «Мы на Украину не нападали» (С. Лавров) или «Россия никогда ни на кого не нападала» (патриарх Кирилл) — явно попадают в Антиязык.

Первое место в этой рубрике заняло выражение **дискредитация армии** — так трактуется любое мнение о ходе войны, которое не совпадает на 100% с официальным. Именно по этой статье заводится наибольшее число уголовных дел, именно здесь антиязык являет свою наибольшую античеловечность. Между тем главными обвиняемыми по этой статье должны стать сами военачальники. Никто не дискредитирует армию больше, чем она сама себя: своим непрофессионализмом, коррупцией, криминальностью, зверствами и грабежами по отношению к мирному населению.

На втором месте идиома, на счету которой десятки тысяч убитых, раненых, лишенных крова: **денацификация и демилитаризация**. Так заявлена цель войны, и в жертву ей приносится целый народ, включая детей, женщин и стариков. Казалось бы, пустые слова, ничего не означающие, — но они вампиричны, и таково вообще свойство антиязыка: он не просто лжив, он смертоносен, он питается кровью живых. На третьем месте — **иностранный агент**, еще один мем-мучитель, инквизитор. Это старожил нашего конкурса: с 2012 г., с момента своего учреждения Государственной Думой это словесное клеймо неизменно занимает подходящие ему высокие места в Антиязыке.

Каждое выражение в этой рубрике — это своего рода смысловое извращение или перевертыш. **Освобожденные территории** — про те украинские земли, которые по всем законам являются захваченными, оккупированными. **Братский народ** — над которым творят геноцид. **Высокоточное оружие** — про ракеты, которые убивают гражданское население, разрушают дома, школы, детские сады, больницы. **Своих не бросаем**. Горы забытых, брошенных трупов. И, по сути, еще как бросают! — на смерть, на позор.

Года три назад, с целью успокоить публику, взрывы стали в прессе именоваться **хлопками**, наводнение — **подтоплением**, крушение самолета — **жесткой посадкой** и т. д. Сейчас палитра этих эвфемизмов заметно расширилась. Позорное отступление армии называется **перегруппировкой** или **жестом доброй воли**; падение экономики — **отрицательным ростом**; варварский вызов мировой цивилизации — **особым путем**; патриархат,

домострой, семейное насилие — *традиционными ценностями*. И те же перевертыши в сфере дисфемизмов, т. е. слов, занижающих, очерняющих действия, неугодные Кремлю. Критика войны и агрессии — *русофобия*. Страны и народы, которые не в восторге от политики путинизма, — *недружественные страны, Гейропа, Пиндостан, англосаксы* (слово, выкопанное патриотами и евразийцами из средневековых хроник: так называлась группа германских племен на Британских островах с V по XI век).

Отнесение определенной лексической единицы к антиязыку требует критической рефлексии. Например, **многополярный мир**, одна из главных идеологем путинизма, которая служит для противостояния *коллективному Западу* — что она реально означает? Вторгайся в соседние страны, бей, грабь, убивай, насилуй, нарушай все международные законы и общечеловеческие нормы — и присвоишь себе право быть еще одним «полюсом». *Нынешний российским режим ничего не может предложить миру, кроме разрухи, насилия, воровства, лжи, криминалитета, абсолютной милитаризации вплоть до угрозы уничтожить всю планету. Выдавать это за некий самоценный «полюс» в развитии цивилизации — значит глумиться над самим понятием цивилизации и над смыслом слова «многополярный».* То, что значительная часть населения не способна различить природу этой демагогии, говорит не столько о блеске пропаганды, сколько о затмении общественного сознания.

В антиязык попадают и такие перлы президентского остроумия, как *резиновая попа, сидеть на попе ровно и не крякать и нравиться — не нравится, терпи, моя красавица* — интересный материал для суждения о сексуальных ориентациях автора. В этом контексте, кстати, вполне конкретный смысл приобретает известная реплика Юрия Шевчука, занявшая высокое место среди выражений года: *Родина — не жопа президента*.

К этой же рубрике относятся и выражения идиотической непричастности к происходящему: *а что случилось?* — или попытки уклониться от оценки зла, а тем самым и оправдать его: *не всё так однозначно*.

В выборах предыдущих лет неизменно присутствовала еще одна важная номинация — **протологизмы**: слова или словосочетания, только что созданные, впервые представленные на суд общества. Среди них было много смешных, шуточных, вызывающе дерзких. В этом году конкурс по этой рубрике не проводился, но некоторыми «первословиями» все-таки хотелось бы поделиться, поскольку они, отчасти именно благодаря своей новизне, особенно точно выражают дух времени. Эти слова и выражения даются ниже с определениями и примерами употребления.

Русский антимир

Построссийская Евразия — северная Евразия после распада или исчезновения российского государства. Термин кажется футуристическим. Но кто мог бы предсказать в советскую эпоху, что возникнет «постсоветская Россия»? *Построссийская Евразия стала территорией нескольких государств: президентских и парламентских республик, а также одной монархии. Китай, Япония и Турция — вот три страны, которые соперничают за сферы влияния в построссийской Евразии.*

Противомировая война — война против всего мира. Не следует путать мировую и *противомировую* войну. Если в мировых войнах сталкиваются сопоставимые по силе государственные коалиции, то война, в которой одна страна бросает вызов международному сообществу, по сути всему миру, не заслуживает названия «мировой». *Вопрос на экзамене по истории в конце 21 в.: Когда началась первая и пока что последняя **противомировая война**?— В 2022 г. — Неверно. В 2014 г.*

Онтоцид (ср. геноцид) — тотальное уничтожение всего сущего, война с бытием как таковым. **Онтоцид** — в основе ряда религиозных и политических движений, таких как гностицизм, евразийство, рашизм. Мир лежит во зле, захвачен Западом или Антихристом, а значит, подлежит уничтожению.

Рушистика, рушизм — идеология и практика разрушения всего, включая самого разрушителя. Когда говорят о *рАшизме* как о русском фашизме, недооценивают разницу между ними. Фашизм разрушал, чтобы создавать порядок — страшный, насильственный, смертоносный, но тем не менее порядок, прежде всего на своей территории, но также и на завоеванных. *РУшизм*— это идеология подрывных действий по всему миру, сознательного внесения хаоса в мировой порядок. Сладострастие полного разрушения — такова эта метафизика презрения к бытию, еще раз прорепетированная в Буче, в Ирпене, в Мариуполе. *Рушичи* — племя разрушителей, общность, основанная на инстинкте уничтожения и опустошения. Вот уже полтора века *рушистика* идет вперед семимильными шагами: от народовольцев и революционного подполья — через большевизм, попытки мировой революции — к экспансии хаоса и энтропии по всему миру. *Рушистика* в цитатах: «...Надо думать не о том, наступит или не наступит конец мира, нам надо думать, как его осуществить» (А. Дугин, идеолог евразийства); «Наконец-то, господи!.. Мы взорвём этот мир! Мы всех убьём!» (И. Охлобыстин, актер и православный священник); «Все, всех победим, всех убьем, всех, кого надо, ограбим — все будет, как мы любим. Давайте, с богом» (Владлен Татарский, военкор, из Георгиевского зала

Кремля, 30.9.22). *Рушизм* — это не только идеология, но и религия разрушения. Недаром они прибавляют «с божьей помощью», «с богом».

Подведем итоги. В 2022 г. достигает пика тенденция, нараставшая в российских конкурсах «Слово года» после 2008 г. (*принуждение к миру* в войне с Грузией) и особенно после 2014 г. (*Крымнаш*) Чем больше официоз нажимает на определенные слова, превращая их в идеологемы, тем скорее они превращаются в антислова, единицы антиязыка, и вызывают соблазн их исковеркать, передразнить. Ответом на застылые, величавые слова-маски становятся гримасы и ужимки языка. Так, на слово-призыв *мобилизация* язык отвечает мрачной усмешкой: *могилизация*. А также *мобилизайцы* — те, кто бежит, уклоняется от мобилизации. На запрет лозунга *нет войне* — лозунгом-обманкой *нет вогле* или даже *хек вогле*. *Дегенералы, дегенералитет* — военачальники в стадии деградации и дегенератства...

В современном русском нейтральная, безоценочная, чисто назывательная или обозначательная зона все более размывается потоками двух встречных экспрессий: командно-пропагандной, славословящей — и снижающей, насмешливой, презрительно-издевательской. Язык все меньше описывает, анализирует, размышляет — и все больше кричит, требует, восхваляет, осуждает, проклинает, глумится.

Отметим еще две взаимосвязанные тенденции. Значительно ослабела тема противостояния власти и общества (оппозиции). От нее остались выражения *иностраннный агент, бункерный дед*; прибавилась *могилизация* (в 2021 г.: *Дворец Путина, «Мемориал», пытки, репрессия, трусы Навального, дружелюбный концлагерь. Следственный комитет, задержание, берлинский пациент, проверить на предмет экстремизма*). Одновременно резко расширилась область антиязыка, пропагандистского, агрессивного использования слов и выражений.

Однако само распространение антиязыка и его осознание как «анти», стремление его остранить, закавычить, использовать как цитату свидетельствует о жизни языкового сознания, которое отчуждает от себя мертвые, пропагандистские клише, дает им негативную оценку. Протестный потенциал языка воплощается теперь не столько в лексике, сколько в экспрессии, в отторжении лживых слов, в растущей дистанции по отношению к пропаганде. И чем она яростнее и наглее, тем заметнее этот окружающий ее барьер неприкасаемости, неучастия, закавыченности. Да, это ночь языка, но само переживание этой тьмы, во всей ее сгущенности, рождает надежду на то, что еще не ушло чувство правды, чувство света.

Язык сильнее государства. Когда завершится правление Путина?

Социологи, политологи, военные эксперты изощряются в анализе разных тенденций, чтобы определить, когда же подойдет к концу правление Путина. Конспирологи, астрологи, телепаты, шаманы и анти-шаманы выступают с волнующими пророчествами. Но есть и более простой и ничуть не оккультный способ, основанный на мегатрендах, точнее, «странных аттракторах», действие которых нельзя уловить на короткой исторической дистанции. По моим прогнозам, сделанным еще в августе 2020 г., правление Путина закончится в 2023-м. И это не обусловлено напрямую текущей политикой.

6 августа 2020 г. по поручению Путина была создана правительственная комиссия по русскому языку. Цель: «разработать целостную языковую политику, определить единые требования к созданию словарей и грамматик, содержащих языковые нормы, провести экспертизу правил русской орфографии и пунктуации».

Когда верховная власть решает заняться вопросами языкознания, она подписывает себе символический приговор. Одержав много политических побед, построив общество сверху донизу, она доходит в своей гордыне до попытки отрегулировать язык. Но, как заметил Иосиф Бродский, язык древнее и могущественнее государства. И на этой последней попытке власть ломается, как сломалось самовластие старухи из пушкинской сказки, когда она, воссев в царских палатах, решила стать владычицей морскою, т. е. овладеть свободной стихией.

Знаменательно, что, добившись «обнуления президентских сроков», т. е. несменяемости своего правления на «всенародном» голосовании, закончившемся 1 июля 2020, — уже в следующем месяце президент делает менее заметный, но по сути роковой шаг: пытается утвердить власть уже не только над речью (мнением, высказыванием) народа, но и над самим языком. У таких попыток руководить языком «сверху» есть исторические прецеденты.

Ровно за сто лет до того, в 1920 г., к исходу Гражданской войны, когда большевики уже победили на всех фронтах, В. И. Ленин позволил себе кратко отвлечься на руководство языком, написав заметку «Об очистке русского языка», где требует изгонять иностранные слова и «объявить войну коверканью русского языка».

Через три года Ленина постиг удар, и вскоре его не стало.

В 1950 г. И. В. Сталин внес еще более фундаментальный вклад в развитие языка, написав брошюру «Марксизм и вопросы языкознания», где отвергает вульгаризацию классового подхода к языку. Брошюра завершается крылатой фразой: «Внедрение марксизма в языкознание — таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание».

Языковеды горячо благодарили т. Сталина, но через три года вождя не стало.

В начале 1960-х гг. Н. С. Хрущев затеял масштабную орфографическую реформу, которая должна была упростить правописание до такой степени, чтобы сам первый секретарь, закончивший только церковно-приходскую школу, мог считаться вполне грамотным. Но через три года его не стало (на руководящем посту).

Приведу любопытные подробности. Предлагалось упразднить твердый знак — заменить его мягким, а также упразднить мягкий знак после шипящих: объем, подъезд, доч, мыш, молодеж, знаеш, хочеш. Писать «о» после шипящих, «и» после «ц»: чорный, жжот, ципленок, отци, огурци. Наречия писать слитно: вобщем, заглаза. Отменялись чередования в корнях: ростение, возрост, загарать. И другие новации: заец, брошура...

В сентябре 1964 г. эти предложения Государственной орфографической комиссии Академии наук были опубликованы — и встречены единодушным одобрением советского народа. Еще 12 октября газеты с восторгом писали о нововведениях, о мудром партийном руководстве и грядущем неуклонном повышении грамотности. Но 14 октября состоялся пленум ЦК, на котором Хрущев был отстранен от власти. Вслед за его политической смертью сразу же приказала долго жить и реформа: вся пресса начала ее дружно охаивать как проявление волюнтаризма, а деятели культуры смело заявили, что не станут есть «огурци».

А ведь власть Хрущева, как и власть Ленина и Сталина, никогда не была столь уверенной и крепкой, как в те исторические моменты, когда они решались продемонстрировать ее на вопросах языкознания.

На основе этих исторических прецедентов можно предсказать примерно три года правления президенту с того момента, как он, добившись всех мыслимых побед и даже обнулив свой срок, пожелал «стать владычицей морскою», т. е. утвердить свою власть над языковой стихией. Провозгласив эту задачу в 2020 г., президент обозначил свой физический или политический конец 2023-им годом. Власть достигает высшей точки самонадеянности примерно за три года до своего крушения: таков отмеренный срок «лингво-политического» процесса в России. Можно выиграть все политические битвы, победить белых, фашистов, космополитов, ревизионистов, либералов, санкции, пандемии и т. д. и т. п. Но...

Язык не прощает ту власть, которая на него покушается.

Это предсказание было опубликовано в «Новой газете» 8 августа 2020 г.¹⁴⁴ Не так уж долго остается ждать его проверки.

¹⁴⁴ Эпштейн М. Язык может не простить.
<https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86574-yazyk-mozhet-ne-prostit>

Мысли по ходу событий

В этом разделе — маленькие эссе и заметки, посвященные событиям 2022 г. До марта 2022 г. они, как и в предыдущие годы, публиковались в моих блогах на «Эхе Москвы», в «Снобе» и на Фейсбуке. С тех пор как первые два издания были полностью или частично закрыты, они появляются только на Фейсбуке, где я продолжаю делиться с друзьями и подписчиками мыслями о происходящем.¹⁴⁵ Ниже курсивом обозначены события, послужившие поводом для заметок.

Ультиматум Западу 17 декабря 2021

Орда сама по себе

Когда началась война России против Украины? 24 февраля 2022 г.? В 2014 г. (Крым)? В 2008 г. (Грузия)? У каждого исторического события много начал, и одно из важнейших — 17 декабря 2021 г., когда Кремль выдвинул Западу заведомо невыполнимый ультиматум. Убирайтесь из тех стран, которые после 1997 г. пожелали войти в НАТО. А это вся восточная Европа, 14 стран, включая Польшу, Чехию, Болгарию, страны Балтии... Как красочно выразился заммин иностранных дел С. Рябков, «собирайте свои манатки» (российские дипломаты уже давно перешли на язык гопников).

И тогда в воздухе Европы повеяло степными просторами, откуда исстари накатывались кочевники. Андрей Вознесенский писал:

чую Кучума,
чую мочу
на жемчужинах луврских фаюмов —
чую Кучума,
пыль над ордою встает грибовидным самумом,
люди, очнитесь от ваших возлюбленных юных,
чую Кучума!

(«Пролог», 1967)

¹⁴⁵ <https://www.facebook.com/mikhail.epstein>

Мысли по ходу событий

Собственно, Кучум, а точнее, Чингисхан, никогда и не уходил. Он перевоплощался то в царя опричников, то в вождя пролетариата, а потом вселился в подполковника-чекиста, так что «пиджак трещал по швам» (по выражению того же Вознесенского).

Военный ультиматум, выставленный Западу, вызвал вопросы о причинах и целях. Зачем обострять противостояние? Зачем вторгаться на Украину, что с ней делать? Какая от всего этого выгода властям, уже имеющим все, чего можно пожелать, включая территорию и ресурсы самой большой страны на свете?

После того как московское княжество, входившее в состав Золотой Орды, отказалось платить дань, оно, по современным понятиям, совершило государственный переворот, причем мирным путем — стоянием на «майдане», на реке Угре. Так началась история нового государства: Московской Руси, а впоследствии Российской империи и Советского Союза.

При этом стратегия противостояния России Западу оставалась в основном неизменной, хотя имела различные мотивации. В XVI–XIX вв. эта мотивация была религиозной: Москва — третий Рим, оплот истинной православной веры против католического и протестантского Запада. Затем — борьба самого передового социалистического государства с миром капитализма, эксплуатации, частной собственности.

В наше время обе эти мотивации отпали. В России — такой же капитализм, как на Западе, более хищный, коррупционный, но идеологических мотивов для войны не просматривается. Тем более утратило смысл религиозное противостояние, поскольку первая и главная мишень, Украина — столь же православное государство, как и Россия. Таким образом, Россия, отбросив все мотивы своего прежнего противостояния Западу, возвращается в состояние своего материнского государства — Орды: самоцельная экспансия. Древнейший инстинкт уже без всякого камуфляжа. Сдавленная пружина находит причину распрямления в себе самой. Трудно не согласиться с Борисом Акуниным: «Московия, а за нею Россия унаследовала великую монгольскую мечту об объединении Евразии от океана до океана».¹⁴⁶

Ни религиозно-мессианские, ни социально-утопические оправдания этой мечте уже не нужны: голая власть, подкрепленная авторитетом дальнобойного лука. У воинов Чингисхана стрела поражала цель на расстоянии 400 шагов (даже прославленный английский longbow бил только

¹⁴⁶ Борис Акунин. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М.: АСТ. 32014, С.341.

Русский антимир

на 300). С этим луком они и прошли от Тихого океана до берегов Атлантического. Если представить великого хана, оснащенного ядерным оружием, то вопросы идеологические, религиозные и вообще причинно-следственные отпадают. Хан, ханство, ханствовать, по-хански... сам этот корень в своих производных говорит за себя, подтверждает и расширяет свой исконный смысл. Орде безразлична любая религия и идеология, ей нужно только ордынствовать: как можно больше Орды, всегда и везде!¹⁴⁷

Закрытие Мемориала 28 декабря 2021

Конец постсоветской России

Сегодня, с закрытием Мемориала, завершается и большая эпоха в жизни страны, которая называлась «постсоветская Россия». Продлилась она 30 лет и 3 дня: 26.12.1991 — 28.12.2021. «Постсоветская» — значит та, которая отталкивалась от своего прошлого, оставляла его позади, и символом этого самопреодоления был «Мемориал», основанный А. Д. Сахаровым.

Какой период начинается теперь? Трудно сказать, но скорее всего он уже относится не к прошлому, а к будущему, к пред-стоящему. А что стоит за этим «перед»? Очень не хотелось бы, чтобы это был обрыв, конец, как у Достоевского: «...Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной...»

Сон 3 февраля 2022

Сведения ОТТУДА

Мне приснился разговор с Андреем Битовым, умершим три года назад.

Я его спрашиваю: «Ну как там у вас, что делается? А то никакие определенные сведения о вашем мире сюда не доходят. Все как-то размыто».

¹⁴⁷ Опубликовано на «Эхе Москвы» 19 декабря 2021 г. Перепечатка на Росбалте 20.12.2021. <https://www.rosbalt.ru/posts/2021/12/20/1936480.html>

Мысли по ходу событий

Он отвечает: «Ничего определенного и нет. Может быть так или эдак. По-разному. Одно и то же — и частица, и волна. Все это не имеет значения».

— А что имеет значение?

Он подумал и в своей невозмутимой манере ответил: «Терпение».

*День, когда по предсказаниям экспертов,
Россия должна была напасть на Украину.
16 февраля 2022*

Историческое не-событие, или Праздник ноля

Это событие было назначено на 16 февраля — согласно американским разведанным, перехватам и пр. И оно было пережито сотнями миллионов людей именно в этот день: в инфосфере, психосфере (страх, тревога, депрессия) и даже в социосфере (переезд посольств, отмена авиарейсов). Поэтому 16 февраля 2022 г., несомненно, войдет в историю — как день эпохального **не-события**. Не-нападения России на Украину. Не-начала войны в Европе. Не-перекрытки карты мира, со всеми угрожающими последствиями, вплоть до третьей мировой.

Конечно, мы не знаем, что случится дальше: тактическая ли это отмена, отсрочка, — или развилка, через которую история двинулась одним из альтернативных путей. Но представим себе, что такое **не-событие** произошло бы 28 июля 1914 г., когда началась Первая мировая война, или 1 сентября 1939 г., когда началась Вторая. Как это «не-начало» изменило бы ход мировой истории! Поэтому из двух формулировок: «событие не произошло» или «произошло не-событие», я выбираю вторую. Нечто очень значимое состоялось в этот день, изменило информационный код истории. Как известно, ноли в бинарном коде играют такую же роль, как единицы, они имеют место, они присутствуют. Сама 1 в двоичном коде значима только благодаря 0. Без 0 нет кода и нет сообщения.

Не исключено, что именно огромное, «зашкаливающее» присутствие самой возможности этого события в информационной сфере свело на нет его материальное выражение, т. е. сделало фактически не-событием. Причем роль ноля в нашей информационной вселенной будет только возрастать. Еще полвека назад Юрий Лотман писал: «Ценность тех или иных знаков будет зависеть от убывания в них удельного веса «материаль-

Русский антимир

ного», то есть выражения. Наиболее высоко будет стоять знак с нулевым выражением — несказанное слово».¹⁴⁸

Возможно, история действительно подошла или подходит к тому рубежу, когда информационное поле уже перетягивает на себя материальное, вбирает его и придает всему происходящему виртуальное измерение, заставляя его не-происходить.

Ничто, пустота, пробел, пауза играют огромную роль в бытии, в мышлении, в культуре. Чем была бы математика без ноля, музыка без пауз, письмо без пробелов?! Но нет ни одного праздника, посвященного именно нолю. Всегда празднуется что-то, а не то ничто, которое — праоснова всего и задает смысл всему. 16 февраля заслуживает того, чтобы отмечаться как праздник ноля, ZERO FEAST.

Умер Александр Янов 18 февраля 2022

Двуликий Янус: историк-пророк

Скончался Александр Львович Янов (18.4. 1930, Одесса — 18.2. 2022, Нью-Йорк) — крупнейший российский, а затем американский историк: двух месяцев не дожил до своего 92-летия и шести дней — до начала войны, которую он предвидел, но не ожидал. Он ушел на том крутом историческом повороте, который сам давно, еще с 1993 г., предсказывал как «веймарскую Россию»: по аналогии с Германией 1930-х гг., когда страна, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, двинулась к реваншу, обернувшемуся Второй мировой. Этот же путь, по Янову, обречена была повторить и Россия после демократических реформ 1980-1990-х гг. Янов верил, что из этих порочных кругов истории есть выход, верил в будущее российского европеизма и либерализма — но умер как раз в момент их наибольшего затмения.

Немецкий романтик Фридрих Шлегель, как известно, считал, что «историк — это пророк, обращенный в прошлое». Янов был как двуликий Янус, — символическая переключка имен! Янус — древнеримское божество порогов, входов и выходов; у него два лица, поскольку он, как врата,

¹⁴⁸ Лотман Ю. Статьи по типологии культуры, 1970.
<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/lotman-yurij-mihajlovich/statji-po-semiotike-kuljturi-i-iskusstva/3>

открывается в обе стороны. Как историк, Янов смотрел в прошлое, а как пророк, угадывал будущее. Новую оттепель, перестройку и гласность он предсказал еще в книге *The Origins of Autocracy* (1981), когда СССР вступил в самое мрачное время поздней брежневщины и андроповщины.

А на заре ельцинского правления, еще в статье 1993 г., а затем в книге 1995 г. «После Ельцина. Веймарская Россия», он высказал ошеломляющую, фантастическую по тем временам гипотезу, что в недалеком будущем Россия откажется от своих демократических завоеваний и встанет на путь фашизации и фантомного империализма.

Правда, позднее, уже в 2011 г., он отказался от этой гипотезы, надеясь, что европейский «геном» в истории России все-таки победит ордынство и холопство.¹⁴⁹ И в этом тоже была двойственность Янова-Януса: когда в 1990-е Россия двинулась по пути демократических реформ, он предсказал ее фашизацию; а когда в 2010-е страна резко сдвинулась к авторитаризму, национализму, конфликту с Западом, — исключил возможность фашизма.

Начиная с диссертации «Славянофилы и Константин Леонтьев: вырождение русского национализма 1839–1891» (1970), Янов посвятил себя исследованию русского национализма, его исторической эволюции и политической перспективы. После эмиграции в США в 1974 году Янов опубликовал ряд книг, призванных предупредить Запад о растущей опасности «русской идеи». В отличие от своего современника Натана Эйдельмана, который, как историк, сосредоточился на положительных героях русской интеллигенции, прежде всего, на декабристах и Герцене, Янов концентрируется на тех фигурах, которых либеральная традиция изображает в черном свете. Если Эйдельман в своих книгах, изданных в СССР, опирался на такие западнические и «левые» элементы официальной советской идеологии, которые позволяли ему прославлять диссидентов прошлого, то Янов выступает прежде всего против националистического диссидентства, как прошлого, так и настоящего. В том числе против А. Солженицына, с которым у него состоялась открытая и нелицеприятная полемика, правда не прямая, не во втором, а в третьем лице. Солженицын о Янове: «с профессорской кафедры напечатал уже две книги с разбором СССР и самым враждебным отношением ко всему русскому». Янов: «Солженицын-романист на каждом шагу противоречил Солженицыну-пропагандисту».

¹⁴⁹ См. его книгу «История одного отречения» (Новый хронограф», 2012), а также статью «История одного отречения. Почему в России не будет фашизма?» (Сноб, 15.12.2011).

Русский антимир

Один из центральных вопросов у Янова — отношение между советским и досоветским периодами российской истории. Здесь можно выделить четыре основные точки зрения. Первые две противопоставляют эти периоды, две другие — объединяют.

1. *Официальная, марксистско-ленинская* точка зрения противопоставляет славный, советский период темной и деспотичной эпохе самодержавия и крепостничества.

2. Это противопоставление советского и русского поддерживается с позиций *романтического консерватизма* (например, у Солженицыным), но в прямо противоположном смысле: советский период рассматривается как деградация славного русского прошлого, разрушение России под натиском левых идеологий.

Два других подхода стремятся, напротив, приписать российской истории преемственность и найти общие факторы, объединяющие советскую и дореволюционную эпохи.

3. *Критически-либеральный* подход: через всю российскую историю, как дореволюционную, так и советскую, прослеживается один авторитарный и империалистический импульс, переходя из самодержавия в коммунизм.

4. *Патриотически-националистический* подход: та же преемственность рассматривается в позитивном ключе, советский период — дальнейшее развитие и укрепление России в качестве великой мировой державы; Сталин — наследник и хранитель величия российской империи. Этот подход изначально продвигался евразийцами — русскими эмигрантами 1920-х годов, которые вскоре после Октябрьской революции выступили в поддержку советскому режиму как растущему потенциалу дальнейшей российской экспансии.

Именно этот подход, «*национал-коммунизм*», пытающийся объединить русский национализм и советский коммунизм, — в центре исследований А. Янова, как параллель немецкому национал-социализму. При этом Янов отмечает глубокую разницу между славянофильством и евразийством, между неоромантической и неофашистской платформами. Романтический национализм солженицынского типа был формой диссидентства, поскольку решительно противостоял идеологии советского марксизма. Национал-коммунизм напротив, воспринял советскую идеологию в ее наиболее жесткой сталинской модификации. Славянофильство консервативно, евразийство современного образца — одновременно архаично и футуристично, поскольку исходит из моделей «арийского» прошлого и стремится навязать их всему человечеству как будущее, как утопию «Великой

Традиции». Это делает «четвертую» позицию объектом самой резкой критики Янова: уже в 1980-е он обращается к евразийской платформе как к самой большой угрозе развитию российской демократии.

Эволюция «русской идеи», по Янову, проходит три основные фазы: от *либерального национализма*, противостоящего правящему режиму (Солженицын 1970-х), до *изоляционистского национализма*, стремящегося к сотрудничеству с националистической частью истеблишмента, и, наконец, до *милитаристского и империалистического черносотенного национализма*, который в процессе контрреформ сливается с официальной идеологией.¹⁵⁰

Заглядывая далеко вперед, Янов еще тогда, в самом начале перестройки, предсказывал, что «постперестроечная», антидемократическая реакция примет форму неонацистского государственного переворота, в результате которого определенная версия воинствующего национализма станет новой государственной идеологией российской «империи».

В дальнейшем, продолжая изучать авторитарные тенденции в российской истории, Янов сосредотачивается на другом ее векторе — либерально-демократическом. Российская история двигалась зигзагообразно, точнее, циклически, с чередованием реформистских и реакционных периодов. По Янову, «ничего подобного гибридной политической системе, одинаково способной и на свирепые диктатуры, и на регулярно сменяющие их либеральные оттепели, в Европе не было. Тем более системы, дотянувшей до XXI века».¹⁵¹

Янов выделяет более десяти периодов «перестройки», сменявшиеся контрреформаторскими периодами «застоя» и «реакции», которые в свою очередь сменялись новыми попытками перестройки: после Ивана Грозного, после Петра I, после Павла, Николая I и т. д. «Начиная с XVI века, была деиванизация, была депетронизация, была депавловизация, была дениколаизация и так вплоть до десталинизации, до дебрежневизации Горбачева».¹⁵²

Янов был уверен, что придет черед и депутинизации — и это окажется решающим и последним качанием маятника: Россия станет европейской страной: «Вот смотрите. В 1700-м году исчезла фундаменталистская церковь, в 1762-м — обязательная служба государству, в 1861-м — крепостное право, в 1917-го — «сакральное» самодержавие, в 1953-м — политическое идолопоклонство, в 1991-м — империя. Осталось от всей этой канувшей в Лету гигантской «порчи» лишь преклонение перед ореолом верховной власти, ее

¹⁵⁰ Янов. А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк: liberty, 1988, С. 116-17.

¹⁵¹ Янов А. Против течения (2019). <https://www.svoboda.org/a/29748652.html>

¹⁵² Янов А. «Русская идея» и Владимир Путин» (2016)

<https://www.svoboda.org/a/27485176.html>

Русский антимир

рейтинг, если хотите, последняя ниточка, на которой и держится сегодня в России самовластье»¹⁵³.

Хотелось бы согласиться с Яновым, но только ли дело в ореоле верховной власти и ее рейтинге? Даже в посткрымскую эпоху, когда «веймарство» уже отчетливо двигалось к новым реваншистским рубежам, Янов оставался оптимистом, считая, что Путин все-таки фигура не тех масштабов. «Ну, какой, извините, из Путина Гитлер?»¹⁵⁴

Янов ушел как раз накануне решающего испытания этой гипотезы: тянет или не тянет...¹⁵⁵

День защиты Отечества. 23 февраля 2022

Праздник освящения границ

Я предложил отмечать 23 февраля как День Терминалий, праздник границ, еще в самом начале нового века. Прочитав статью января 2001 г.: «Февраль — жесткий месяц, требующий ясных и четких линий как в манере поведения, так и в разговоре. 23-го февраля римляне справляли **праздник Терминалий**, в честь Терминов — богов границ и рубежей, совершая возлияния меда и вина на полевых межах и разделах. По странному совпадению этот же день стал Днем Советской армии — праздником защитников рубежей родины. Мы предлагаем вернуться к древней традиции и расширить значение праздника. Это праздник не только славного воинства, но и всех, кто любит четкость мыслей, суждений и слов, любит проводить разграничения и границы». ¹⁵⁶

С тех пор ежегодно я публиковал к 23 февраля статьи, призывающие отмечать этот день как праздник Терминалий, но в 2022 г., в приводимом ниже тексте, сделал особый упор на святости и нерушимости границ.¹⁵⁷ На следующий день началась война.

¹⁵³ «Зачем России Европа?» (2017). <https://snob.ru/profile/11778/blog/131593/>

¹⁵⁴ <https://snob.ru/profile/11778/blog/72957/>

¹⁵⁵ Опубликовано: Сноб. 20 февраля 2022
<https://snob.ru/profile/27356/blog/1005656/>

¹⁵⁶ Стиль Февраль. // Веер будущих. Техно-гуманитарный вестник (сетевой журнал, выпускаемый Александром Ромадановым и мною в 2000 — 2003 гг.). 30 января 2001. <https://www.topos.ru/veer/09.htm>

¹⁵⁷ 23 февраля: исторический смысл праздника. // Сноб. 22 февраля 2022.
<https://snob.ru/profile/27356/blog/1005707/>

Почему воинский праздник отмечается 23 февраля?

Историки затрудняются объяснить, почему именно 23 февраля было выбрано как «День Красной (Советской) Армии», а впоследствии — «День защитника Отечества». Официальное объяснение: «в ознаменование массового вступления добровольцев в Красную Армию в 1918 г. и мужественного сопротивления германским захватчикам, в честь отпора кайзеровским войскам под Псковом и Нарвой». На самом деле, если 23 февраля 1918 года и шли какие-то бои, то с неблагоприятным для красных исходом. Так, Псков был занят 24 февраля ротой немецких самокатчиков (мотоциклистов), причем, согласно донесению командования, город удалось бы отстоять, если бы было оказано какое-либо сопротивление. Однако четыре года спустя Лев Троцкий подписал декрет Реввоенсовета, объявлявший этот день праздником в честь создания Красной армии в 1918 г.

Позднее, когда Троцкий был осужден и изгнан из страны, датировка праздника становилась все менее понятной. Так, в 1935 году нарком обороны К. Е. Ворошилов в «Правде» отмечал, что «приурочивание праздника годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и трудно объяснимый характер и не совпадает с историческими датами». Очевидно одно: инициатива празднования 23 февраля принадлежала военному наркому Льву Троцкому, одному из самых эрудированных большевистских вождей, нацеленному на мировую революцию. Для символического укрепления нового строя он искал широчайших исторических параллелей, в том числе и в древнем Риме, которым вдохновлялась еще французская революция, в свою очередь вдохновившая русскую. Если искать в этой дате какую-то историческую или хотя бы мифологическую мотивацию, то стоит вспомнить, что именно 23-го февраля отмечалось в древнем Риме как праздник священных границ, нерушимых рубежей — «терминов». Терминус — пограничный камень или столб, межевой знак; граница, предел (от глагола «terminare», размежевывать, отделять, разграничивать, заканчивать). Отсюда «термин» — слово с точно определенным значением; «терминал» — вводное и выводное устройство компьютерной системы; «терминация» — завершение, конец.

Русский антимир

Праздник границ и межей

Под терминами в Риме понимались как государственные границы, так и межи частных владений. Кроме большого числа межевых терминов, существовал культ одного Термина: изображавший его камень был помещен в Капитолийский храм, что символизировало нерушимость границ Рима.

Земли народов других ограничены твердым пределом;
Риму предельная грань та же, что миру дана.
Овидий, «Фасты».

Именно эта символика государственных границ, потенциально совпадающих с границами всего цивилизованного мира, была сознательно или бессознательно усвоена советским режимом — при полном попрании изначального смысла этого праздника как освящения границ: и государственных, и частных владений.

О Терминалиях рассказывается в эпической поэме Овидия «Фасты», где излагаются обычаи предания, связанные с календарем римских празднеств:

Ночь миновала, и вот восславляем мы бога, который
Обозначает своим знаком границы полей.
Термин, камень ли ты иль ствол дерева, вкопанный в поле,
Обожествлен ты давно предками нашими был.

Знаменательно, что 23 февраля праздновалось и как последний день старого римского года, тем самым отмечая и важнейшую межу во времени. Римляне совершали над межевыми знаками обряды почитания и жертвоприношения. **Всякий, кто отодвигал пограничный камень, считался проклятым и мог быть оштрафован или даже казнен.** Владельцы прилегающих полей собирались у общего пограничного знака, термина, и каждый украшал гирляндами свою сторону камня или столба. Обряд освящался жертвоприношениями и возлияниями — медом, вином, молоком, зерном...

Терминалии праздновались для того, чтобы освятить границы как основу мира и содружества между соседями, земляками, соотечественниками, всеми, кто разделяется границами — и соединяется ими. Удачно проведенная граница — залог добрососедства. Без терминов, освящающих межи, началась бы междоусобица и война всех против всех. У людей

Мысли по ходу событий

нет ничего более общего, чем границы, разделяющие их. Вот как Овидий обращается к Термину:

Грань ты народа, и грань городам, и великим державам,
А без тебя бы везде спорными были поля.
Ты не пристрастен ничуть, и золотом ты неподкупен,
И по закону всегда сельские межи блюдешь....
Если же сдвинут тебя или плугом, или мотыгой,
Ты возопи: «Вот твое поле, а это его!..»

Термины были столь же почитаемы, как и пенаты, — божества домашней жизни, хранители очага. В сущности, пенаты и термины вместе охраняют покой общества: одни — освящая внутренность дома, а другие — границу участка (двора, поля, надела).

Что этот праздник означает сегодня?

Сегодня, когда границы снова начинают трещать и стираться с карт, как никогда важно вспомнить исконный смысл 23 февраля — праздника освящения границ. ***Причем охрана своих границ — это одновременно и охрана чужих границ, в том числе от собственных вторжений.*** Граница свята, поскольку разделяет. Поэтому День защитника отечества — это по сути и праздник ненасилия, независимости сопредельных территорий, защищенных друг от друга общей границей. Праздник Терминалий напоминает нам о дружественном смысле границы, о том, что без разделения владений невозможно добрососедство.

С той и с другой стороны тебя два господина венчают,
По два тебе пирога, по два приносят венка...
Пропросту празднуют все, и пируют соседи все вместе,
И прославляют тебя песнями, Термин святой!

Русский антимир

**За три часа до начала войны
7 часов вечера 23 февраля 2022.
(2 часа ночи 24 февраля по времени Киева)**

Я против

Я против войны.

Я против вторжения России в Украину.

Я против взаимного истребления славянских и любых других народов.

Я верю в силу поэтического слова.

О. Мандельштам, в разгар Первой мировой войны:

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран — эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом опять
Поют косматые свирели...
(«Зверинец», январь 1916)

И как урок той же войны — написанное Мандельштамом ровно 100 лет назад:

Всякая национальная идея в современной Европе обречена на ничтожество, пока Европа не обретет себя как целое, не ощутит себя как нравственную личность. Вне общего, материнского европейского сознания невозможна никакая малая народность. Выход из национального распада, из состояния зерна в мешке к вселенскому единству, к интернационалу лежит для нас через возрождение европейского сознания, через восстановление европеизма как нашей большой народности. («Пшеница человеческая», 1922)

10 ч. вечера 23.2. в Атланте (5 утра 24.2. в Киеве)

Началось. «Эхо Москвы». «Путин объявил о проведении специальной военной операции».

Мысли по ходу событий

Первый день войны

24 февраля 2022

Более страшного преступления нет на памяти человечества. Есть все-таки разница между убийством и братоубийством, хотя преступление остается преступлением. Самый тяжелый, Каинов грех.

...«Путинская Россия» — это сегодня звучит, как «гитлеровская Германия». Путин начал чудовищную войну против самой России, против ее будущего. Есть Путин — нет России.

Через три дня после начала войны.

Объявлено о повышенной готовности ядерных сил

27 февраля 2022

Россия изгойская

Н. Бердяев писал в «Русской идее» (1946): «Для русской истории характерна прерывность... В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия».

С тех пор, как это было написано, действительно, появилась новая Россия, и даже не одна. Страна, возникшая после советской России, естественно, называлась «постсоветской» (реже «посткоммунистической» или даже «демократической»). Эта Россия существовала недолго при Ельцине и отчасти в два первых срока Путина, быстро схлопываясь из демократии в автократию.

Но уже с 2008 г., после захвата грузинских территорий, стала возникать еще одна — *неоимперская Россия* (далеко не то же самое, что дореволюционная «Российская империя», которую Бердяев называет «Россией петровской»). В 2014 г. этой неоимперии было дано резкое ускорение захватом украинских территорий.

И вот теперь Россия переходит в новую фазу, которую с 24 февраля 2022 г. можно обозначить как «изгойскую». Эта страна, точнее, ее преступная верхушка самым бандитским образом нарушает международный закон, идет против всего мира — и мир отворачивается от нее, оставляя в изоляции на огромной территории, обреченной на запустение.

Русский антимир

Опустошение уже давно шло во всех сферах: убыль населения, уменьшение числа населенных пунктов, школ, больниц; но теперь, в разрыве связей с миром, этот процесс становится катастрофическим. Так что следующую, «пост-изгойскую» стадию российской истории в перспективе трех-четырёх десятилетий, как ни страшно предположить, можно будет обозначить словами Салтыкова-Щедрина: «История прекратила течение свое».

Впрочем, не исключено, что в середине 21 в. президент «Ассоциации русских земель», эклектического государственного образования на Восточно-Европейской равнине, встанет на колени перед памятником в центре Киева — памятником тем украинцам, которых Россия сейчас убивает. И совершит акт исторического покаяния — подобно тому, как в 1970 г. канцлер ФРГ Вилли Брандт преклонил колени перед памятником жертвам нацизма на месте бывшего гетто в Варшаве.

Р. С. Превращение России в страну-изгоя — это еще оптимистический вариант развития событий. Путин может с этим не согласиться. Трудно читать в его голове, но вот что думает идеолог евразийства Александр Дугин, которого на Западе иногда называют «мозгом Путина» (он много лет читал лекции по геополитике высшим чинам Генерального штаба): «...Надо думать не о том, наступит или не наступит конец мира, нам надо думать, как его осуществить. Это наша задача».

Что у Дугина в голове, у Путина в руках, ласкающих ядерную кнопку. Только что объявлено о повышенной готовности ядерных сил (особый режим несения боевого дежурства).¹⁵⁸

Закрытие «Эха Москвы»

3 марта 2022

Что происходит с либерализмом?

1 марта радиостанция «Эхо Москвы» была отключена от эфирного вещания в России, ее сайт был заблокирован Роскомнадзором, а 3 марта Совет директоров «Эха Москвы» решил ликвидировать радио и сайт. Такие же тяжелые тучи нависают и над «Новой газетой». Кажется, это конец либеральных СМИ. Сейчас во всем мире происходит что-то непонятное с

¹⁵⁸<https://www.rbc.ru/politics/27/02/2022/621b77959a79477dcca4c36f>

Мысли по ходу событий

либерализмом. Например, кого считать либералом в США: тех, кто крушит памятники Колумбу, Вашингтону, Линкольну — или тех, кто их защищает? Кого считать либералом в Европе: тех, кто противостоит исламскому фундаментализму — или тех, кто отстаивает толерантность по отношению к любым религиозно-этническим движениям, даже если сами они нетолерантны?

Зато с Россией все ясно. И когда нужно четко определить, что такое либерализм, я обращаюсь не столько к европейской философской классике (Локк, Милль), сколько к судьбе либерализма в России — так наглядно она очерчена его отверженностью, всеобщим непониманием.

Либерал в России больше, чем либерал, он еще и гуманист в широчайшем смысле, и все нападки на либерализм обычно исходят от людей, презирающих человека и готовых принести его в жертву государственной или национальной идее.

Слово «либерал» в России, в отличие от Америки, звучит гордо. Либерализм в России — это стояние «бездны мрачной на краю». Либералы — смертники, потому что их бьют с обеих сторон: и власть, и народ. В кратчайшем определении либерализм — это защита человеческих прав и свобод. Защита личности против гнета государства и против злобы толпы. Каждая личность нуждается в такой защите. Поэтому ненависть к либерализму — это страх свободы, неверие в себя, отказ от своего «я».

В России на протяжении веков, при любых режимах, либерализм был предметом ненависти. Державники и народники, революционеры и лоялисты, коммунисты и патриоты, славянофилы и евразийцы — все были против либерализма. Достоевский — Толстой — Ленин: равносторонний треугольник, и все они равно отдалены от либерализма. Это самая большая зона политического риска в России: каждый либерал — потенциально герой и жертва. В тех странах, где либерализму вольготно и комфортно, он часто вырождается в индифферентность, вседозволенность, бездумную толерантность, но в России ему не дано расслабиться. Быть либералом в России — значит быть *экстремалом*, это героический выбор, это мораль гонимых и отверженных, это бремя свободного человека. Поэтому одна из немногих ценностей, которую современное российское общество может предъявить миру, — это, как ни парадоксально, ценность политически самой слабой, уязвимой позиции: либеральной.

Русский антимир

Годовщина смерти Сталина 5 марта 2022

Лучший исход

Лучший вариант завершения нынешнего режима — то, случилось со Сталиным ровно 69 лет назад. Грешно ли молиться за гибель преступника, врага человечества? В православии есть и такая молитва: «Христе Боже нас: погуби Крестом Твоим борющегося нас...» А вообще в последние дни во мне звучат слова, памятные еще по послевоенному детству:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Именно это сейчас и происходит с Украиной, только нашествие Орды — не с запада, а с востока, как и в эпоху Киевской Руси.

Накануне Великого поста 5 марта 2022

В чем грех?

В российских школах учат гуманизму, проходят великую классику, сострадают маленькому человеку. На всех прилавках лежат книги Священного Писания, поучения святых, катехизисы. Верующие каждый день читают молитвы, священнослужители исполняют обряды, соединяясь с плотью и кровью распятого, отдавшего жизнь за человечество. И это не мешает им голосовать за войну, убивать тысячи ни в чем не повинных братьев по вере, прославлять вождя, который заставляет их враждовать со всем миром. Как одни и те же уста могут славить Христа и Путина?

В наступающий понедельник 7 марта начинается Великий пост. Его смысл — покаяние и подготовка к Светлому воскресению, а следовательно — особо тщательное воздержание от грехов. Среди наименьших грехов — чревоугодие, а наибольший, конечно, убийство и тем более братоубийство, Каинов грех. Любой грех в это время становится особо губителен для души. И именно в это время один православный народ, при молчаливом

Мысли по ходу событий

попущении церкви, обязывающей к строгому посту и воздержанию от скоромной пищи, с особым рвением будет убивать другой православный народ. Грешно есть творог и сметану, а убивать людей — не грешно.

Символика войны

11 марта 2022

Зловещая буква Z

С начала «спецоперации» ее символом стала буква Z, изображенная на российских танках, вторгающихся в Украину. Значение этого символа не определено, но он все чаще используется кремлевской пропагандой и в массово-патриотических мероприятиях. Вот одно из толкований: «Это символ единения народа. Он символизирует поддержку наших Вооруженных сил, поддержку решений президента, и призван сплотить нас в этой непростой ситуации. Отсюда и лозунги «За победу», «За единение». Знак Z появляется на провластных демонстрациях, билбордах, зданиях и в виде инсталляций.

Мне представляется, что это дурной знак для тех, кто его использует. Он действует не за, а против них.

Прежде всего, удивительно, что для выражения «русской идеи» используется буква, которой нет в русском языке. Это напоминает ключевое слово советской эпохи, тоже заимствованное у Запада, с латинской основой: «коммунизм». Слово, непонятное народу и принесшее ему величайшее несчастье. «Программа построения коммунизма» обошлась стране в десятки миллионов жертв и отбросила ее назад на десятки лет, обрекая на поражение в борьбе с Западом.

Одно из самых частотных современных слов, начинающихся с этой буквы, — zombie (зомби). Именно в зомби превращает людей тот «зомбоящик», который внушает им Z-идеологию. Магическое использование этой буквы зомбирует ее носителей.

Буква Z отчасти напоминает символ молнии (см. ниже). Но пригляди-тесь: Z — это перевернутая молния. Тот, кто мечет ее, поражает себя.

Z можно рассматривать также как полусвастику, половину рассеченной свастики, — точный символ того, что в предыдущем посте называется шизофреническим фашизмом.

Еще одна убедительная расшифровка, которая не отменяет других. «Станция Z»: так эсэсовцы называли здание, в котором находились крематорий и помещения для убийств, построенные в 1942 году. Использование последней буквы алфавита было циничной ссылкой на последнюю станцию в жизни

Русский антимир

заключенного. На «станции Z» находились четыре печи для кремации, газовая камера и зона для расстрела.

Наконец, Z — это последняя буква в алфавитах тех языков, где она употребляется (латинский и основные европейские). Тот, кто этой буквой себя обозначает, символически готовит и ускоряет свой конец.

P.S. Вскоре, уже в апреле 2022, возникло понятие «зедизм» — провоенная позиция, милитаризм и его пропаганда. *Зедисты* есть среди деятелей культуры: писатель З. Прилепин, режиссер К. Шахназаров, актеры И. Охлобыстин и В. Машков, поэтесса Ю. Мориц, директор Эрмитажа М. Пиотровский...

Уголовный кодекс

11 марта 2022

Своевременная книга

Увлекательное чтение.

Никогда раньше мне не доводилось с таким удовольствием читать официальный документ, тем более уголовный кодекс, а именно: «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022).

И одновременно меня осенила догадка: так вот почему власти запрещают называть войну «войной». Согласно Уголовному кодексу, за ведение войны они подлежат наказанию лишением свободы от 10 до 20 лет. Называть войну «войной» — значит объявлять представителей высшей власти преступниками. А «специальная операция» в Кодексе не прописана.

Раздел XII. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 34. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Статья 353. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны

1. Планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны — наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет.
2. Ведение агрессивной войны — наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Статья 354. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны

1. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны — наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере

Мысли по ходу событий

заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 N 162-ФЗ)¹⁵⁹

Очень своевременная книга!

Путем Германии 4 апреля 2022

Томас Манн о нашем времени

Написано почти восемьдесят лет назад — а как будто сегодня, точнее завтра. Статья Томаса Манна называется «Конец» (1945), но в отношении текущей ситуации я бы назвал ее «Начало конца» — чтобы оставить место надежде. Перевод С. Апта. Цитирую по тексту, заменяя лишь порой «немецкое» на «национальное». Такой дальнзоркий взгляд на историю, как через перевернутый бинокль, позволяет выделить главное.

...Шум дурманящих национальных торжеств, беспредельного ликования по поводу побед, с колоколами, песнопениями... В глубине души знаешь, что эти болваны и кровавые халтурщики провалятся. А что потом? Что станет с несчастным, сейчас опьяненным и мнимо счастливым народом? Какие разочарования придется ему еще претерпеть, какие физические и психологические катастрофы ему уготованы?

...Нечувствительность к дурному, к явно недвусмысленно мерзкому, проявленная широкими массами народа, была непростительна и непростительной остается. За великое опьянение, ради которого этот всегда жадный до опьянения народ пил ядовитую сивуху, подносимую ему фиглярами и лжецами, за это опьянение, в каком он за годы обманчивого благоденствия натворил столько мерзостей, надо расплачиваться. Если существует нация как историческое образование, как коллективная личность, то существует и это — ответственность совершенно независимо от всегда скользкого понятия «вины».

...Без идеи, против идеи, против всего высшего, лучшего, порядочного, против свободы, правды и права. Ничего подобного в человеческом плане не бывало. При этом невероятное ликование масс, верящих, что они

¹⁵⁹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Русский антимир

действительно хотели этого, тогда как их только с безумной хитростью обманули, в чем они пока не могут признаться себе, — и уверенное знание всех лучших, что все идет к ужасной гибели. Я не стану сегодня скрывать то, что я тогда знал: как быстро распространились отрезвление, удрученность, боязливое сомнение, какой наглой фикцией очень скоро стало... самоотожествление властителей с нацией...

Апатия, фатализм, безнадежность — скорее на них «держится» режим, чем на вере и на восторге. Везде — затаенное выжидание и пережидание, полное дурных предчувствий... Состояние войны против внешнего мира — с безнадежной изоляцией, с военной автаркией, с внушенной народу безумной верой, что он стоит за правду и против лжи, что все больное и скверное в мире коварно объединилось против страны, которая несет исцеление.. Но всякое состояние войны, подлинное или фиктивное, сплачивает народ и правительство, приводит к вынужденному отождествлению нации с режимом. Национальная катастрофа, которую режим нес в себе с первого дня, пришла... И теперь крушение налицо, невиданное разорение, беспримерное, всеобъемлющее, моральное, духовное, военное, экономическое банкротство...

...Затронута и сильно поставлено под вопрос все национальное, в том числе национальный дух, мысль, слово, и спрашивается, как вообще в будущем позволит себе эта страна в любой своей ипостаси раскрыть рот по поводу каких-либо человеческих дел... Какие безмерные разрушения учинены безумием, слепотой, политическим мистицизмом народа! Каково это будет — принадлежать к нации, чьи отчаянные, полные мании величия попытки стать нацией принесли миру столько страданий? ...Писатель — что это будет? За каждой фразой, которую мы строим на нашем языке, стоит сломленный, изверившийся в себе и своей истории, психологически перегорелый народ... Народ, который должен будет жить взаперти и в одиночестве, потому что ужасная, накопившаяся повсюду ненависть не позволит ему выйти из своих границ, — народ, который не смеет показываться...

После крупных поражений 16 апреля 2022

Насильник-импотент

Как звучит сегодня знаменитая песня на слова Евтушенко «Хотят ли русские войны?...» (1961)? Кажется, история задалась целью ее опровергнуть.

Мысли по ходу событий

Хотят войны, массово поддерживают спецоперацию. Как заявил вчера по Первому каналу писатель З. Прилепин, «наша национальная идеология — война». Теперь, шестьдесят лет спустя, соседняя строка тоже требует опровержения:

Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.

«Умеем, но не хотим...» «А может быть, наоборот: «хотим, но не умеем»? Стоит вспомнить, как много войн Россия проиграла: Крымскую, Японскую, Первую мировую... Да и во Второй победила числом, а не умением, о чем свидетельствует печальная статистика военных потерь в сравнении с противником. Афганистан и Чечня тоже воинской славы не прибавили. Так что, учитывая происходящее в Украине, стоило бы внести не одну, а две поправки:

Мы **не умеем** воевать,
но **мы хотим**, чтобы опять...

И вот это самое страшное. Можно испытать своего рода восхищение перед мощью агрессора. Можно почувствовать жалость к импотенту. Но когда насильник оказывается к тому же импотентом — остается только позор и презрение.

Великая суббота 23 апреля 2022

Жизнь разделилась на ту и эту

Накануне Пасхи российскими ракетами обстреляли Одессу. Одним ударом убиты три поколения одной семьи: недавняя студентка журналистского факультета Валерия Глодан, ее трехмесячная дочь Кира и мать....

Жизнь разделилась на ту и эту. Как-то странно осознавать, что еще два месяца назад мы жили в другой эпохе — как будто, все, что происходило с конца 1980-х и до начала 2020-х, объединяется в понятие уже ушедшего века, как «серебряный» вдруг ушел в конце 1917-го. Все смыслы меняются на глазах. За какое понятие ни ухватишься, оно уже другое. Можно

Русский антимир

составлять словарь измененных или исчезающих понятий. *Русский язык. Литература. Книга. Поездка в Москву. Народ. Общество. Мораль...*

Что такое «русский поэт» или «русский философ»? Это почти издевательство над поэзией или философией. «Русское» отравляет все, к чему прикасается, это слово-демотиватор.

Имеет ли смысл дорабатывать и издавать «Творческий потенциал языка»? Какого языка? Русского? Фашистского? Развивать его лексику и грамматику? Чтобы сеять злобу и ненависть? Нет, увольте. Язык пацанов и спецопераций, язык, клеймящий англосаксов и призывающий мочить в сортире, не имеет места в культуре.

Да и вообще все изданное на русском как-то обесценивается. Философия, гуманитарные науки на русском? Какое отношение это имеет к интеллекту и гуманности? Это варварский гогот, крики, угрозы, вопль страха, хрип смерти, рычание хищника — но к мысли, творчеству, воображению, развитию личности этот язык сегодня не имеет отношения. Он служит другим целям: массовых убийств, мародерства, насилия, пыток.

Я понимаю, что это преувеличение, что язык больше своей милитаристской функции. И все же, и все же...

Пасха *24 апреля 2022*

Пасхальность Украины

Кажется, никогда еще исторический смысл праздника не выступал так ясно. Ведь понятно, кого кого распинает, — кого пригвождают сейчас к кресту. И почему в стане захватчиков так ликуют, не осознавая тяжесть взятого на себя проклятия: «кровь его на нас и на детях наших». Если оккупанты накануне Пасхи пишут на снарядах «Христос воскрес», то своим глумливым кощунством они невольно выражают мистический смысл этой войны. Своими снарядами они, действительно, бьют по тому народу, которому предстоит воскресение.

Такая сегодня Пасха — в синем и желтом.¹⁶⁰

¹⁶⁰ Эта заметка в Фейсбуке сопровождалась иллюстрациями из Марка Шагала: «Синее распятие» и «Христос в желтом свете».

Мысли по ходу событий

За синий и желтый могут наказать 3 мая 2022

Проукраинское небо

Поступают сообщения о том, что в России закрашивают сине-желтые скамейки и бордюры, чтобы не допустить проникновения вражеской символики. США, пригород Атланты. Выхожу на прогулку. У некоторых соседей-американцев на домах — сине-желтые флаги в знак солидарности с далекой страной. И вдруг осознаю, что над головой желтое солнце и синее небо. Так вот почему кремлевская ядерная пропаганда грозит закрасить их дымом и сажей. Вражеская символика повсюду. Проукраинское небо. Проукраинский космос.

***Песня Shaman'a* 28 июля 2022**

Всему миру назло

Дошел наконец и до меня хит военно-патриотического сезона — песня «Я русский». Автор — некто Shaman. Обозначен как сибирский колдун-знахарь, но при этом почему-то в латинской транскрипции. А настоящее имя певца весьма русское, даже древнерусское, словно из Киевской Руси — Ярослав Юрьевич. Фамилия — Дронов, как будто с издевкой, с отсылкой к тому виду оружия, которое особенно сейчас на виду в этой войне; хотя собственно «дрон» — это от английского drone «трутень; гудение, жужжание». Вопиющая постмодерная эклектика. Точнее, филологический сарказм.

Зато с содержанием песни все ясно и однозначно:

Я русский, я иду до конца
Я русский, моя кровь от отца
Я русский, и мне повезло
Я русский, всему миру назло

Русский — тот, кто идет до конца. Теперь понятно, почему Z, последняя буква латинского алфавита, стала символом этой войны и русского фашизма. «До конца» — значит до последней черты, до могилы, до светопреставления. То, что Бердяев изысканно называл «эсхатологической устремленностью» русской души, а Фрейд — «влечением к смерти». «Все кончено», «песня спета», «дальше некуда», «пиши пропало», «полный

Русский антимир

абзац», «дело труба,» «кончен бал», «гасите свет», «все пошло прахом», «привет родителям», «спасайся кто может» — русская фразеология исключительно богата знаками конца. Но теперь главным символом выбрана международная латинская буква, как будто для ясной демонстрации всему миру, куда мы идем и чем закончим.

И то, что быть русским — значит быть «всему миру назло», еще раз обнажает смысл происходящего как бесцельного вызова, точнее, самоцельной антитезы всему миропорядку. Так shamanit Ярослав Дронов, так славит русское на языке «англосаксов» и «латинщины», поскольку у этой войны нет другой цели: бить напокаZ, быть всему миру наZло.

Смерть Михаила Горбачева 30 августа 2022

Великий и безликий

Знаменательно, что Горбачев ушел именно сейчас, когда искореняются последние остатки задуманного и отчасти осуществленного им приобщения России к человечеству. Если величие государственного деятеля меряется не числом уничтоженных, поработанных и завоеванных, не литрами пролитой крови и площадью земли, отобранной у других народов, а движением к свободе, открытости, то Горбачев, безусловно, величайший из политиков за всю российскую историю. А может быть, и за мировую, если исходить из того, что советский тоталитаризм, подорванный им изнутри, был самой страшной и бесчеловечной системой в истории, на счету которой около 100 миллионов убитых (для сравнения — число убитых нацизмом оценивается в 10–15 млн.). И то, что впоследствии страна свернула на другой путь, говорит не против, а в пользу Горбачева: вот с какой страной, с каким наследием ему пришлось иметь дело, вот какие глубины мрака он сумел высветлить — но не вычерпать до дна.

Из всех его фотографий меня особенно впечатляет одна. Стоят двое: мужчина и женщина. Он достиг вершины умной и ответственной власти; она — его жена и вдохновительница. В них воплотилась мужская и женская часть человечества, у них светлые, благородные, мыслящие лица, и они любят друг друга. А кто между ними? Безликий, даже безлицый. Человек, очевидно, вслушивающийся, всматривающийся, сверхнапряженный — и при этом лицо призрачное, как будто снящееся в дурном сне. В нем ничего

Мысли по ходу событий

не выражается, все снаружи и ничего внутри; перефразируя Гоголя, идея этого лица — «возникшая до высшей степени Пустота».¹⁶¹

Горбачева не стало именно тогда, когда достиг вершины власти человек-без-лица, «анти-Горбачев», когда все свободы, которые приобретала страна в 1980-е, у нее отнимаются, распахнутые окна и двери наглухо заколачиваются. Единственное, что объединяет Горбачева и Путина, — это ускорение. Каждый месяц, порой даже каждый день — тектонический сдвиг. Только при Горбачеве это было ускорение в будущее. В то время, вторую половину 1980-х, почти каждое утро мы просыпались в новой, более свободной стране. А сейчас столь же сильное ускорение — в прошлое, в эпоху изоляции и террора, страха и ненависти. Каждый день — аресты лучших людей, каждый день — убийства и зверства, разрушенные дома, десятки жертв среди мирного населения, каждый день — новые угрозы миру и своим гражданам.

Светлейшая память Горбачеву в это темнейшее время его страны!

В России объявлена мобилизация. 21 сентября 2022

Памятник неизвестным дезертирам. Будь песком, а не маслом в машине убийств!

Помню, как в 2000 г., в Эрфурте, я был потрясен, когда у ворот в Цитадель, главную достопримечательность города, увидел памятник... Неизвестному солдату? — нет, Неизвестному дезертиру. Тому, кто отказался воевать за нацистскую Германию и, спасая себя, спасал других. Война имперская, захватническая, грабительская делает героями тех, кто отказывается в ней участвовать.

Восемь металлических столбов. Из них семь застыли как бы по стойке смирно, а один повернулся к ним спиной. Надпись на памятнике: «Неизвестному дезертиру Вермахта — жертве нацистской военной юстиции — всем, кто противостоял нацистскому режиму». И там же — слова писателя Гюнтера Эйха (1907–1972): «Будь песком, а не маслом в мировом механизме». Да, именно так,

¹⁶¹ Фотография 1994 г., С.-Петербург. Путин — заместитель мэра.
<https://www.thetimes.co.uk/article/putins-associates-stole-my-oil-company-says-business-exile-kjq9fc2ktsm>

Русский антимир

если это механизм массового уничтожения. Преступление — не дезертирство, а агрессивная война.

В Германии и Австрии Вермахту противостояло — уместно ли это слово? — сто двадцать тысяч дезертиров (по другим данным — четыреста тысяч!) Из них около пятнадцати тысяч были казнены. Сколько жизней сэкономили эти «предатели», даже если не сумели уберечь себя! В послевоенное время им поставлено множество памятников. Некоторые необыкновенно выразительны по силе воплощения одинокого подвига, который не понят или проклят большинством и получит достойную оценку только в будущем.

А вот поэтический памятник — стихотворение Бориса Виана «Дезертир» (1954), ставшее знаменитой песней (привожу отрывок):

Пишу Вам, Президент,
Хоть и не жду ответа.
Поверьте мне, что это —
Последний аргумент.
Свой призывной листок
Я получаю в среду —
Вы ждете, что поеду
Я тотчас на Восток.
Скажу Вам наперед:
Такого не случится.
Месье! Меня убийцей,
Никто не назовет <...>
— Да будет в мире мир!
Да кончатся проклятья!
Бросайте ружья, братья, —
Скажу я, дезертир.
А если кровь нужна —
Месье, отдайте Вашу,
Ведь Вы за благо наше
Стоите, как стена...
(Пер. Михаила Яснова)

Судя по ситуации в аэропортах и на границах, 22 сентября 2022 г. — начало массового дезертирского движения. Эпос нашего времени: Россия бегущая. Не от внешних врагов, а от себя.

Мысли по ходу событий

Бомбардировка инфраструктуры по всей Украине 10-11 октября 2022

Подлейшая война

Это подлейшая война из всех мне известных. Подлость — это не жестокость и бесчеловечность сама по себе, свойственная порой и идеалистам, утопистам, революционерам. Подлость — это жестокость в сочетании с трусостью, жадностью, лживостью, мелкостью, эгоизмом; это контраст между огромностью жертв и ничтожеством целей. Подлость — и в провозглашенных задачах этой войны, и в способах ее ведения. Подлость президента, который ради продления своей власти убивает и калечит судьбы миллионов людей. Подлость властей, которые держат народ в нищете, а сами продолжают богатеть на войне. Подлость военных, которые бегут от украинской армии, но вымещают свою злобу на мирных жителях. Подлость значительной части российского населения, которое радуется гибели и страданиям «братьев». На материале этой войны можно было бы написать целую *энциклопедию подлости*. В нее вошли бы факты, события, но также и персоналии. И не только политиков, и пропагандистов, но и деятелей культуры: писателей, актеров, певцов, режиссеров, директоров музеев... Одновременно Украина заслужила право создать и энциклопедию доблести, куда были бы включены и имена тех россиян, которые, открыто выступив против войны, заплатили за это.

Возвращение Херсона 11 ноября 2022 (после аннексии украинских территорий 30 сентября)

Золотое правило в политике

Существует золотое правило этики: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы обращались с тобой». Или: «не делай другому того, чего не хочешь себе». Совершенно независимо это правило высказывалось Конфуцием, мудрецами Греции, еврейскими пророками; оно есть в Евангелии от Матфея, в Деяниях апостолов, — это мудрость общечеловеческая.

Мне представляется, к XXI в. человечество, наученное катастрофами XX в., доросло до того, чтобы соблюдать это золотое правило не только в этике,

Русский антимир

но и в политике. Обращайся с другими государствами так, как ты хочешь, чтобы они обращались с тобой. Или неси немедленное воздаяние за несоблюдение этого правила. Если ты стираешь границу другого государства, значит, ты стираешь и собственную границу. Если ты пытаешься расчленить другое государство, будь готов к распаду собственного.

Казалось бы, истины очевидные, но до многомиллионных сообществ, государств, они доходят труднее, чем до индивидов. Поэтому золотое правило, провозглашенное в религии и этике еще в «осевое время» (VIII–II вв. до н. э.), только в XXI в. действительно входит в политику. И на наших глазах подтверждается его верность, хотя бы и «от обратного»...

Словарь антимира

В этом словаре кратко объясняются термины, связанные с понятием «анти», ничто, негации, деструкции, которые определяют нынешнее состояние «русского мира». Если понятие трактуется в данной книге более подробно, в конце статьи указана соответствующая глава. Курсивом даются характерные примеры употребления термина.

антимир (политический, исторический) — общество, которое строится по принципу антитезы, противостояния окружающему миру, отрицания его законов. («Русский антимир»).

виктимофилия, виктимомания — стремление выступать в роли жертвы, одержимость этой ролью. В наше время не только у отдельных личностей, но у целых социальных групп и стран развился комплекс виктимомании. *Весь мир сговорился против нас. Вся история — свидетельство того, что нас ущемляют, принижают, унижают, недооценивают.*

гоминицид (ср. «инсектицид», «пестицид») — то, что убивает людей, средства их истребления. Яды, вирусы, ракеты, газовые печи и самый сильный из них — ядерная бомба. Цивилизацию можно рассматривать как прогресс в производстве гоминицидов, а также средств защиты от них.

гоп- (от слова *гопник*) — первая часть сложных слов, обозначающая уголовный, бандитский элемент данного общественного явления: *гоп-политика, гоп-дипломатия, гоп-журналистика, гоп-экономика, гоп-религия, гоп-армия, гоп-спорт, гоп-Дума* и т. д. («Стиль «гоппи». Как гопота овладевает государством»).

зедизм (от названия буквы Z, «зед», как символа военной спецоперации) — милитаристское направление российской политики и идеологии, возникшее в феврале-марте 2022 г. В отличие от коммунизма или нацизма, *зедизм* не строит образов будущего, зато, обладая ядерным оружием, может превратить в прошлое всю цивилизацию. Зедизм — идеология конца, последней буквы алфавита. («Мысли по ходу событий»).

какофилия (от греч. *kakos*, плохой, злой, от индоевропейского *kakka-*«испражняться») — влечение к плохому, уродливому, отвратительному.

Русский антимир

Еще в XVII веке возникло понятие «какократия», буквально «власть худших», негодяев и подлецов. Какофилия — это общественное умонастроение, социальный инстинкт, который отдает предпочтение худшему перед лучшим; замороженность злом, духом небытия («Какофилия. О выгодах и провалах зловластия»).

некрократия (греч. nekros, мертвый + греч. kratos — *власть*) — власть мертвого, мертвечины; политический режим, основанный на культуре смерти, войны, оружия массового поражения («Антижизнь. Некрократия»)

ничтоведение, нигилология (от лат. nihil, ничто) — наука о ничто, об уничтожении, опустошении, о превращении всего в ничто («Русистика и ничтоведение»).

омертвляж — умерщвление живого в процессе его подгонки к официозу, к стандарту.

У власти огромное недоверие не только к разуму, но и к жизни. Все живое подвергается омертвляжу. Идея может быть хорошая, живая, но без омертвляжа она не получит господдержки.

онтоцид (греч. род. п. ontos — сущее, бытие + cide, убийство; ср. *геноцид*) — тотальное уничтожение всего сущего, война с бытием как таковым. Вражда к бытию, лежит в основе ряда религиозных и политических движений («Антибытие. Онтоцид», «Новая апокалиптика»).

панфобия (panphobia; греч. pan, всё + phobos, страх, ужас). Страх и ненависть ко всему миру. Панфобия соотносится с традиционными формами тоталитаризма XX в. примерно как ядерное оружие — с обычным, поскольку выражает тотальную ненависть: не к иным классам, нациям или расам, а к сущему как таковому. Это жажда абсолютной гегемонии над миром и стремление диктовать ему свою волю — или уничтожить его («Антимораль. Бобок и панфобия»).

перпендикулярный мир — поперечный, враждебный, антагонистический данному. Обычно говорят о политиках, оторвавшихся от реальности, что они живут в «параллельном мире». Это ложная геометрическая метафора, поскольку предполагает, что мир идеологических химер и фантазий не соприкасается с реальным. Но, как правило, эти химеры впрямую сталкиваются с реальностью и пытаются ее сокрушить. Иными словами, это мир не параллельный, а *перпендикулярный* реальному. Вот

почему выражение «жить в перпендикулярном мире» представляется более точным. *Наша власть давно уже живет в перпендикулярном мире и пытается перечеркнуть ту реальность, которая не желает соответствовать ее «хотелкам».*

покойление — поколение, предназначенное для войны, для гибели во имя государства и его правителей. *Печально я гляжу на наше покойление — меньшинство разведется, а большинство превратится в покойников.*

понтократия — власть, основанная на понтах, знаках криминальной воли. Слово «понт» (от франц. *ponte* — «понтёр», «игрок», «картежник») в криминальном жаргоне значит: пускать пыль в глаза, обыгрывать посредством обмана, предъявлять знаки власти и социального престижа. *Понтократия* пришла на смену идеократии. В советское время выше всего стояли идеи, сейчас — *понты*. *Понтократор* — тот, кто правит посредством понтов («Утащит ли 'Мертвая рука' живых в царство мертвых?»).

построссийская Евразия — северная Евразия после распада или исчезновения российского государства. *Построссийская Евразия станет территорией нескольких государств: президентских и парламентских республи и монархий. Китай, Япония и Турция — вот три страны, которые соперничают за сферы влияния в построссийской Евразии.*

противомировая война — война против всего мира. Не следует путать мировую и противомировую войну. Если в мировых войнах сталкиваются сопоставимые по силе государственные коалиции, то война, в которой одна страна бросает вызов международному сообществу, — это *противомировая* война.

протоэпитафия — эпитафия на смерть того, кто еще не умер, но чья жизнь смертельно опасна для общества. Еще не надгробное слово, но уже предгробное. Пример — стихотворение Вероники Долиной «Старше уже очень многих...» (октябрь 2022).

психократия (*psychocracy*) — тип политического режима, который правит путем нагнетания определенных психических состояний в обществе: массовой истерии, паранойи, хоррора, ненависти, страха, зависти, эйфории и т. д. Население зомбируется средствами массовой (дез)информации, прежде всего, телевидением. Элементы психократии присутствовали и в тоталитарных режимах XX в., но и коммунизм, и

Русский антимир

фашизм были прежде всего *идеократиями*, т. е. правили посредством идей, овладевающих и сознанием, и подсознанием масс. Когда у власти не остается других рычагов воздействия: экономических, идеологических, конструктивно-цивилизационных, креативно-социальных, — она использует внушаемость населения для достижения своих целей, играет с психическим состоянием нации, заряжая ее энергией, прежде всего, негативных эмоций и фобий. Один из главных мотивов российской психократии — ресентимент, мстительная обида на весь мир. Власть в России играет на чувствах, изо всех сил раздувает их, потому что раздуть больше нечего: в экономике, в бизнесе, в науке и технике, в социальной и гуманитарной сфере — полный провал. Остается опираться только на эмоции: это самый древний, биологический ресурс, как в экономике опираются на другой природный ресурс — нефть и газ. Голая психика, психозергия, как последний резерв предельно истощенной власти. Можно также рассматривать психократию как парадоксальное отражение технического прогресса, поскольку информационные и коммуникативные технологии постепенно стирают грань между физически-реальным и психически-виртуальным.

пустоводство (ср. *домоводство, садоводство*). Разведение пустоты; форма общественной деятельности по производству «ничто» как главного коллективного продукта. Социальная система предпринимает много усилий именно для того, чтобы действия индивидов ни к чему не приводили, поскольку слишком целенаправленная и продуктивная деятельность может восприниматься как опасная, дестабилизирующая («Пустоводство, или Как делать ничего»).

рушизм, рушистика — идеология и практика разрушения всего, включая самого разрушителя. **Рушистика** — идеология подрывных действий по всему миру, сознательного внесения хаоса в мировой порядок («Ночь языка»).

святобесие — одержимость своей святостью или святостью своих принципов и убеждений. Святобесие ищет повсюду ереси и еретиков, использует любые поводы для демонстрации «оскорбленных религиозных чувств» и разжигает в обществе дух злобы и нетерпимости («Святобесие. Братский народ и каинов грех»).

соворность — круговая порука в воровстве, коррупции, насилии, сообщество в беззаконии; принцип сплочения общества на основе совместного нарушения законов («Антисоциум. Соборность и соворность»)

социоделики, социоделические средства (sociodelics; ср. *психоделики*) — социальные факторы, выступающие в роли психотропных средств, наркотиков, стимулирующие иллюзорные, измененные состояния сознания. К социоделикам относятся: революции, войны, митинги, тюрьма, концлагерь, служба в армии, уличные толпы, очереди, коммунальные квартиры и прочие социальные факторы, приводящие личность в состояние аффекта или эйфории и сходные по воздействию с психоактивными веществами.

Социоделики особенно сильно действуют в тоталитарных обществах, где увеличивается зависимость личности от «коллективной души». При этом само социоделическое средство выступает субстратом и абстрактом социальности как таковой, имеющей цель в себе — в достижении наибольшей сплочённости и однородности. Социоделики притупляют метафизический страх одиночества, болезни, смерти. Государство и массовая пропаганда, зомбируя граждан, «охраняют» их от экзистенциальных бездн, от свободы и одиночества. Вместе с тем люди постоянно пребывают в социоделическом «плавающем» сознании, в **социотрансе** (sociotrance), не чувствуют реальности, не воспринимают фактов и логики, теряют сознание личной ответственности.

танатализация (от *thanatos*, греческий бог, олицетворяющий смерть) — усиление инстинкта смерти в обществе. Танатализация проявляется в его милитаризации, культе силы, оружия и смерти, умножении запретов, росте цензуры, в страхе перед всем живым, самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать («Русский антимир. Некрократия»; «Утащит ли 'Мертвая рука' живых в царство мертвых?», «Русская хтонь и фашизм»).

территориальное проклятие — обширность государственной территории, которая мешает ее культурному освоению и создает неблагоприятные условия для исторического развития. Подобно ресурсному проклятию, территориальное проклятие толкает страну на экстенсивный путь развития и на дальнейшую экспансию, поскольку в этой системе ценностей именно размер территории, а не то, что на ней построено, представляется самоцелью. Люди готовы жить в бедности и покорности, лишь бы государство раздвигало свои границы. Оттого так трудно рационально толковать всемирные амбиции нынешней российской власти, что она движима голыми пространственными инстинктами, подобно амёбе, которая «запрограммирована» передвигаться,

Русский антимир

выбрасывая в разные стороны свои «ложноножки», в данном случае, лженародные лжереспублики (территории, захваченные в восточной Украине). Это своего рода хтонизм — люди слеплены со своей землей и воспринимают ее тело как свое собственное. Вместе с тем сам размер территории препятствует ее освоению и созидательному взаимодействию с ней («Пустота. Территориальное проклятие»).

униктожить, уникажение (ср. *уничтожить*) — акт уничтожения, направленный против личностей, свободных, мыслящих существ. При тоталитарных режимах власть физически *уничтожала* людей, теперь предпочитает *униктожать*, т. е. ломать юридически, морально, психически. *Если ты личность, значит, тебя надо не просто физически уничтожить, а уникажить, подавить волю, психологически сломать. Культура отмены — это политика уникажения: был кем-то, стал никем.*

ухрония (uchronia; греч. *υ*, не, нет, и *chronos*, время) — безвременье, вневременье; мир, где вектор прогресса, развития сведен к минимуму. Ход времени замедляется, преобладает повтор, «ретро» или «архео», принцип стабильности, статичности. По способу образования и значению термин «ухрония» соотносится с «утопией» (буквальное «безместие», «место, которого нет»). По мере своего осуществления, утопия, обращенная в будущее или в прошлое, часто переходит в ухронию, разрыв самой истории, остановку времени. Смысл «ухронии» проясняется созвучием с русским «хоронить» — это похороны времени, принесенного на алтарь стабильности («Антивремя. От ретро- к архео-»).

шизофашизм, шизофренический фашизм (schizofascism) — фашизм под маской борьбы с фашизмом. Фашизм — это отказ от индивидуальности во имя торжества почвы, земли, захоронения в ее недрах и уничтожение того самосознания, той личной ответственности, которая делает человека надземным существом. Фашизм — это коллективная попытка излечиться от травмы рождения опытом символической смерти, т. е. отказа от сознания, языка, индивидуальности, от всех тревог отдельного, проблемно-испытующего бытия — и экстатического умирания в соборном теле земли, народа, толпы. Шизофашизм вбирает в себя некоторые черты постмодерна: презрение к реальности, культ гиперреальности, насаждение симулякров, приоритет означающих над означаемыми, — но при этом отрывает их от рефлексии, игры, иронии и ставит на службу архаическим общественным структурам, инстинктам власти и массовой сплоченности («Шизофренический фашизм», «Русская хтонь и фашизм»).

Библиография и видеография

В этот указатель вошли мои статьи и выступления 2016–2022 гг., связанные напрямую с политикой и состоянием общества. Публикации приводятся в хронологическом порядке. В тех случаях, когда ссылки на первые публикации не работают (на сайтах «Эха Москвы», «Частного корреспондента» и «Сноба», закрытых в начале марта 2022 г.), указываются, где возможно, позднейшие перепечатки. Видеоматериалы выделены курсивом.

Более ранние мои политические статьи, в основном 2014–2015 гг., собраны в книге:

От совка к бобку. Политика на грани гротеска. New York: Franc-Tireur USA, 2015, 253 с.

Второе, дополненное издание:

От совка к бобку. Политика на грани гротеска. Киев: Дух і Літера, 2016. 312 с. <https://imwerden.de/publ-11480.html>

В переводе на украинский:

По той бік совка. Політика на межі гротеску. Переклад з російської Ніни Бердичевської. Киев: «Дух і літера, 2016. 320 с. <https://www.yakaboo.ua/ua/po-toj-bik-sovka-politika-na-mezhi-grotesku.html>

Более ранняя эссеистика, в том числе политическая, включена в книги:

Все эссе. В 2 тт. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

т. 1. В России (1970–1980-е). 544 с. <https://imwerden.de/publ-10091.html>

т. 2. Из Америки (1990–2000-е). 704 с. <https://imwerden.de/publ-10092.html>

2016–2022

Почему Россия такая несчастная? — спросил студент. //Сноб. 30 мая 2016. <https://snob.ru/profile/27356/blog/109084> Перепечатка: Проклятие пространства. //Регион. Эксперт. 4 апреля 2022. <https://region.expert/curse>

Некрократия. //Сноб. 22 мая 2016. <https://snob.ru/profile/27356/blog/108729>

Политическое эхо информационного взрыва. Почему все больше людей отстает от человечества? //Сноб. 11 июля 2016 <https://snob.ru/profile/27356/blog/116094>

«Мёртвая рука». Месть или победа? //Сноб. 15 октября 2016. <https://snob.ru/profile/27356/blog/115055>

«Они любить умеют только мертвых...» //Радио Свобода, 16 декабря 2016. Беседа с Валентином Барышниковым. <http://www.svoboda.org/a/28178789.html>

Русский антимир

Русская сверхидея: целостность. Всё или ничего. //Звезда, 1, 2017, 239–250
<https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/1/russkaya-sverhideya-czelostnost-vsyo-ili-nichego.html>

Коваленко против Беликова. Украинские мотивы «Человека в футляре». //Живой журнал, 22 февраля 2017.

<https://mikhail-epstein.livejournal.com/206842.html>

От бобка к человеку. Философ Михаил Эпштейн о нравственной эволюции мироздания. Беседа с Екатериной Макаревич. //Фокус (Киев). 17 марта 2017.
<https://focus.ua/ukraine/367557>

Шизофашизм. //Сноб. 25 августа 2017.
<https://snob.ru/profile/27356/blog/128323>

Соборность и соворность. О природе российского антисоциума // Частный корреспондент. 8 сентября 2017.

http://www.chaskor.ru/article/sobornost_i_sovornost_42413

«Азиатский способ производства» // Радио Свобода 7 ноября 2017
<https://www.svoboda.org/a/28839869.html>

Гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-религия. Чем определяется эта новая государственная субкультура // Новая газета. № 126. 13 ноября 2017
<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/11/13/74527-goppi>

Россия как мировое подполье // Взгляд в себя: к онтологии национального самосознания России. Материалы Международной научной конференции «Генезис национального самосознания...» Под ред. К. С. Пигрова. СПб: Книжный дом, 2018. С. 77-82. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37753359>

Какофилия. О выгодах и провалах зловластия. //Радио Свобода. 7 марта 2018. <https://www.svoboda.org/a/29079461.html>

Новичок. О роли президента в истории. //Радио Свобода. 20 марта, 2018.
<https://www.svoboda.org/a/29108808.html>

Больше разных России... Беседа с Вадимом Штепой //Регион. Эксперт. 27 марта 2018

<https://region.expert/more-russias/>

Мост или пропасть? Отклик на новый идеологический манифест [В. Суркова]. //Сноб, 9 апреля 2018. <https://snob.ru/profile/27356/blog/136176>

Главная проблема России (ответ А. Бурову). //Сноб. 22 февраля 2018.
<https://snob.ru/profile/27356/blog/134636>

Капли и цунами. О нелинейной логике военного психоза. //Сноб. 5 марта 2018. <https://snob.ru/profile/27356/blog/134933>

Мешает ли тирания кушать оливье? «Тайная свобода» и возвышенный самообман. //Сноб. 26 декабря 2018 <https://snob.ru/profile/27356/blog/147052>

Мешает ли тирания кушать оливье? //Частный корреспондент, 2 января 2019 <http://www.chaskor.ru/article/meshaetlitiraniyakushatolive44312>

Библиография и видеография

Михаил Эпштейн — о поиске национальной идеи и удивительных особенностях русского языка. Беседа с Александром Генисом на телеканале RTVI (Нью-Йорк). 17 мая 2019 <https://www.youtube.com/watch?v=biWLFX73B4Y>

Как воспитывать критически мыслящих граждан? Беседа с О. Бугославской. //Учительская газета. № 23, 4 июня 2019 <https://ug.ru/mihail-epshtejn-kak-vospityvat-kriticheskii-myslyashhih-grazhdan/>

Транзитивность в языке и в обществе. Как архаика языка формирует архаику общественных отношений. //Публичная политика. Т.3, №1, 2019. С.25-42. https://elibrary.ru/download/elibrary_42655360_34635140.pdf

Intelligentsia, intellectuals, and the social functions of intelligence [Интеллигенция, интеллектуалы и социальные функции интеллекта]. //Russian Intelligentsia in the Age of Counterperestroika: Political Agendas, Rhetorical Strategies, Personal Choices. Edited by Dmitri N. Shalin, Routledge, 2019, 56-72.

<https://www.routledge.com/Russian-Intelligentsia-in-the-Age-of-Counterperestroika-Political-Agendas/Shalin/p/book/9780367261696>

2018 edition:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19409419.2018.1533418>

2021 edition:

<https://www.amazon.com/Russian-Intelligentsia-Age-Counterperestroika-Rhetorical/dp/0367727242/ref>

В России думают о России. Почему страна не способна создать своей цивилизации, к которой бы по доброй воле потянулись другие народы. //Новая газета. 1 февраля 2019. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/02/01/79391-v-rossii-dumayut-o-rossii>

Ветер лучше, чем начальник, или О таинственном интересе к погоде. Что безличные конструкции русского языка говорят о нашем мировоззрении.

//Новая газета, 39. 10 апреля

2019. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/09/80156-veter-luchshe-chem-nachalnik-ili-o-tainstvennom-interese-k-pogode?>

Эпоха реконструкции. Прощание с 2010-ми. Или они еще не закончились? //Новая газета, № 2, 13 января 2020, с. 21 (эл. изд. 30 дек. 2019).

<https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/30/83341-epocha-rekonstruktsii>

Сатанодияция. Религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову. //Владимир Шаров: По ту сторону истории. Ред. Марк Липовецкий, Анастасия де ля Фортель.

Москва: Новое литературное обозрение, 2020, С. 257–285. <http://maximalibrary.org/component/maxlib/b/530568?format=read>

Ради прав «малых сих». Отступает ли Запад от христианских ценностей?

//Новая газета, 25 января 2020. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/25/83617-radi-prav-malyh-sih?fbclid>

Русский антимир

Человечность – превыше всего. Михаил Эпштейн о том, что в основе самосознания и государственности лежат филология и гуманистика. Интервью с Ириной Шлионской. //Независимая газета. 22 апреля 2020
<http://www.ng.ru/ngexlibris/2020-04-22/101027interview.html>

Вся власть войне? //Фонд Либеральная миссия. 30 июня 2020
<https://liberal.ru/povestka/7598>

Язык может не простить. Почему замена твердого знака на мягкий приводит к историческим переменам. //Новая газета. 8 августа 2020.
<https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86574-yazyk-mozhet-ne-prostit?fbclid>

Как Сталин марксизм разлагал. К 70-летию брошюры «Марксизм и вопросы языкознания». Почему мы и сегодня шествуем сталинским путем? //Новая газета. 24 августа 2020. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/24/86797-kak-stalin-marksizm-razlagal>

Социальная семиотика: от теории к практикам. Конференция «Социальная семиотика: точки роста. С.-Петербургский университет. Факультет свободных искусств и наук. 5 октября 2020 <https://vimeo.com/468505468>

Двуликий Хронос. Знаки времени, обращенного вспять. //Социальная семиотика: точки роста. Сб. под научной редакцией Г.Л.Тулчинского. Скифия-принт. СПб, 2020, С. 104–112.
<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/395128678.pdf>

Большой ноль — это знак 2020. Беседа с Ксенией Турковой. //Голос Америки. 30 декабря 2020. <https://www.golosameriki.com/a/v-slovare-etogo-goda-mnogo-travmy/5718746.html?fbclid>

Технический рай, социальный ад... Чем завершится эпоха раздражения? //Вестник Европы, 55, 2021 г. С. 146–159.

<https://magazines.gorky.media/vestnik/2021/55/tehniceskij-raj-soczialnyj-ad.html>

Время, назад! От ретро- к некро-. //Живой журнал. 10 января 2021; Сноб. 10 января 2021

<https://mikhail-epstein.livejournal.com/262126.html>

<https://snob.ru/profile/27356/blog/172724>

Сегодня само понятие "человек" становится опасным. Михаил Эпштейн и Новая архитектура человечества (Сергей Дацюк. Юрий Чудновский и др.). UKRLIFE.TV, Киев, 19 мая 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=oghiuv0FVek>

Dvjesto godina Dostoevskog (Двести лет Достоевского, на хорватском, интервью). //Umjetnost riječi, LXV (2021, November). 1–2 • Zagreb • siječanj – lipanj, pp. 89–104. <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1026475>

Достоевский — зловещий пророк. Лучше не встречаться с ним на исторических путях.// Сноб. 10 ноября 2021

https://snob.ru/profile/27356/blog/1002363/?utm_source

Библиография и видеография

- Орда сама по себе. //Эхо Москвы. 19 декабря 2021; Росбалт, 20.12.2021
<https://www.rosbalt.ru/posts/2021/12/20/1936480.html>
- «Rusko má psychologii vandráka. Není správné přistoupit ani na část jeho nesmyslných požadavků, říká filozof Epstein» («У России психология бомжа. Неправильно соглашаться даже на часть его бессмысленных требований, считает философ Эпштейн». Интервью Petra Prochazkova. //DenikN newspaper, 3 февраля 2022. (на чешском) <https://www.seznam.cz/komentare/15334337-rusko-ma-psychologii-vandraka-neni-spravne-pristoupit-ani-na-cast-jeho-nesmyslnych-pozadavku-rika-filozof-epstein>
- Историческое не-событие, или Праздник ноля. //Сноб, 16 февраля 2022
<https://snob.ru/profile/27356/blog/1005573/>
- Александр Янов — двуликий Янус: историк-пророк. Сноб. 20 февраля 2022
<https://snob.ru/profile/27356/blog/1005656/>
- 23 февраля: исторический смысл праздника. // Сноб. 22 февраля 2022
<https://snob.ru/profile/27356/blog/1005707/>
- Россия изгойская. //Эхо Москвы. 27 февраля 2022
<https://bramaby.com/ls/blog/rus/14192.html>
- «Расступайся, Орда идет!» Философ об истоках российской агрессивности [беседа с Татьяной Вольтской, 5 марта 2022]. //Радио Свобода. 13 марта 2022.
<https://www.severreal.org/a/filosof-ob-istokah-rossijskoj-agressivnosti/31748682.html>
- Время Свободы. «Шизофренический фашизм». Какое общество может оправдать войну.*
- 15 марта 2022. Философ Михаил Эпштейн оценивает состояние российско-го общества .
<https://www.svoboda.org/a/31729328.html> (мин. 23 – 28)
- Время Антихриста? //Ахилла. 24 марта 2022. <https://ahilla.ru/vremya-antihrista/>
- Проклятие пространства. //Регион. Эксперт. 4 апреля 2022.
<https://region.expert/curse>
- Stalin and Satan. The apocalyptic strain in Russian thinking [Сатана и Сталин. Апокалиптический устремления в русской мысли]. Transl. from Russian by Oliver Ready. //The Times Literary Supplement. April 8, 2022, p.10. <https://www.the-tls.co.uk/articles/vladimir-sharov-russian-thinking-essay-mikhail-epstein/>
- Почему мы в Украине? Михаил Эпштейн – о безличных конструкциях. //Радио Свобода. 8 апреля 2022. <https://www.svoboda.org/a/pochemu-my-v-ukraine-mihail-epshteyn-o-bezlichnyh-konstruktsiyah/31783597.html>
- Литераторы о кризисе и точках опоры. Интервью Борису Кутенкову. //Формаслов. 15 апреля 2022. <https://formasloff.ru/2022/04/15/literatory-o-krizise-i-tochkah-opory/?fbclid>

Русский антимир

Агрессия против Украины — это самоубийство империи, которая устала от себя. Разговор с Анастасией Изюмской в программе «Воздух» на канале Ходорковский Live. 25 апреля 2022.

<https://www.youtube.com/watch?v=Ue4prGbtPC4>

Ордынство и кочевье в российских истоках. — Радость пространства. Бесы. — Право на бесчестие. Освобождение от морали. — Взаимодействие с Западом. Прагматика и культура. — Спор с историком А. Яновым. — Наилучший вариант развития России. Множественность России и удельная Русь. — Субъекты Федерации. — «Мозг Путина». А. Дугин о русском поле. Эрос и Танатос. — Гоголь и демонический образ России. — Светлое направление. — Экзистенциальная политология. Первичные интуиции пространства, пустоты и тоски. — Будущее России. Противоречие А. Солженицына. Самоограничение — или новая империя? — Идеи земства и самоуправления. — Агрессия как форма самоубийства. Метафора: поэт, ищущий смерти. — Культура у бездны на краю. Гуманизм и отчаянное жизнелюбие. — Только поражение на поле битвы может переломить судьбу страны. — Болевые точки на глобусе, оставленные Россией. — Тоска молодецкая — и смертное отвращение к себе. — Роль православия. Сцепка государства и церкви. Можно ли такое православие считать христианством? — Расцерковление. Бедная вера. — О молодежи. — Нужно ли отменять русскую культуру на Западе? — Культура как враг государства и культов. — Русский язык как опора государства. Безличные конструкции. Склейка предметных и оценочных значений. Идеологическая зараженность языка. — Язык и безъязыкость войны. — Страна-антимир. Антихристианство. — Человечество надорвалось. История — не стрела, а волна. Прилив и отлив. — Возраст человечества. Ядерное оружие как испытание зрелости.

Восприятие русской культуры на фоне войны. Главные вопросы с Михаилом Эпштейном. //The Pushkin Society in America. 7 мая 2022

<https://www.facebook.com/TheLadyjenskyImmigrationArchiveCenter/videos/755293779183380>

Где центр ада? Михаил Эпштейн — о репетиции конца света. //Радио Свобода. 11 мая 2022 <https://www.svoboda.org/a/gde-tsentra-ada-mihail-epshteyn--o-repetitsii-kontsa-sveta/31831918.html>

Сатанодицея — Тень «русского мира». Разговор философа Павла Щелина с Михаилом Эпштейном на канале О. Арестовича «Апейрон». 31 мая 2022 <https://www.youtube.com/watch?v=LJ9Io5zfMyw>

Библиография и видеография

Война и философия. Михаил Эпштейн — об идеологии выжженной земли.
Разговор с Александром Генисом. //Радио Свобода. 26 июня 2022.
<https://www.youtube.com/watch?v=gA677S7t4wM>

Текстовая версия: <https://www.svoboda.org/a/voyna-i-filosofiya-mihail-epshteyn-ob-ideologii-vyzhzhennoy-zemli/31911748.html>

Schizophrenic Fascism: On Russia's War in Ukraine. [Шизофренический фашизм. О войне России в Украине] Trans. by Marian Schwartz. //*Studies in East European Thought*. Volume 74, issue 4 (2022). July 15, 2022. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11212-022-09487-w>

Почему война в Украине приведёт к росту насилия в России. Ведущая — Анастасия Изюмская, на канале Ходорковский Live. 30 июля 2022.
<https://www.youtube.com/watch?v=D66a8f0d6uI>

Шизофашизм и деимпериализация России. Разговор с публицистом Борисом Грозовским и директором Сахаровского центра Сергеем Лукашевским. //Сайт Сахаровского центра «О стране и мире». 1 сентября 2022.
<https://www.youtube.com/watch?v=Giiiqxw3xZ4>

О шизофреническом фашизме. — Русская культура как псевдоморфоза и антиморфоза западной культуры. — Фрейд об инфантильном состоянии русской культуры. — Ордынская матрица русской культуры. — Импорт в Россию идей и технологий Запада для подрыва Запада. — Формирование китайской цивилизации вне западного контекста. — О месте христианского раскола в русской культуре. — Раскол, как естественное состояние России. — Ядерное оружие и позиция России как антимира. — Стояние у края бездны, как отличительная черта русской цивилизации. — Дугин и идея рукотворного апокалипсиса. — Россия «великая или никакая» — ошибка российской цивилизационной матрицы. — Противотечения Запада и их имплементация в политическую реальность России. — Германия глазами немецких классиков и почва для нацизма. — Противопоставление культуры и цивилизации. — Опасность отсутствия идей в обществе. — Идеология смерти в России. — Что делает мировоззрение фашистским. — Хтонизм и религия земли в России. — Территориальное проклятье России. — Возможна ли деимпериализация русской культуры. — Сценарий возврата в доордынское время. — Универсалистский фокус российских интеллектуалов. — Новое пространство — тормоз для развития России. — Можно ли извлечь из социума религиозное сознание и культ самопожертвований ради родины. — Может ли деимпериализация в России оказаться устойчивой. — Переосмыслении классических текстов русской литературы и поиск в них новых опор после окончания войны. — Политика отмены на Западе и в Украине. — Почему инаковость Украины осталась незамеченной.

Русский антимир

Текстовая версия: Куда ведёт «особый путь» России и как с него свернуть. 12 сентября 2022. <https://reform.io/blog/2022/09/12/kuda-vedyot-osobyj-put-rossii-i-kak-s-nego-svernut/>

Утащит ли «Мертвая рука» живых в царство мертвых. //Новая газета/Свободное пространство. 26 сентября 2022. <https://novaya.media/articles/2022/09/26/utashchit-li-mertvaia-ruka-zhivykh-v-tsarstvo-mertvykh>

«На землях, куда приходит Россия, воцаряется пустота». Беседа с Сергеем Медведевым в его программе «Археология». //Радио Свобода. 2 октября 2022. <https://www.youtube.com/watch?v=4wCDgOEfkIk>

Тайная свобода. Михаил Эпштейн – о пушкинском мифе. //Радио Свобода. 2 ноября 2022

<https://www.svoboda.org/a/taynaya-svoboda-mihail-epshteyn-o-pushkinskom-mife/32101910.html?fbclid>

«Страшный язык 1937 года снова входит в употребление» — лингвист Михаил Эпштейн. Беседа с Ксенией Турковой. //Голос Америки. 12 декабря 2022

<https://www.golosameriki.com/a/srtashniy-yasyk-snova-vhodit-v-upotreblenie/6873168.html>

Других слов уже не осталось. Война и все её производные стали основой русской лексики. Итоги выборов «Слова года — 2022» //Новая газета Европа. 14 декабря 2022

<https://novayagazeta.eu/articles/2022/12/14/drugikh-slov-uzhe-ne-ostalos>

Summary and Table of Contents

The Russian Anti-World: Politics on the Verge of Apocalypse

Mikhail Epstein

This book is devoted to the turning point in the historical fate of Russia in its catastrophic confrontation with Ukraine and the West. This is not just a war, but a civilizational schism. We examine the transformation of the “Russian world” into an *anti-world* that threatens the very existence of civilization; and such features of this anti-society as anti-time, anti-space, anti-being, anti-morality, anti-Christianity, and anti-language. Systematically, in cultural and historical perspective, the book explores the nature of Russian “schizofascism” and new apocalyptic cult of war, death, and the end of the world.

“Terrible things, which I feared, have befallen me; and what I feared has come to me” (Job 3:25). Having endured the year 2022, all of humanity can say this about itself. The forces of the self-destruction of civilization, which have grown simultaneously with the forces of creation, have reached a climax, and found an ignition point: Russia. Now we watch as this fuse gradually lights, getting closer to the nuclear arsenal of the planet. Russia not only possesses nuclear weapons, but in a sense is also possessed by them.

In our time, politics ceases to be “only” politics; rather, it touches the philosophical and religious nerve of the existence of nations and the world and their ultimate meanings. Thus, the book offers philosophical, cultural, and linguistic approaches to political events, and draws on extensive material from mass media, Russian literature, and intellectual history.

No accomplishments of Russian culture, and no respect and affection for it, can wash away the mark of Cain, of fratricide, that the mass murder and atrocities against the Ukrainian population have placed on it. It is necessary to understand just how, out of that “good and light” in which we were brought up by the “most humanistic” literature, could come a *crime called Russia*—the greatest disaster and threat to humanity. Pushkin, Gogol, Dostoevsky, Chekhov, Solzhenitsyn, and Vladimir Sharov, among other writers and thinkers, attest to this historical and psychological collapse of the Russian civilization.

The book is divided into the following essayistic cycles: “The Russian Anti-World,” “Schizofascism,” “Cassandra Classics,” “Paths of Nonbeing,” “Doors of Hell,” “A Premonition of Decay,” “The Philosophy of War and Mythology of Soil,” and “Power and Language.” The last section includes “Thoughts on the

The Russian Anti-World

Course of Events”—brief reflections and comments on the political events of the year 2022. This is followed by a “Dictionary of the Anti-World”—definitions of those concepts and terms that characterize the new historical situation. Some chapters have previously been published as separate articles and essays; these, as well as other recent sociopolitical works and presentations by the author, are included in the “Bibliography and Videography” at the end of the book.

Mikhail N. Epstein is a cultural and literary scholar and essayist, author of forty books and many articles and essays on contemporary philosophy and religion, Russian and Western literature, and the development of the humanities. He is Samuel Candler Dobbs Professor of Cultural Theory and Russian Literature at Emory University (US), founder and head of the Center for Humanities Innovation at Durham University (UK, 2012–2015). His works have been translated into twenty-six languages.

Table of Contents

Foreword 7

The Russian Anti-World 9

Negative Identity	9
Pseudomorphosis and Antimorphosis. The Global Underground	11
The Anti-Society. Synodality (<i>Sobornost'</i>) and Co-Thievery (<i>Sovornost'</i>)	13
Emptiness. A Territorial Curse	15
Anti-Time: From Retro to Archeo	20
Anti-Life. Necrocracy	22
Anti-Morality. <i>Bobok</i> and Panphobia	26
Anti-Being. Ontocide	30
Inversions	32
Anti-Personality. The Nonlinear Logic of Military Psychosis	35
Anti-Value. Cultural Default	39
Russian Studies and Nihilology	41

Schizofascism 43

What is Schizofascism?	43
The Duplicity of National Soul	44
Lies without Deceit	48
Nomadism and Sedentarism	50

Summary and Table of Contents

Cassandric Classics 55

- Pushkin's Myth of Secret Freedom 55
- The Most Terrifying Character in *Dead Souls* 59
- The Eternal Chichikov—a Kherson Landlord 62
- Kovalenko versus Belikov: Why the Paths of the Two Nations Diverged 63
- Where Does Russia End? 66
- Saxifraga in the Crimea 70

Paths of Non-Being 72

- Historical Unsettledness 72
- How Revolution Reverses the Course of History: “The Asiatic Mode of Production” 74
- Hoo-hoo-politics. How Hoodlums Take over the State 80
- Emptistry, or How to Produce Nothingness 86
- Cacophilia. On the Benefits and Failures of Evil Power 89
- Novichok, a Newcomer 96
- The Suicide of Humankind 99
- Will the “Dead Hand” Drag the Living into the Realm of the Dead? 101

The Doors of Hell 103

- A New Apocalypticism 103
- The Time of the Antichrist 106
- Satan Rules the World: Toward a Theology of Terror 109
- Possessed by the “Holy” 118
- Where is the Center of Hell? Eurasianist Rehearsals for the End of the World 121

A Premonition of Disintegration 127

- On the Russias, *Plural* 127
- Victory as Defeat (August 2008) 132
- Russia as a Hopeful Monster: Forecasts on the Verge of the Fantastic 137
- More Different Russias? On the End of the Empire. A Conversation with Vadim Shtepa 146

The Russian Anti-World

The Philosophy of War and Mythology of Soil 152

Philosophy and War. A Conversation with Alexander Genis 152
Russian Christianity and Fascism. A Conversation with Sergei Medvedev 161

Power and Language 169

Why Are We in Ukraine? 169
Words and Actions. Putin and Kharms 173
Stalin and Linguistics: Between Marx and Prigov 175
Lie, Curse, Delirium... On the Power Functions of Speech (1937 and 2022) 181
The Night of Language. A Verbal Portrait of 2022 187
Language is Stronger than the State. When Will Putin's Rule End? 195

Thoughts on the Course of Events 197

Dictionary of the Anti-World 226

Bibliography and Videography 232

Summary and Table of Contents 240

ДРУГИЕ КНИГИ АВТОРА

На русском языке

Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. — М.: Советский писатель, 1988. — 416 с.

«Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высшая школа, 1990. — 304 с. 2-ое изд. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии 18–20 веков (серия «Радуга мысли»). Самара, Бахрах-М, 2007, 352 с.

Новое сектанство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970–1980-е годы. Холиоке (Массачусетс): Нью Ингленд Паблшинг Ко., 1993. — 179 с.; 2-е изд. — М.: Лабиринт, 1994. — 181 с.; 3-е изд. Самара, Бахрах-М, 2005. — 255 с.

Великая Сось. Философско-мифологический очерк. — Нью-Йорк: Слово, 1994. — 177 с. 2-ое изд. Самара: Бахрах-М, 2006, 268 сс.

Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. — Тенафли (Нью-Джерси, США): Эрмитаж, 1992, 1994. — 269 с.

На границах культур: российское — американское — советское. Нью-Йорк: Слово, 1995. — 344 с.

Бог деталей. Народная душа и частная жизнь в России на исходе империи. — Нью-Йорк: Слово, 1997. — 248 с.; 2-е изд. — М.: ЛИА Р. Элинина, серия «Классика XXI века», 1998. — 240 с.

Постмодерн в России: литература и теория. — М.: ЛИА Р. Элинина, 2000. — 367 с.

Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. — СПб.: Алетейя, 2001. — 334 с.

Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. — Новое литературное обозрение, 2004. — 864 с.

Все эссе, в 2 тт. т. 1. В России (1970–1980-е); т. 2. Из Америки (1990–2000-е). — Екатеринбург: У-Фактория, 2005, 544 с. + 704 с.

Постмодерн в русской литературе. — М.: Высшая школа, 2005. — 495 с.

Слово и молчание. Метафизика русской литературы.—М.: Высшая школа, 2006.— 559 с.

Амероссия. Избранная эссеистика./ Amerussia. Selected Essays (серия «Параллельные тексты», на русском и английском) М., Серебряные нити, 2007, 504 с.

Энциклопедия юности (совместно с Сергеем Юрьененом). —Нью-Йорк, 2009. — 477 с.

Каталог (совместно с Ильей Кабаковым). —Вологда, Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2010, 344 с.

Sola Amore: Любовь в пяти измерениях. —М., Эксмо, 2011 — 496 с.

Религия после атеизма. Новые возможности теологии. — М., АСТ-пресс, 2013, 416 сс.

Отцовство. Роман-эссе. — Тенафли (Нью-Джерси, США): Эрмитаж, 1992. — 160 с.; 2-е изд. Отцовство. Метафизический дневник. — СПб.: Алетейя, 2003 (первая книга в серии Men Studies); 3-е изд. Отцовство. Роман-дневник. М.: Никая, 2014. — 310 с.

Клейкие листочки. Мысли вразброс и вопреки. — М., Arsis Books, 2014 — 266 с.

Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. — М., Новое литературное обозрение, 2015. — 382 с.

Просто проза. New York: FrancTireurUSA, 2016 — 194 с.

От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 — 480 с.

Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб: Азбука, 2016 — 480 с.

Проективный словарь гуманитарных наук. М: Новое литературное обозрение, 2017 — 612 с.

Энциклопедия юности (совместно с Сергеем Юрьененом). 2-е изд. М., Эксмо, 2017 — 592 с.

Любовь. М.: Рипол-классик (серия «Философия жизни»), 2018 — 568 с. (2-е, переработанное изд. Sola Amore: Любовь в пяти измерениях. М., Эксмо, 2011, 496 с.)

Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Рипол-классик (серия ЛекцииPro), 2019. 240 с.

Постмодернизм в России. (3-е, расшир. и перераб. изд.) СПб: Азбука (серия "Новый культурный код"), 2019. 606 с.

Детские вопросы: диалоги. Иллюстрации Ирины Литманович. М.: Arsis-Books, 2020, 176 с.

Философский проективный словарь: Новые термины и понятия. Выпуск 2. (Соредактор с Г. Л. Тульчинским, автор предисловия и 140 статей). СПб.: Алетейя, 2020. — 544 с.

Первопонятия: Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022, 720 с.

На английском языке

Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper, #243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991, 94 pp.

After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995, 392 pp.

Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture (with Alexander Genis and Slobodanka Vladiv-Glover). New York, Oxford: Berghahn Books, 1999, 528 pp. Hardcover and paperback editions.

Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry). New York: St. Martin's Press (Scholarly and Reference Division), 1999, 340 pp.

Cries in the New Wilderness: from the Files of the Moscow Institute of Atheism. Trans. and intr. by Eve Adler, Philadelphia: Paul Dry Books, 2002, 236 pp.

Russian Spirituality and the Secularization of Culture. New York: Franc-Tireur USA, 2011, 154 pp.

PreDictionary: New York: Franc-Tireur USA, 2011, 141 pp. New York: Franc-Tireur USA, 2011, 50 pp.

The Transformative Humanities: A Manifesto. New York and London: Bloomsbury Academic, 2012, 318 pp.

The Irony of the Ideal: Paradoxes of Russian Literature (Ирония идеала. Парадоксы русской литературы). Boston: Academic Studies Press, 2017, 438 pp.

A Philosophy of the Possible: Modalities in Thought and Culture. (Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре). Transl. by Vern W. McGee and Marina Eskina. Boston, Leiden et al: Brill Academic Publishers / Rodopi (Value Inquiry Book Series), 2019. 365 pp.

The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953-1991). (Феникс философии. Русская мысль позднего советского периода (1953-1991)). New York and London: Bloomsbury Academic, 2019. 312 pp.

Ideas Against Ideocracy: Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953-1991). (Идеи против идеократии. Немарксистская мысль позднего советского периода (1953-1991)). New York and London: Bloomsbury Academic, 2021, 280 pp.

ДРУГИЕ АВТОРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

АБРАМОВ АКСЕНОВ

Прот. МИХАИЛ АКСЕНОВ-МЕЕРСОН АМУРСКИЙ

БАБУШКИН БАВИЛЬСКИЙ БАЛЛА БАТШЕВ БЕРГ БОГОМЯКОВ АЛЕНА БРАВО

БЕЛКА БРАУН БЕРЛЯНТ БОВ (БОБОВНИКОФФ) БОКОВ БОНДАРЮК БОРИН

БОРОДА БОРОДИН БРИГАДИР БУКШИН БЫЧКОВ ВЕРТЕЛА ВОИНОВ

ВОЙЦЕХОВСКАЯ ВОЛЫНСКИЙ ВСЕВОЛОДОВ ВОИНОВ

ГАЛЬЕГО ГАНОПОЛЬСКАЯ ГЕОРГИЕВСКАЯ ГОЛОВКОВ

Very Rev. DMITRY GRIGORIEFF ГУБЕРМАН ГУДАВА

ДАНИЛОВ ДВОРКИН ДЕГЕН ДЕМИН ДОБРОДЕЕВ ДОБРОВОЛЬСКАЯ

ДОБУЖИНСКАЯ ДРАГОМОЩЕНКО ДУДИНА ЗАГРЕБА ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ИВАНЧЕНКО ИОХВИДОВИЧ ИЛИЧЕВСКИЙ ИЦЕЛЕВ КОВАЛЕВА КОГАН

КОНДРОТАС КОРТИ КОТЛИКОВ КУПРЯШИНА КРЕЙН КУЗЬМЕНКОВ КУЛИК

КУРЧАТКИН ЛАВРЕНТЬЕВ ЛЕБЕДЕВ ЛЕВЧИН ЛЕСКОВА ЛИДСКИЙ

ЛОРЧЕНКОВ ЛЕМБЕРСКИЙ МАРТЫНОВ МАТВЕЕВ МЕКЛИНА МИЛЬШТЕЙН

МОРОТСКАЯ МУСАЯН НАЗАРОВ НЕСТЕРОВ НЕТРЕБО НИКИТИН ОГАРКОВА

ОГЛОБЛИНА ПАТРЫШЕВ ПОЛЕТАЕВА ПЕНИН ПЕТРОВ ПЫРЕГОВ

РАЗУМОВСКИЙ РАШИН РОДИОНОВ РЫБАКОВ САНДЛЕР СЕЛИН СЕН-

СЕНЬКОВ СЕРОКЛИНОВ СЛЕПУХИН СОЛОУХ СОКОЛОВСКИЙ СЕЧИНСКИ

(РЫБАКОВ) ТЕРНОВСКИЙ ТИБО УСЫСКИН УРАВЕЛЛИ УРСЕНКО ФОХТ

ХРАМОВА ХУРГИН ЦЕЙТЛИН ЧАНЦЕВ

ШЕСТКОВ ШМАРАКОВ ШУШАРИН

ЭПШТЕЙН

ЭЛЬ ЖЕЙМО ЭРБАР ЮРЬЕВ ЮРЬЕНЕН

ЯБЛОНСКИЙ

ЗАКАЗ КНИГ ПО АДРЕСУ

www.lulu.com

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА

frantireurusa@gmail.com

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Ольга Балла (Россия)

Дмитрий Бавильский (Россия)

Александр Берлянт (Канада)

Николай Боков (Франция)

Александр Кабаков (Россия)

Марина Ками (США)

Анни Сильвестр-Рома (Франция)

Марио Корти (Италия)

Элен Менегальдо (Франция)

Андрей Назаров (Дания)

Михаил Эпштейн (США, Великобритания)

Сергей Юрьенен (США)

Franc-Tireur
USA

**ПЕРВАЯ
ФИЛОСОФСКАЯ
КНИГА
О ПЕРВОМ ГОДЕ
ВОЙНЫ**

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

Русский антимир:
политика на грани
апокалипсиса

"Эта поразительная книга не только объясняет метафизику политической чумы, природу „антимира“ и цивилизационной катастрофы, в которую Россия может втянуть человечество. Это акт сопротивления. Эта книга дает надежду русской речи, возвращает достоинство русскому слову".

Михаил Шишкин, писатель,
Швейцария

MIKHAIL EPSTEIN

The Russian Anti-World:
Politics on the Verge of Apocalypse.
Political essays

Franc-Tireur USA

